



Вайнштейн Стелла
Жена
Лесничего

Annotation

Когда Чармейн клялась в вечной любви эльфу, то не подозревала, что всего через месяц предаст его и выйдет за другого. Лесничий Дэмиен добр и немногословен, но возможно именно он подарит ей настоящую любовь. Выдержит ли их союз возвращение прекрасного эльфа? Сможет ли Дэмиен признать ребенка другого? В руках Чармейн не только любовь двоих мужчин но и судьба волшебного леса. Сможет ли она выдержать игру по чужим правилам?

- [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
-

Глава 1.

Глава 1.

Лесничий Дэмиен вышел на опушку родного леса, и вздохнул в тревожном предчувствии. Пришла пора отправиться в Вирхольм, на сей раз не пополнить припасы, а найти себе жену.

Натопанная тропа вела вперед меж лугового разнотравья. Звенели насекомые, припекало солнце, от земли шел сухой жар. Как же отличался воздух на широких просторах от лесного! Напоен другими запахами, полнится новыми шорохами. Лесные-то Дэмиен умел мастерски распознавать. А еще ощущение пустоты и свободы, будто незримый наблюдатель, шепчущий и всезнающий, остался за чертой деревьев, и от этого Дэмиену было и боязно, и пьяняще хорошо.

Поскорее бы покончить с нервным ожиданием, узнать, действительно ли мэр Вирхольма сумел подобрать для него невесту или придется вернуться домой в одиночестве, в надежде, что волшебный лес рассеет разочарование.

Вскоре на горизонте показались высокие крыши города и приметный золотой шпиль церкви. Тропинка сменилась дорогой, затем лесничий зашагал по добротной каменной мостовой. По обе стороны главной улицы возвышались двухэтажные дома с покатыми крышами. Нижний этаж отведен под магазинчик, а второй отбелен, с черными балками крест накрест, под окошками ящики с разросшимися розовыми мыльнянками. Встречные люди вежливо здоровались с долей опасения, в дань уважения перед службой Дэмиена. Его службу ценили, но старались держаться подальше дабы не навлечь на себя излишнего внимания леса. Дэмиен отвечал приветствием, заметно смущаясь — за время одинокой жизни в лесу отвык от людского общения.

Пусть ему хотелось немедленно направиться в дом мэра, Дэмиен решил сперва навестить мать. Она жила совсем недалеко от главной улицы, в белом домике, любовно разрисованном ее же руками: вокруг окон синим узором вился вьюнок, а в завитушках прятались птицы.

Сына мать встретила радостно. Обняла, пощекотав щеку оборками чепца, как всегда тревожно захлопотала вокруг, беспомощно заметавшись по комнате, стараясь одновременно достать из буфета вчерашний пирог, напоить водой из хрустального графина, да насмотреться на Дэмиена как

следует. И сам лесничий, как всегда, заразился от матери суетной спешкой. Не сняв котомку, вломился на кухню за фарфоровыми чашечками, ненароком смахнул на пол картину со стены, затем долго вешал обратно.

Наконец, уgomонившись, оба сели за маленький столик у окна. Мать, подпирая щеку, наблюдала за тем, как Дэмиен с удовольствием угощается яблочным пирогом. Он отметил, что у матушки углубились морщины вокруг рта и глаз. Вся она иссушилась и сгорбилась, превратившись в настоящую старушку.

— Ты бы предупредил меня заранее, наготовила бы как следует. Самой мне почти ничего не нужно. Хорошо хоть, как чувствовала, побаловала себя выпечкой.

— Матушка, я не за припасами, а по другой причине в городе. Мэр обещал мне невесту просватать.

Матушка всплеснула руками, услышав новость, и вся засветилась изнутри.

— Вот счастье то! — Промелькнувшая на мгновение улыбка сменилась привычными поджатыми губами. Она поправила брошь на груди в виде певчей птички с гроздью ягод в клюве и сказала: — Как же так, Дэмиен? Разве тебе разрешается? На моей памяти лесничие никогда не женились. Говорят... Не перебивай меня, тебе не обязательно выдавать тайны леса в ответ на предположения старухи! Да и дикой охоты мне нечего бояться, как твоей матери. Говорят, фейри, что живут под холмом, по ночам приходят к лесничим водить хоровод, а лесные девы прекрасней человеческих в сотню раз! Ничего не отвечай, — добавила она, наблюдая за смущением сына. — Я о большем догадываюсь, чем ты думаешь.

— Матушка, все давно не так. Многое изменилось с былых времен, — Дэмиен невесело хмыкнул. Ах, если бы хоровод из прекрасных дев увлекал его по ночам! Только одна была, да и то, не его. — Уже двадцать лет служу я лесу, и пока в городе кипит жизнь, у меня один день похож на другой.

— Мой малыш...

Мать накрыла его руку своей, высохшей и мягкой, такой знакомой, что Дэмиен очнулся, поняв, кому жалуется. Матушка его проблемы принимала слишком близко к сердцу, а этого вовсе не нужно.

Не стоит ей знать, как тяжело возвращаться после изнурительного дня, голодному и грязному, в темную хижину. При свете свечи грызть сухари, яблоки или хлебать вчерашнее варево. А ведь построил хижину своими руками и до сих пор здоровался при входе, глядя шершавые бревна. И нельзя упомянуть гложущее беспокойство, ожидание беды, разлитое в воздухе. Но не в этом причина, по которой он решил жениться...

— Так что же? — угадала ход его мыслей мать. — Я смогу надеяться на внуков?

И столько тоски и затаенного томления было в этих словах, что Дэмиен не удержался и кивнул. Рождение детей — редкое событие в Вирхольме по правилам договора. Редкое и желанное.

Дэмиен, встал, поправил шапку на спутанных волосах и потянул за ляжку котомки, надеть на спину.

Мать подошла, оправила воротник нательной рубахи и встревоженно запричитала:

— Что же ты, сынок, себя в порядок привести не удосужился? Срамота какая!

Только сейчас Дэмиен обратил внимание на свой несуразный вид: волосы взъерошены, борода до середины груди, кожаная безрукавка с порванным шнурком, да потрепанные штаны. В Вирхольме одевались опрятно, брились начисто, и ему тоже следовало подумать об этом, особенно сейчас!

Дэмиен наскоро попрощался и выскочил за дверь, прежде чем матушка разведет бурную деятельность, стараясь привести сына в порядок. Чего уж поделывать, будущей жене придется принять его как есть.

В прошлый приход Дэмиен сказал мэру о своем тайном желании. Тот посмотрел на него удивленно, как и мать, но обещал подумать. Время шло, вестей не было, и Дэмиен перестал надеяться. Все вспоминал о том разговоре, гадал — забыл ли мэр или не захотел отдавать за него девушку из городских? Но позавчера, обходя границы, Дэмиен увидел условный знак — шест посередине приметной поляны. Пospешил домой, сложил в котомку все, чем был богат. А сердце гудело от радости — может, вернется из Вирхольма не один.

Мэр ждал его в дверях добротного двухэтажного каменного дома с высокой крышей. Улыбнулся и сделал жест, приглашая в дом. Заискивающе пригласил. Дэмиен, хоть и не жил среди людей, но сразу почувствовал неискренность. Всегда приветливый, мэр на сей раз чуть ниже поклонился, слишком широко улыбнулся. Может, не смог невесту найти, по другой причине позвал и теперь боится гнева лесничего? Или невеста с пороком, на которую другие не позарились, и стоит подсластить гостеприимностью? Что ж, Дэмиену не следует привередничать, будущей жене придется покинуть родной дом и жить в лесу, которого все городские избегали согласно договору. Не пойдет за него видная невеста. Какую дадут, такую возьмет.

Мэр завел его в парадную гостиную, светлую комнату с удобным

диваном со множеством изумрудных подушек. Жена мэра поднесла чашку горячего отвара и сладкую снедь. Присела рядом, пристально разглядывая лесничего, теребя крупные кольца на пальцах. Под ее взглядом Дэмиен и вовсе решил, что дела его плохи, но показать тревогу хозяевам не решился. Смотрел в пол и из вежливости пил отвар, которого совсем не хотел после угощения матери.

Мэр сел рядом в кресло, забрал из рук пустую чашку, заглянул в лицо лесничему:

— Подумал я над твоим желанием. Не передумал ли ты, Дэмиен?

— Не передумал, — твердо сказал лесничий. — Вот и выкуп за невесту принес.

— Что за выкуп?

— Это я будущему тестю покажу.

— Так покажи мне, Дэмиен. Хочу я дочку свою за тебя отдать.

И вдруг все стало на свои места: пристальный взгляд жены мэра, теплый прием. Лесничий подивился на собственную недогадливость. Дочку мэра он видел, хоть и бывал в городе не часто. Когда он ушел в лес, Чармэйн была еще ребенком, а потом расцвела, став признанной городской красавицей. Вечерами юноши собирались под окнами дома мэра, пели серенады, читали стихи, или чем еще балуются от безделья. Весела была она, как весенний день, и особо прелестна, когда смеялась в ответ на шутки запрокинув голову, от всей души.

Сам Дэмиен на нее заглядывался втайне от остальных — черная коса до пояса, глаза словно два агата. Если песню заводила Чармэйн, то забывал Дэмиен, кто он и откуда. Пташки ей подпевали, казалось, ночные колокольчики звенят. От женихов отбоя не было, но всех она водила за нос, ни одному не отдавая предпочтения и не отбирая надежды. А потом будто подменили ее. Поклонников прогнала, заперлась в доме, перестала показываться на праздниках и посиделках. Целыми днями сидела у окна высматривая что-то. Дэмиен, помнил, как в один из своих визитов, проходя мимо дома мэра глянуть на его дочку, заметил темный сутулый силуэт, без остатков былого веселья. К тому же Чармэйн подурнела, раздалась вширь как рожавшая баба. Матушка говорила, что видели как она выскользывает ночью из дома мэра в неизвестном направлении.

Мэр рассказывал, что дочь расстроена судьбой брата, изгнанного дикой охотой из Вирхольма после некрасивой историей с дочерью мельника, но никто на веру не принимал. Дикая охота была года за три до этого, когда Чармейн еще девочкой была.

Вот кого решил просватать мэр Дэмиену. Хотел лесничий отказаться,

не такой представлялась ему желанная невеста. А потом, поддавшись внезапному порыву, решил, что раз судьба предназначила ему Чармэйн, то бежать от нее негоже. Что ни говори, есть у них одно общее — оба чужие в Вирхольме. Раз она согласилась стать его женой, то и ему следует согласиться.

— Хорошо же, — сказал лесничий. — Вот мой выкуп.

Достал котомку, открыл ее и высыпал на белую скатерть десять золотых бусин. За двадцать лет службы нашел их в укромных местах после наиболее трудных заданий. Лес бывает благодарен своим хранителям.

Мэр подозвал жену, прошептал ей что-то на ухо. Она стремительно вышла из комнаты, вернулась с черной шкатулкой — на крышке медвежья лапа на крышке, оберег от кражи. Мэр сложил золото в шкатулку и сказал Дэмиену:

— Я дочь свою обещал с тобой познакомить, пусть она и согласилась заранее. Захочет пойти за тебя, сегодня же свадьбу справим. Если нет, то не суди меня строго.

Он встал из-за стола.

— Пойдем, проведу тебя к моей Чармэйн.

Мэр пошел в заднюю комнату, красиво убранную, с огромной картиной во всю стену, на которой молодая красивая девушка качалась на качелях. Чармэйн, всего лишь год назад. На скамейке у окна, как насмешка над портретом, сложив руки на коленях и потупив голову сидела ныне грузная женщина. Волосы под платком спрятаны, на сером платье ни одного украшения, под глазами сизые тени усталости. И все же на лице остались следы былой красоты — кожа гладкая, ресницы густые, длинные. Увидев ее, Дэмиен вспомнил то ночное пение, и сердце забило сильнее. Тогда и думать о Чармэйн не смел, а теперь вот как — умамливают его, лишь бы взял.

Подошел он к ней, сел рядом на скамью. Дверь закрылась, оставив их наедине. Просидел так Дэмиен минут десять, все ждал, когда невеста скажет что-нибудь, поприветствует его. Но Чармэйн молчала, на жениха вовсе не смотрела — разглядывала через окно дворик с разросшимся садиком.

Сколько тоски, затаенной грусти было в этом взоре! Будто Чармэйн — птичка в неволе с обрезанными крыльями. Лесничему захотелось приголубить девушку, показать, что мир не так плох, в нем есть место любви и заботе.

И пока молчание висело между ними, понял Дэмиен, что без нее он не вернется домой. Не сможет продолжать привычный уклад жизни, если ее

не будет рядом. Не важно, что говорят о Чармэйн другие. Разве о нем самом не сплетничали? Ребенком Дэмиен всегда держался в стороне и вот нашел свое место. Кто знает, почему произошла с Чармэйн такая перемена?

Разволновался Дэмиен от своих мыслей, спросил ее о первом, что в голову пришло.

— Скажи, ты любишь лес?

Подняла Чармэйн на него свои черные глаза. Грустные, безнадежные. Сказала:

— Нет, я боюсь его. Но за тобой пойду.

Попал Дэмиен в плен этих глаз. Молча встал, протянул руку Чармэйн, повел к отцу за благословением. Тут же пригласили священника по старинной традиции, ближайших соседей, да матушку позвали. Она смутилась внезапным родством с мэром, не знала — радоваться ли за сына или волноваться из-за невестки, а чувствовала то и другое одновременно. Во время церемонии Дэмиен держал невесту за руку, а та больше не вернула взгляда, только ровным голосом произнесла слова обряда и приняла ответные клятвы. Свадьба получилась странная, с напускным оживлением: Чармэйн считали пропащей, Дэмиена опасались, поэтому лесничий постарался как можно быстрее найти предлог уйти.

Мать Чармэйн, занятая свадьбой, не позаботилась собрать вещи, а сама невеста не пожелала ничего брать из дома. Пошла за мужем в чем была, переодевшись после свадьбы в удобное серое платье с передником. До опушки шагала чуть поодаль от Дэмиена, но нет-нет да и посматривала в его в сторону. А когда зашли под сень деревьев, взяла за руку и тесно к боку прижалась.

— Чего ты боишься, Чармэйн? — спросил ее Дэмиен ласково.

— С тобой, ничего не боюсь. Только не бросай меня!

— Да вот же я, тут, — он крепче обнял ее.

— Далеко еще?

— До ночи доберемся.

В чем заключалась служба лесничего, в Вирхольме знать не полагалось. Когда тот умрет, никто не придет его хоронить. Так уж завелось испокон веков — лес забирал из деревни ребенка и живым не возвращал.

Обычно новый лесничий долго живет под боком у старого и осваивает премудрость. Лишь Дэмиен был первым, кто не застал предшественника. Тот умер внезапно, как иногда случается со смертными, лес не все умеет предупредить. Пришлось всему учиться самому, следовать за чутьем, решать, прислушиваясь к интуиции. Ни на что бы он свою судьбу не променял. Никто не видел того, что видел он. В памяти Дэмиена хранились

настоящие чудеса. Однажды ему даже удалось птицей пролететь в ночном небе. Воспоминания промелькнули радужным самоцветом, и лесничий улыбнулся, а внутри разлился пьянящий восторг. Как Чармэйн может не любить лес? Просветы неба над головой, свежий запах молодой листвы, не то, что в городе — душок зловонья от выгребной ямы. И природа — Дэмиен любовно провел рукой по коре дерева — возвращает любовью на любовь. Никогда не предаст, за службу воздаст сторицей. Но ничего, Чарм приживется, может, полюбит тихую жизнь. Если бы осталась такой, как раньше — никогда бы не привыкла. Тогда Чармэйн купалась в восхищении, на Дэмиена даже не смотрела. А сейчас... Кто кого выбрал, он ее, или она его? Отчего сразу сказала — "за тобой пойду"?

К закату они вышли к хижине лесника. Дэмиен построил ее на берегу маленького озера. Можно сказать, он отстраивал своё жилище целых три раза. После первого, неудачного, отправился в город набираться опыта. Да и тот не совсем подошел — никто не строит в одиночку, но хоть правильной работе с инструментами выучился. После второго, когда с крыши упал и сломал руку, решил попросить помощи у леса. Фейри не пришли на зов, а Хозяин леса помог на свой лад. Так и выросло его жилище, задняя стена — широкий дуб, в стенах — окна, затянутые бычьим пузырем. Печку сложил сам, как и остальные три стены. Мебель выстругал из упавших деревьев. С крышей долго провозился, но теперь можно не бояться дождя. Хорошо смотрится его дом со стороны — зеленые ветви шелестят над крышей, у порога плещется вода. Рядом широкая поляна — место для водопоя. Вот и Чармэйн сжала его руку. Удивленно осмотрелась и бросилась бегом к порогу.

— Куда ты?

— Дэмиен, какая красота. Ты только посмотри!

Маленький водопад счастливо журчал, окунаясь в позолоченную солнцем воду. Зеленый плющ карабкался на крышу хижины. Почуввав Чармэйн, он распустил цветы — любил покрасоваться.

— Ты видел? — воскликнула она.

Дэмиен не смог сдержать улыбки.

— Добро пожаловать домой, женушка.

Дэмиен не знал, когда жена начала меняться. Может через месяц после

свадьбы? Лесничий тогда вернулся домой после длинного дня. Только теперь он не шел понури́в голову, обдумывая, что из домашних обязанностей не терпит промедления. Нет, Дэмиен шагал, насвистывая веселую мелодию. Чармэйн хорошо справлялась с хозяйством. Дэмиену казалось, что и раньше он жил неплохо — у каждой вещи свое место, пыль только по углам, где не видно. Но сейчас даже воздух стал другим — кисловатым от дрожжей на подоконнике, свежим от вымытого пола, душистым от букета цветов на кухонном столе. Как же он справлялся без нее раньше? С кем говорил длинными вечерами, кто ухаживал за ним во время болезни? Без Чармэйн не было жизни.

Он оберегал ее, как драгоценность. Боялся притронуться, разрушить хрупкую гармонию между ними. Дэмиен ощущал, что за нервозностью жены таится постоянный спутник — страх, но та отнекивалась от расспросов. Когда он, пригибаясь, заходил через порог, она сначала резко вздрагивала и лишь потом приветливо улыбалась. Страх перед лесом присутствовал всем Вирхольмским, это часть договора, но Дэмиену иногда казалось, что за поведением Чармэйн кроется нечто большее. Может, когда феири соблаговолит с ней познакомиться она посмотрит на лес по другому? Перед их обаянием трудно устоять.

Дэмиен, конечно, не раз пытался приласкать жену, но Чармэйн виновато улыбалась и ускользала из объятий. Он не настаивал, ни к чему спешить. Вся жизнь впереди. И так лучшей жены не найти. Она умела угадывать желания прежде, чем Дэмиен успевал осознать их. Какие грибы с луком ждали его на прошлой неделе! А в Вирхольме болтали, что Чармэйн безрукая, только песенки горланить горазда. Хорошо, что он никогда не верил людской молве.

Дэмиен подошел к хижине, постучал в дверь. Еще непривычно к себе домой проситься, но так жене спокойней, а ему не трудно. Чармэйн открыла дверь, а Дэмиен замер в изумлении и в первый раз понял — ее не узнать — щеки горят румянцем, глаза сверкают, длинная коса переброшена на пышную грудь, на тонком стане повязан передник. Куда исчезла прошлая, тусклая женщина? Случилось ли это за день или постепенно, так, что он и не заметил?

— Заходи, Дэмиен, — сказала она. — Заждалась я тебя.

При ней, такой красивой и радостной, Дэмиен совсем оробел, хотя еще вчера сразу же делился новостями о прошедшем дне. Молча зашел, боясь посмотреть ей в глаза, сел за стол.

— Расскажи, где сегодня ходил, что видел?

— Ручей запрудило. Целый день ветки разгребал.

— Так ты же сухой, — удивилась Чармэйн.

— Вчера сильный ветер был, четыре гнезда на землю свалилось. Пустые уже, но пока на деревья лазил, успел высохнуть.

— А ведь правда, от тебя тиной пахнет. Нехорошо, Дэмиен, только на прошлой неделе хворь прихватил, новую ищешь?

Она поставила перед ним горячий казан, источающий запах картошки с чесноком и укропом. В животе забурчало, Дэмиен взял в руки свежевывстроганную ложку.

— Не возьмет меня болезнь, особенно пока ты заботишься обо мне.

Он ел с удовольствием, никак не мог насытиться. Чармэйн села рядом, сложила руки под подбородком и, довольно улыбаясь, наблюдала за ним.

— Почему ты ничего не ешь? — осторожно спросил он. — Вон как исхудала.

— Что, правда похудела? — взволнованно спросила она, а потом заметалась по дому, ища, во что поглядеться. Не найдя, застыла посреди комнаты, осмотрела кисти рук, провела ладонью по животу. — Ах, и правда... Вот напасть какая, недосмотрела, глупышка!

У Чармэйн сошел цвет с лица, она дрожала как осиновый лист.

— В чем дело? — испугался Дэмиен.

— Ничего, ничего.

Чармэйн присела рядом, достала из передника свою ложку, зачерпнула из горшка. Она ела сосредоточенно, как будто выполняла внутреннее задание. Дэмиен, замерев, смотрел на нее, не говоря ни слова. Чармэйн ела так быстро, что поперхнулась, закашлялась, прижав руки к горлу. Дэмиен вскочил с места, переметнулся ударить ее плашмя по спине. Плечи Чарм тряслись, она тяжело и хрипло дышала. Потом вдруг обернулась к нему, вцепилась в рубаху, мельком стрельнув вверх шальными глазами, и расплакалась. Горько, безутешно, как по умершему.

— Да скажи, что такое?! — воскликнул он.

Чармэйн промолчала, только рыдания стали еще звонче. Дэмиен присел рядом с ней, встряхнул, чтобы посмотрела в глаза.

— Говори, Чармэйн.

Она собралась в комочек, пристроила ладони между коленок. Виновато взглянула на Дэмиена, и чем дольше смотрела на него, тем веселее становилась.

— А ведь и правда глупость, — прошептала она, смотря ему в глаза. — Похудела, и что с того? Я теперь твоя жена, лес меня защитит.

— От кого защитит?

— Ах, Дэмиен, это все в прошлом. У нас теперь новая жизнь.

Если бы Дэмиен лучше знал людей, он бы настоял на своем, задавал бы вопрос за вопросом, пока Чармэйн не призналась бы в тайне. Но он еще немного робел перед неожиданным счастьем. Боялся обидеть жену, еще не знал, что после ссоры и мир бывает слаще. Потом он часто корил себя за то молчание, за трусость свою, но было уже поздно.

Ночью Чармэйн легла, как обычно, возле очага на тюфяке, Дэмиен тихонько устроился на лавке, которая могла бы раскладываться на двоих. Летний ветер снаружи шуршал в ветвях дуба, заставляя лунные блики на трубе выводить безмолвный танец. Всего за месяц Чармэйн ощутила себя настоящей хозяйкой: на каждой вещице лежал отпечаток ее руки, она приручила хижину, как объезжают необузданного жеребца. Горшки ровным строем красовались на полке, даже кора дуба, ствол которого образовывал дальнюю стену, немного смягчилась и обросла мхом.

С первого взгляда Чармэйн поняла, что лес пронизан волшебством. Городские никогда не зайдут за черту леса, соблюдая договор, а она была раньше, только не смотрела по сторонам тогда. А сейчас боялась встречи с прошлым проводником, поэтому первые дни совсем не выходила за порог. Потом познакомилась с застенчивым брауни, — он немного помогал Дэмиену в домашних делах, но совсем растерялся, увидев Чармэйн. Сама девушка испугалась не на шутку: запрыгнула на печку, схватив ухват, и даже взглянуть боялась на маленького дедушку. Так она и сидела, не шелохнувшись, моля про себя, чтобы Дэмиен поскорей вернулся домой. Наконец домовый робко представился, и Чармэйн до глубины души покорила его деликатность. Для нее волшебство означало грубую силу, которая берет все, что пожелает, не принимая во внимание человеческие желания. Они с домовым подружились, хотя помощник попросил пока не рассказывать о нем хозяину. Все-таки брауни поселился неприглашенным, втайне от Дэмиена.

Чармэйн привыкла к этой необыкновенной хижине и даже чувствовала себя дома больше, чем когда-либо в Вирхольме. Но сколько она не ворочалась с боку на бок сегодня, сон не шел. Было неуютно, будто кто-то следит за ней, и Чармэйн корила саму себя за неосторожность. Столько времени скрываться, чтобы так глупо выдать себя!

Сколько Чармэйн ни вглядывалась в окно, стараясь увидеть, кто наблюдает за ней, там царила темнота. И все равно заснуть не удавалось, ее будто плетью ударяло ощущение беды, ошибки, неотвратимости, и Чармэйн хотелось бежать прочь самой от себя. И тогда она снова смотрела в окно, стараясь убелиться, что тревоги напрасны. Лишь однажды показалось, что между ветвей промелькнуло белое пятно: лицо человека

или любопытная белка — она разглядеть не успела, но сердце забилось раненой птичкой внутри. Чармэйн нырнула с головой в одеяло, молясь, чтоб ее не заметили, что ей всё показалось. Одеяло укутывало мягкой темнотой, она спасалась в нем, как в детстве от чудовищ, живущих под лавкой. Тогда она верила, что одеяло защитит от опасности, хотя давно знала, что ничто не спасет, может, только Дэмиен, ведь он лесничий и ему не страшна дикая охота.

Дэмиен... Чармэйн окинула взглядом темный силуэт на лавке. На мгновение в груди томно потянуло, и ей захотелось покинуть неудобную постель, прокрасться к нему по скрипучим доскам, как он давно уже мечтал, скользнуть под теплый бок и забыть обо всех печалях.

Она видела от него только хорошее, а сама принесла змею за пазухой. Чувство вины бежало свинцом по жилам, заставляло вести себя еще более любезно с Дэмиеном, почти заискивающе. Чармэйн и так чувствовала себя никчемной, а доброе отношение мужа и вовсе словно камнем давило на нее. Что сделал Дэмиен, если бы узнал? Выгнал? Чармэйн еще не готова встретить его гнев, еще слишком слаба. Может, через неделю... А пока нужно стать необходимой Дэмиену. Девушка на мгновение горько улыбнулась. Только подумать, что она, Чармэйн, которая и в счастливые дни отличалась ленцой: убегала в поле в день стирки, придумывала хвори лишь бы не убирать, теперь стала примерной женой. Она смогла. Многие изменилось. Когда-то и красота казалось важной. Теперь ее хочется проклясть, как навлекшую беду.

Дэмиен и Чармэйн проснулись утром почти одновременно от звуков неистового летнего дождя. Капли барабанили по крыше, рвались в хижину через пленку бычьего пузыря на окне. Чармэйн мигом вскочила:

— У меня же белье сушится!

Она выбежала, повязывая на ходу платок на волосы. Дэмиен пошел за ней, помог занести мокрые, грязные простыни и одежду.

— Ничего страшного, — утешал он Чармэйн. — В следующий раз сама не стирай, дождись меня. Я и о погоде спрошу у леса заблаговременно.

— У меня все из рук валится.

— Ничего подобного. Со всем справляешься, везде успеваешь. Видимо просто устала. Отдохни сегодня, Чармэйн, я принесу ужин.

— Нет-нет, Дэмиен, я приготовлю. Пусть будет на ужин что-то горяченькое прямо из печи, с пылу с жару.

Чармэйн утерла нос, она сама не заметила, как расплакалась из-за такой мелочи, как испорченная стирка. Она всегда легко плачет, когда на

душе тревожно. Нельзя ему показывать, нужно собраться.

Чармэйн мягко провела рукой по плечу мужа и успокоилась, увидев, как уголки его губ приподнимаются в тайной улыбке. Она любила эту улыбку, потому что Дэмиен, сам того не осознавая, весь светился изнутри, радуясь ласке.

И тогда Чармэйн, повинувшись порыву, наклонилась вперед и коснулась его губ своими. Дэмиен сперва замер, а потом прижал ее крепко к себе шершавыми руками, поверх мокрых простыней. И Чармэйн его объятия были вовсе не неприятны.

После ухода мужа Чармэйн вынесла наружу остатки вчерашнего ужина. Ее уже дожидались двое полосатых бурундучков, а нетерпеливые белки перепрыгивали с ветки на ветку. Какие бесстрашные, так и лезут под руку! Увидев Чарм, одна из белок нетерпеливо забегала взад-вперед, а потом, не выдержав, спрыгнула прямо на юбку девушки, вцепилась в ткань острыми коготками и полезла вверх.

— А-ах! — то ли закричала, то ли вскрикнула Чармэйн и выронила миску с картошкой.

Белка тонко пискнула и спрыгнула на землю. Но к еде не подошла, села тихонько на землю и выжидательно посмотрела на Чарм. Та энергично трясла юбками, будто на нее карабкалось мышинное полчище. Из дома высунул нос брауни:

— Чего случилось?

Чармэйн глубоко вздохнула, приладила платок на волосах.

— Все в порядке, хозяйнушко.

— Пусть не шалят тут, — заворчал брауни, — дармоеды.

— Иди сюда, — позвала Чармэйн белку. — Я просто испугалась, вот и крикнула. Не бойся.

Белка осторожно поддалась вперед, потом прыгнула под руку Чарм и утащила кусочек. Вскоре и остальные зверьки последовали ее примеру. Бурундук взял в лапки картошку, брезгливо обнюхал: не понравился резкий запах чеснока. Так и бросил на землю, не доев, но к Чармэйн все равно подошел и оставил на траве, как обычно, маленькое черное семечко.

— Подожди! — сказала Чармэйн. Она загодя припрятала немного черствого хлеба в кармане.

Протянула, но не успела кинуть на траву: бурундук выхватил крошки прямо из рук. Чармэйн улыбнулась, наблюдая, как забавно зверек работает челюстями. Скоро и остальные получили свою порцию, каждый принес взамен немного семян.

Чармэйн подобрала их все, осторожно спрятала в передник. Из

Вирхольма она вышла с пустыми руками и потом часто жалела об этом. У Дэмиена были кое-какие запасы, но теперь, когда едоков прибавилось, они таяли прямо на глазах. Вот если бы у них был свой огород... Первые семена, принесенные животными, Чармэйн посадила три недели назад, и те уже зеленели сочными ростками. Дэмиен всегда говорит, что лес обо всем позаботится, что на него можно положиться, и потихоньку эта вера проникала и в саму Чармэйн. Она надеялась глубоко внутри: если будет добра к лесу, если будет кормить зверюшек, поливать окружающие деревья... Если лес полюбит ее, то, может быть, защитит, спасет от того, кого опасалась Чармэйн... Дэмиен ведь защищен от него, согласно договору.

За окном смеркалось. Чармэйн успела переделать, с помощью домового, большинство домашних дел и теперь вышивала новую, белую скатерть красной ниткой: простой узор из палочек и треугольников. Пока не хватало мастерства на более искусную работу. Совсем другое ощущение — украшать свое жилище, а не родительское. Хотелось создать что-то особенное, красивое, чтобы вся хижина засветилась. Но пока и такая скатерть лучше чем ничего, а со временем она обязательно научится...

Чармэйн улыбнулась про себя, перекусывая нить. Сладко целовать Дэмиена. Пусть он не высок, хоть и крепко сложен, а борода делает похожим на дикаря, но стоит посмотреть в глаза, и кажется, что красивее Дэмиена нет на свете. Он смотрит робко, но с особой смешинкой, словно подзуживая перепрыгнуть через глубокий овраг, в то же время обещая подхватить, если Чармэйн оступится, никогда не оставит в беде.

Каково прожить с ним жизнь? Раньше Чармэйн не задумывалась, но после поцелуя невольно начала мечтать, как и всякая женщина, о детишках у печи, о долгих зимних вечерах вдвоем за неторопливой беседой. И мечты оказались не горькими, а приятными, даже греющими.

Она обязательно встретит его поцелуем. Посмотрит в глаза и покажет, что утренняя нежность не была случайностью, что теперь они заживут совсем по-другому. Ровные стежки ложились один за другим на гладкую ткань, брауни неторопливо и основательно подметал пол. Солнце стояло высоко в небе, Дэмиен еще не скоро вернется, а сердце уже ныло от ожидания.

Вдруг брауни поднял голову, пригнувшись к чему-то.

— Идут, — пробормотал он.

И тут же раздался стук в дверь. Не стук, а барабанная дробь, такая, что тяжелые бревна задрожали, а пустая лавка запрыгала по полу. Стук повторился, входная дверь чуть не вылетела из петель.

Чармэйн затравленно сидела на стуле, заледеневшие ноги не желали двигаться. Она только и смогла, что пискнуть:

— Кто там?

За дверью ответили коротко, приказом:

— Открой.

— Нет, — прошептала Чармэйн одними губами, — не открою.

Брауни бросил метлу посреди комнаты и бесшумно скользнул за очаг, оставив Чарм одну-единешеньку, мнущую ненужное вышивание в руках. Острая иголка впиалась в палец, выдернув Чармэйн из забытья.

Она кинулась к задней стене, дубовой, подальше от двери. Прижалась спиной к шершавой коре, к мягкому мху. А в дверь колотили и колотили.

— Открой! Открой!

Нет, ни за что. Нельзя его самой пускать за порог, Чармэйн точно знала это. Впусти один раз, и он зайдет непрошеным гостем. Нет-нет, стены родной хижины защитят Чармэйн, они должны. Дверь выстоит, а она переждет. Постучит и уйдет, постучит и уйдет...

Удары затихли, и Чармэйн слышала лишь стук собственного сердца — оно билось где-то у горла, мешая дышать. В комнате плыла тишина, а где-то за дверью шелестела трава под чужими шагами.

"Если заглянет через окно, я умру, просто умру".

Чармэйн крепко зажмурила глаза и еще глубже вжалась в ствол дерева. Вдруг дуб за спиной задвигался, перебирая заскоруждыми буграми. Чармэйн вскрикнула от ужаса и сама зажала себе рот руками, отпрянула на середину горницы. Окружена со всех сторон, совсем одна, всегда одна!

И тут снова раздался стук. На сей раз били не руками, а чем-то тяжелым, ухающим о хлипкую дверь. Стены заходили ходуном, бычий пузырь лопнул и повис бурными ошметками. От первого удара доски треснули, а от второго низкая дверь вылетела из петель и прогрохотала по комнате, на пути сбив Чармэйн с ног. Она ударилась лицом о доски, так, что искры посыпались из глаз. Посмотрев вверх, Чармэйн только и смогла различить темную тень в зияющем проеме.

Пали стены дома, не спасли Чармэйн.

Наклонившись, в горницу зашел мужчина. Его светловолосую голову, с локонами до плеч, украшал веночек из сонма голубых бабочек, порхавших вокруг висков, взлетая и садясь обратно. Худощавый торс облегал блестящая черная туника с зелеными всполохами из панцирей весенних жучков-навозников. Прозрачный плащ из стрекозиных крыльев стекал по спине и тянулся по полу далеко за порог. Лыдисто-голубые глаза смотрели на Чармэйн сурово, укоризненно.

— Так вот ты где, — сказал мужчина. — Суженая.

Чармэйн закрыла лицо ладонями — нашел, он нашел ее!

Мужчина, нет не мужчина, а фейри, эльфийский король, легкими шагами измерил хижину, окинул презрительным взглядом брошенную метлу, рогатый ухват и, поправив прозрачный плащ, сел на лавку у окна. Чармэйн лежала у его ног, униженно вжавшись носом в доски.

— Значит, тут ты скрываешься, Чармэйн, — процедил он. — А я, как дурак, ищу тебя по всему городу.

Чармэйн на мгновение прикрыла глаза. Его запах, ненавистный запах эльфа! Сперва окатывает острой свежестью молодой травы, сладким ароматом вьюнка, но после... После воздух полнится болотной сыростью, которая проникает в складки одежды, в волосы, следует за тобой повсюду и не дает покоя ни ночью ни днем. Его запах, как и он сам, — невыносим, неприятен, и видит Бог — избавиться от него невозможно.

— Оставь меня.

Чармэйн вытерла украдкой о передник ладони. Пусть она желала сбежать от него и не видеть до скончания времен, ей все равно хотелось выглядеть лучше, чем она есть: стоять ровнее, говорить правильной, держаться, как королева. Да, она сошла с ума, одержима демонами. Стоит эльфу перешагнуть порог, как мысли путаются и приходят в порядок только спустя несколько дней. Зачем он вновь преследует ее?

— Ты помнишь уговор? — эльф усмехнулся и вальяжно закинул ногу на ногу. — Вижу, что помнишь.

Он смеется над ней, над ее неуклюжестью. Чармэйн нервно сглотнула, пытаясь взять себя в руки, и споткнулась, поднимаясь с пола.

— Хочешь освободиться? — сказал он, растягивая слова, — Всего лишь сшей мне рубашку, не сделав ни единого надреза, без нитки и иголки.

Та же шутка, изощренное издевательство. Легче легкого, сшить рубашку без нитки и иголки! Днем и ночью Чармэйн билась над разгадкой уже много месяцев, но все без толку. Невыполнимое задание. Невыполнимое задание...

— Ах, не можешь? — эльф изобразил фальшивое недоверие. — Так иди сюда!

— Нет! — сказала Чармэйн. — Я замужем за лесничим. Он преданно служит тебе уже двадцать лет.

— Он служит не мне, — поморщился эльф. — И тебе не стоило выходить за него. Ты моя. Всегда была и всегда будешь.

А Чармэйн уже пожалела о выпорхнувших словах. Эльф умеет чують подтекст, угадывать за интонацией истинные чувства, пробираться в слабые

места, а затем больно жалить. Он припомнит Чармэйн, Бог свидетель, припомнит, что та вышла замуж лишь бы сбежать. А она не сможет слушать это, нет, не сможет, потому что только сейчас поверила, что сам Дэмиен дорог ей.

— Будь ты проклят!

— Все мы, фейри, закляты, — сказал эльф, изогнув бровь.

И бросился к ней.

Глава 2.

Глава 2.

Дэмиен шел с полузакрытыми глазами по узкой тропинке. Напряженно прислушивался, но не к окружающему лесу, а ко внутреннему ощущению. Оно было странно неустойчивым: то слабело до маленького огонька, то охватывало все тело пронзительной болью. А иногда раздавался приказ — "налево!", "быстрее" и тогда Дэмиен пускался бежать. Медлить опасно, огонек погаснет и тогда всё пропало — опоздал, не выполнил работу.

Давным-давно, еще мальчишкой, Дэмиен осознал, что лесом повелевает неведомая сила. А ему, лесничему, поручена та часть, которую Хозяин выполнить не может. И это были вовсе не героические задания, а черная работа: вырубить мертвое дерево, расчистить плотину, закопать труп павшего зверя.

И пусть каждый вечер Дэмиен заканчивал работу по пояс в грязи, глубоко внутри он знал, так же четко, как путь, освещаемый внутренним огоньком — Вирхольм живет и процветает только из-за него.

Когда-то, еще неуклюжим одиноким подростком, уже лесничим, Дэмиен подхватил простуду. Он лежал в холодном шалаше и отчаянно хотел домой, к семье в теплоту и уют. Его мучил жар, слабость и ломота во всем теле. Сейчас, больше всего на свете Дэмиен желал смыть отвратительный привкус и утолить жажду. Он ужасно жалел себя: заботливые руки не принесут горячего молока, на ноги не наденут колючие носки из собачьей шерсти. Он один, совершенно один и если хочет напиться — следует встать, добраться до ручья и опустить лицо в обжигающе холодную воду.

Дэмиен лежал в шалаше, зная, что ему следует подняться и последовать за огоньком в груди, пробираясь через заросли и овраги. Больным, здоровым, каждый день без выходных он должен ухаживать за лесом. А кто будет ухаживать за ним самим?

Дэмиен никуда не пошел в тот день. Огонек внутри вспыхивал все ярче и ярче, подзуживая лесничего поспешить. А потом погас, оставив ощущение мерзкой пустоты. Дэмиену так и не удалось насладиться отдыхом. Он все пытался представить: что пропустил, кого оставил в беде?

Около полудня он почувствовал себя лучше: горло перестало болеть и кашель утих. Но от этого Дэмиену почувствовал себя хуже и уже сам корил

себя за лень и слабость. А в небе начали собираться грозовые тучи.

В ту ночь на Вирхольм обрушилась буря да град, размером с мелкое яблочко. На утро селяне обнаружили на месте плодородных полей мешанину из грязи, камней и зеленых ростков.

С первыми лучами рассвета в груди тревожно забилося послание Хозяина — Дэмиен, он один виноват в случившемся. Вирхольм всего лишь плата за услуги. Лесу нужна деревня пока нужен лесничий. И пока лесничий послушен деревня будет процветать.

В ту зиму впервые за двести лет Вирхольм познал голод, побитые поля взрастили хилые колосья и гнилые овощи. Только маленький огород Дэмиена усердно плодоносил. Лесничий снес все, что мог собрать к старосте, но его усилий было недостаточно. Старая Лавиния не дожидая весны.

Дэмиен был лишен утешения слабых — надежды на простое совпадение. Пришлось жить, как прежде — вставать каждый день на работу, внимать посланиям леса внутри, и в то же время постоянно носить траур по Лавинии, которая была к нему добра в детстве и присматривала за ним, пока мать работала в поле. Думать и не думать о ней.

Ведь если вспомнить Лавинию, распутать ее судьбу, тогда получится, что жизнь ее приравнялась к жизни какой-нибудь птицы, поломавшей крыло и ждавшей Дэмиена. Получается, что для Хозяина Леса люди вроде домашней скотины: пока корова дает молоко, ладно, а перестала годиться — пусть идет на мясо. Кто он такой, тот самый Хозяин Леса? Разве он справедлив? Дэмиен понял, что его стоит бояться. А любить?

Лесничий, тогда еще худой нескладный подросток, вернулся в Вирхольм пополнить запасы. Староста вышел навстречу, сунул в руки мешок с сухарями да вяленным мясом и направил обратно — нести службу как следует.

Как можно вставать каждый день, чтобы выполнить ненавистное дело? Невозможно.

Взрослый Дэмиен любил свою работу. Любил больше всего на свете. Почти, как Чарм.

Пока она не появилась, он и не подозревал, насколько пуста его жизнь. Так, рожденная в клетке птица, не подозревает о счастье полета, пока не вырвется на волю. Дэмиен в каком-то смысле все еще оставался глубоко разочарованным подростком. Но лес подарил ему Чарм. И Дэмиен простил Хозяина Леса. В первый раз он шел по тропинке, прислушиваясь ко внутреннему огоньку и был счастлив. По настоящему счастлив.

Огонек разгорелся, приобрел черты оленя, а вскоре сам Дэмиен почувал

его в стороне от тропинки. Большой самец-трехлетка лежал на земле, подобрав ноги. Увидев Дэмиена олень не встрепенулся, не ускакал в лес, а всего лишь поднял рогатую голову, приветствуя лесничего. Дэмиен медленно подходил, стараясь не вставать в полный рост, не пугать животное.

Первое, что он ощутил, прикоснувшись к пятнистой шкуре это жар. Олень пылал, даже воздух над ним казался горячим. Дэмиен потрогал нос — так и есть, сухой. Нехороший знак.

За годы лесничества Дэмиен разработал свой порядок. Сначала двумя руками раскрыл оленю рот, заглянул в глаза и уши, убедился, что те чистые. Особенно лечить он не умел, но с простыми заданиями справлялся. Вот и сейчас, олень скорей всего наступил на колючку и копыто загноилось.

Дэмиен оперся всем телом на грудь оленя, внимательно рассмотрел одно за другим четыре копыта. Проверил, нет ли где трещины, не сочтется ли гной. Затем прощупал жилистые ноги до самого колена, следя за реакцией оленя: если ненароком заденет источник заражения, тот дернется от боли.

Но олень тихо лежал на траве, полностью отдавшись во власть лесничего. Даже положил голову на землю и прикрыл карие, чуть на выкате глаза.

Что с ним такое?

И тут, будто ветер холодной змейкой скользнул под воротник, обвился вокруг груди, не давая дышать. Что-то случилось. Не рядом, а вдалеке, дома. Воздух скрутился узлом у уха и Дэмиен услышал испуганный крик Чармэйн. Она звала на помощь, звала его, Дэмиена. Он почти вскочил, почти побежал домой, но всего лишь задышал быстрее, бессильно сжав руки в кулаки. Заставил себя не прислушиваться. Вновь сосредоточится на работе.

А вдруг он вернется и Чарм не будет?

Лес не только добр, но и опасен. До сих пор хищники обходили землянку стороной и Дэмиен полагал, что лес и Чарм защитит. А если нет?

Чармэйн кричала, но уже по-другому. Он заметался. Если помедлит, случится непоправимое.

Дэмиен повернулся к оленю и продолжил обследование. Вскоре нащупал болезненную опухоль на правой стороне брюха. Опухоль была упругой на ощупь, свободно двигалась под кожей. Почуввав, что жмут больное место, олень взбрыкнул, попытался боднуть Дэмиена, но тот уже достал остро заточенный нож и точным движением вонзил в шкуру. Из опухоли потек зеленоватый, остро пахнувший гной. Дэмиен осторожно

нажал на края раны, выдавливая вязкую жидкость, затем не гнушаясь, вычистил пальцем всю заразу. Напоследок, достал из котомки чистую тряпку и затолкал в рану, оставив снаружи лишь кончик.

И лишь закончив все как следует, Дэмиен встал на ноги и рванул домой. Зная, что опоздал.

Дэмиен выбежал на поляну у хижины и обмер — на месте двери остался лишь широкий проем, земля усыпана щепками, трава у стен примята. И тишина... Неужели?

Неужели?

Пока ноги Дэмиена сами несли его к дому в голове прояснился план. Если там будет ее мертвое тело, то он тут же ляжет рядом. Лучше не жить, зная, что он мог спасти жену, но предпочел задание. Знал, что она в беде и не откликнулся на зов. Опоздал.

Дэмиен не успел додумать мысль, вбежал в комнату и увидел Чармэйн. Она сторбившись сидела на стуле спиной к двери, с ног до головы укутанная в белое покрывало. Чармэйн раскачивалась взад вперед, безразличная к окружающему миру. Безразличная к его приходу.

Дэмиен сделал осторожный шаг вперед.

— Чарм?

Она не откликнулась и Дэмиен невольно вспомнил ту девушку, с которой встретился в первый раз. Она так же сидела в пустой горнице, погруженная в собственное горе. Та Чармэйн почти забылась, но теперь Дэмиен осознал — жену настигло то, от чего она бежала. И теперь не отпустит.

— Чарм... — еще раз произнес он, теперь мягче, подходя к ней с той же осторожностью с какой шел к больному оленю: лишь бы не спугнуть.

— Дэмиен, — Чармэйн прошептала одними губами.

Но и этого было достаточно, чтобы Дэмиен отбросил скованность и подбежал к ней.

— Стой! — крикнула она. — Стой, Дэмиен, не подходи! Ты должен был вернуться только к вечеру.

— Я пришел слишком рано? — удивился лесничий.

— Я не готова, — жалобно протянула Чармэйн. — Еще не продумала, что сказать.

И тут Дэмиена настиг запах — кислый и островатый: пота и чужой страсти. Вязкая темнота заплесала в глазах, колени предательски подогнулись. Он оперся на стену, перевести дыхание. Странно: в душе свернулся темный ком, а голова ясная...

Дэмиен обстоятельно обошел помещение в поиске улик — он, лесничий, умеет читать по следам. По обрывкам листвы, по вмятинам в земле узнавать о погоне, драке а затем и обильной трапезе волка. Так и сейчас понял — в доме побывал фейри и взял то, чего Дэмиену не досталось.

И жена не знает, что сказать.

Лесничий осел на пол в дальнем углу, где запах не так бил в ноздри, не будоражил мозг вспышками картинок чужой страсти. Дэмиен знал, кто побывал в доме и от этого было еще больней. Подходя к хижине Дэмиен думал, что нет ничего хуже, что если лишится Чарм, то лишится всего. И вот, жена перед ним. Жива-живехонька. Так почему по душе как терновник хлестнул?

Она сидела на том же месте, неподвижной статуей, потупившись в пол.

Дэмиену не хотелось ждать ее отговорок. Он очнулся и понял, что задыхается в собственном, любовно выстроенном доме. Стрелой выбежал за дверь, спрятался за первое же дерево на поляне. Обнял, прижался к жесткой коре.

Ему показалось, что дерево смеется над ним. Что весь лес выстреливает в спину сотнями насмешек. Глупый Дэмиен — целый месяц пылинки с жены сдувал, подойти боялся, а лесной сыночек мигом на спину уложил.

Ему нужно спрятаться, побыть одному, хоть немного.

Но Дэмиен впервые понял, что некуда бежать. Что существует только лес и город, город и лес, а кроме них в мире ничего больше нет. И нигде Дэмиену не будет покоя.

Тогда он пошел напролом, куда глаза глядят. Пусть лес смеется, лесничий заслужил презрение. Получил то, что полагается дуракам, которые не хотят видеть правду и придумывают вместо нее сказочные истории. Он ведь для леса никто, и зовут его никак. Так, жук-навозник, собирающий отбросы. Как только задумался о собственном счастье его на место и поставили. А если бы с самого начала знал свое место, то и не обжегся бы.

Дэмиен плутал до самого вечера, не разбирая дороги, отказываясь подчиняться вновь загоревшемуся огоньку. Надеялся, что усталость отберет способность думать, вообразить, как Тейл ласкал Чармэйн в хижине, пока сам Дэмиен копался в гнойнике. К вечеру мысли ушли, оставив место одной злости.

Да, злости. За двадцать лет, собравшаяся по капле злость прорвалась

наружу, кипела в груди расплавленным железом. Он ненавидел Вирхольм, из-за которой рабствовал, ненавидел Чармэйн, которая не смогла для него найти слов правды, ненавидел Тейла, которым всю жизнь восхищался.

Небо грозило бурей, злой ветер жалил в спину, но Дэмиен все шел напролом. Шел, смотря лишь под ноги, всей душой желая прорвать преграду, поднять глаза и очутиться за лесом в незнакомом краю.

Пытался не думать о том, что случится в деревне этой ночью, кого унесет гроза. Но забыться не мог. Ярость, поднявшаяся грозной волной опала, уткнулась сквозь трещины в глубину откуда взялась, не оставляя после себя ничего. Шаги становились все короче, пока Дэмиен не застыл на месте и не спросил огонек.

— Я передумал. Куда?

Затянулось молчание. Верхушки сосен мотало из стороны в сторону. Серые животы туч напирали друг на друга, несясь в бешеной скачке в никуда. Дэмиен стоял, подставив небу лицо с закрытыми глазами, позволяя ветру швырять, сорванными с иглистых веток ледяными каплями.

Чья-то рука легонько тронула лесничего за плечо. Он обернулся, ожидая увидеть перед собой эльфа: только они умели подкрадываться неслышно, только они знали, где находится Дэмиен каждую минуту.

Но увидел Чармэйн. Она стояла перед ним ровно держа спину, высоко подняв голову. Больше не куталась в тряпки, не прятала глаза. Смотрела прямо, твердо, но нижняя губа по-детски трогательно дрожала.

— Дэмиен, — сказала она.

В сумерках ее лицо выделялось белым пятном, черные, мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Выслушай меня...

— Тсс, — сказал он. — Я пытаюсь услышать.

Она поняла, отступила в тень и безмолвно замерла там, а Дэмиен все ждал, когда зов вернется. Небо потемнело, сквозь просветы тучи в стремительном падении то и дело проскальзывали звезды.

"Сегодня звездопад, а я совсем забыл, — подумал Дэмиен."

Ветер утих, лишь порывами теребил волосы на затылке. Мокрая земля, вязко хлюпая под сапогами поглотила ноги по щиколотки. Верхушки сосен выпрямились и теперь лишь вежливо кивали головой ночному небу.

Буря отступила, погода успокоилась, понял Дэмиен. Он волен идти домой, если пожелает. Хозяин Леса пожалел убогого, или утихомирил погоду в своих интересах, причина не так важна. Главное, что Чармэйн стоит за деревом, дожидается Дэмиена, а у него нет сил выслушать. Легче найти Тейла, схватить и выпросить бывшего друга, почему он стал ходить

к чужой жене, а еще лучше врезать, как следует, ничего не спрашивая. Душу отвести.

Чармэйн он хотел видеть в последнюю очередь. Бывают же наглые бабы, пришла, как ни в чем не бывало, смотрит в глаза без стыда и совести. Целый месяц лгала не переставая, каждым словом, каждым делом. Все секрет свой оберегала, чтобы вывалить мерзкой горой посреди дома. Подхалимничала, лебезила, фу, мерзость! Людская мерзость. Лес хотя бы всегда честен с Дэмиеном и сам лесничий привык жить в простоте, говорить, что думает и делать, что говорит.

Почему он должен избегать своего дома? Именно он, своими руками построил бревно за бревном, сам выстрогал лавку и стол. Чармэйн только гостьей была все это время, пусть возвращается откуда пришла и Тейла берет за собой. А говорить с ней Дэмиен не будет, хватит уши развешивать, строить из себя дурака.

Он развернулся и размашисто зашагал домой по своим следам. Даже не обернулся проверить, бежит ли Чармэйн за ним.

А она бежала.

Бежала изо всех сил, хотя еще мгновение назад казалось, что не выдержит и шага. Как только Дэмиен покинул хижину она поняла, что ошиблась, что бездействие хуже, много хуже, чем грубая правда. Она может потерять его навсегда, еще толком не обрета. Нет-нет, только не Дэмиена. Чармэйн верила, что ей дали всего один шанс стать счастливой и весь он сосредоточен в Дэмиене. Лишь он один заботлив, чуток, замечательно терпелив, но самое главное добр, той доверчивой добротой, которая открывает всю душу. Чармэйн будет за него бороться, будет, хоть нечего сказать в свою защиту. Она не будет оправдываться, а повинится во всем. Дэмиен наверное не захочет смотреть на нее. Наверное втопчет в землю, пришиллит злыми словами. Нет, нет это не Дэмиен, Чармэйн путает. Это тот, другой, так бы поступил.

Она вскочила, бросилась за дверь вслед за мужем, но увидела только темную тень, между деревьями. Побежала за ним, но все не могла нагнать. Дэмиен шел, а она бежала, воздух раздирал легкие, босые ноги жалили острые камни и Чарм казалось, что она не нагонит Дэмиена, а будет бежать бесконечно, постоянно возвращаясь по своим следам. Дэмиен шел по проторенной тропке, а ей под ноги попадались сучья, бурьяны, валуны, все мешало догнать его и не было сил окликнуть.

Дэмиен остановился между двух сосен, вытянувшись струной, не шевелясь. Только каштановая борода стелилась по ветру, да колыхались

поля шляпы. Чармэйн поняла, что мучительно хочет дотронуться до сжатого в полоску рта, широких плеч, потертой от старости рубахи, которую она давно замышляла превратить в половую тряпку тайком от Дэмиена. Чарм захотелось увести его домой, заботиться о нем, любой ценой увидеть вновь тайную, счастливую улыбку. Как странно, — это чувство так отличается от того...

Дэмиен отослал ее в сторону, как назойливую муху. Она была готова, не роптала. Только когда он вдруг открыл глаза и зашагал прочь не выдержала, кинулась вслед, как преданная собака.

— Погоди, Дэмиен!

— Иди домой, Чармэйн.

— Я хочу с тобой.

Он не выдержал, остановился.

— Тебе все мало? Разве не достаточно?

Дэмиен развел руками в стороны, не находя нужные слова. Но Чармэйн и так поняла.

— Нет, послушай...

— Слышать не хочу, видеть не могу. Сделай милость — сгинь куда подальше и не показывай носа в лес. Он мой.

Дэмиен резко выдохнул, махнул рукой, досадуя на собственное косноязычие. Зашагал прочь, как можно скорее. А Чармэйн вдруг кинулась наперерез под ноги, бросилась на колени.

— Никуда не пущу. Ругай меня, бей, но только не гони.

Он остановился, не в силах пошевелиться.

— Я ведь люблю тебя, Дэмиен.

— Не ври, — резко выдохнул он. А потом, помолчав добавил, протянув руку: — Выпрямись Чармэйн и не становись передо мной на колени. Никогда.

Она оперлась на его шершавую, теплую руку, встала на ноги.

— Пойдем, я провожу тебя до хижины, — сказал Дэмиен.

Он крепко взял ее под локоть, повел за собой как маленького ребенка. Солнце давно зашло за горизонт, осталось только звездное небо над головой и непроглядная темнота под ногами. Где-то слева завывали волки, но Чармэйн не испугалась. Наоборот, почувствовала себя защищенной в крепкой хватке Дэмиена, а он следил, чтобы не споткнулась о неровную тропку.

Они шли молча, лишь иногда Дэмиен одергивал ее резкими репликами — "Осторожно! Налево! Подними колено!" Чармэйн старалась слушаться, но ноги путались, подгибались, ей приходилось то и дело опираться на

мужа. И каждый раз он вздрагивал.

— "Это хорошо, — успокаивала себя Чармэйн. — Это значит не все потеряно."

Небо прочертила огненная линия. Чармэйн только и успела, что уловить уголком глаз мгновенную вспышку. И горько пожалела, что пропустила — так нужно загадать желание именно сегодня! Она зачарованно смотрела вверх совсем обмякнув на Дэмиене, страстно желая увидеть еще одну падающую звезду.

И увидела. Не одну: огни расчеркивали всполохами черную гладь неба раз в три, а то и два вдоха. Звезды неслись как угорелые и тут же тухли, пока остальные спокойно и сыто подмигивали с насиженных мест. А Чармэйн повторяла про себя снова и снова те же слова, как заклинание — "пусть Дэмиен будет счастлив, пусть будет счастлив."

Небо манило и подмигивало, огненные следы двоились в глазах, мельтешили, звали за собой. Мерцающая бесконечность росла и завораживала, заслоняя все остальное. Тело Чармэйн стало очень легким, она чувствовала, что вот-вот воспарит как птица, прямо в середину хаотичного танца светил. Сделает один круг там наверху в белой колеснице, запряженной лебедями и рухнет на землю под руку со звездой.

— Чармэйн! — как через вату донесся голос Дэмиена.

— Мне плохо, — успела прошептать она и согнулась надвое в приступе тошноты.

Глава 3.

Глава 3.

Чармэйн проснулась от света, бывшего в глаза. Тело сковывала непривычная слабость, тяжелая голова ныла, охватывая затылок тупой, давящей болью. Страшно хотелось пить. Она приподнялась на локтях, с трудом сощурила глаза, осматривая комнату.

Слава Богу, она дома! Только странно, что столько света, обычно в горнице полумрак из-за бычьего пузыря на окне. Беспорядок исчез, а в проеме появилась новая дверь из светлых досок с красной, квадратной ручкой. Окно странное, вроде не пустое, но чем затянуто не видно, а солнечные лучи рассеиваются радугой по полу. Со стола исчезла вышитая скатерть, открывая грубо обтесанные доски, ваза для цветов перекочевала на полку. Кажется, Дэмиен вновь заправляет домом.

Чармэйн откинула одеяло, спустила вниз одну ногу за другой. Нет, сесть не получится. Непонятная слабость тянет тело назад.

— Лежи, — окрикнул ее знакомый голос, — я как раз похлебку нес.

Дэмиен появился сбоку, из-за печи, держа в руке зеленую плошку. Сел прямо на кровать, зачерпнул ложкой варево, попробовал.

— Уже теплая, не горячая, все ждал, когда проснешься.

Потом зачерпнул еще раз, поднес ко рту Чармэйн. Она послушно глотнула — похлебка была пересоленной и немножко горькой: Дэмиен плохо почистил картошку. Чармэйн обнаружила, что голодна и без возражений опустошила посудину.

Вокруг все было родным и уютным, только Дэмиен глядел как-то странно, словно сквозь нее. Чармэйн тянула время, солнечно улыбалась, лишь бы понежится еще немного в теплой постели под опекой мужа.

Она откинулась на подушку, закрыла глаза. Слабость нахлынула внезапно, комната закружилась вокруг. Мышцы невыносимо болели во всем теле, особенно плечи. Съеденная похлебка комом застыла в животе, вчерашняя тошнота вернулась.

— Отдыхай Чармэйн, тебе нужно набраться сил, — заметил ее слабость Дэмиен.

— Я заболела, да?

Дэмиен дотронулся кончиками пальцев до лба.

— Сильный жар. Та же болезнь, что была у меня на прошлой неделе.

— Дэмиен, — Чармэйн посмотрела на него, распахнув глаза словно маленькая девочка. — Ты не прогонишь меня?

— Нет, по своей воле не прогоню, если сама не уйдешь, — Дэмиен замолчал, задумался о чем-то, а потом продолжил: — Тейл говорил о девушке из деревни, это была ты? Значит вы познакомились больше полугода назад, а то и раньше.

— Раньше.

— Чармэйн, почему ты вышла за меня?

Она мяла в руках кусок одеяла, жалобно молчала. Отвечать, раскрывать старый нарыв не хотелось, он давно уже покрылся плотным шрамом, сверху выглядел почти зажившим.

— Я хотела счастья.

Дэмиен молчал, смотрел на нее исподлобья, ожидая продолжения.

— Господи Дэмиен, разве ты не помнишь кого брал в жены? Я тогда саму себя видеть не могла. Каждый день казался мучением, люди вокруг говорили, а я не слышала, все пыталась дышать, чтобы как-то унять боль. А потом пришел ты. Я даже не знала, что отец меня просватал, он наверное говорил, не помню. Увидела тебя, Дэмиен, тогда в горнице, помнишь ты немного стеснялся, а я молчала, словно онемела. И вдруг будто оковы железные разжались, будто запыленные окна мокрой тряпкой протерли. Я бы за тобой на край света пошла. Ты ведь мне, Дэмиен, и раньше нравился. Я тебя из всех отличала, сразу, увидев, песню заводила, с косой игралась, а ты на меня внимания не обращал.

— Не понимаю, Чармэйн.

— Я же все рассказала.

— Больше умолчала. Особенно о Тейле.

— Почему ты зовешь его так?

— А как по другому?

— Он мне своего имени не сказал, — Чармэйн отвела глаза.

— Они никогда имени своего истинного не говорят. Только самым близким. Я все ждал, ждал... эх! А Тейлом кликнул, потому что еще в детстве купались на озере, а он хвостатый. Так и прилипло.

— Нет, Дэмиен, нету у него хвоста!

Он горьковато усмехнулся.

— Значит не заметила. Все фейри от людей отличаются: у кого вместо ног копыта, у кого перепонки между пальцами, а у Тейла хвост. Вот так, Чармэйн. Спи, набирайся сил, я тебя замучил разговорами. Завтра продолжим.

Чарм бы обрадоваться отсрочке. Со дня свадьбы она то и дело

проговаривала про себя всю историю, но даже мысленно ничего хорошего не выходило. Потому что как Чармэйн ни старалась — не находила в себе ни одной отличительной черты, ничего, что могло заставить Дэмиена побороться за нее. Все, что он знает о ней — притворство, только так можно расположить к себе другого человека.

А с другой стороны ей хотелось рискнуть — ринуться с головой в омут, открыться, как никогда, переступить все преграды. Препятствия прежней жизни с Дэмиеном не вернуть, а если Чармэйн промолчит, то на совести будет появившееся во взгляде мужа недоверие, насмешка над жизнью, будто он давно понял, что ничем дорожить на свете не стоит, все фальшь.

Она начала с самого начала, с того, как увидела на заднем дворе незнакомого златовласого юношу. Это было так неожиданно и чудесно, похоже на рассказанную теплым вечером сказку. В Вирхольме каждый день похож на предыдущий и Боже упаси нарушить издревле заведенный порядок. Юноша попросил напиться, сказал пару слов о погоде да исчез за поворот улицы. Чармэйн, конечно, слышала истории о фейри и даже знала, что встретила одного из них, но как замечательно было иметь собственный секрет от матушки, как ныло под ложечкой в предчувствии завтрашнего дня, ведь эльф обещал вернуться. Так и завелось пару минут в день говорить за яблоней в дальнем конце огорода. Чармэйн долго не могла отойти от тех встреч, все думала о новом знакомом, заново переживала сладкие минуты, засыпала, видя эльфа перед глазами. Так и продолжалось, пока на одну из встреч эльф не пришел.

Чармэйн ждала его до самой полуночи, обнимая яблоню, а на душе было тяжело и вязко. Просто она осознала, что нуждается в эльфе намного больше, чем он в ней. Она дышит лишь для того, чтобы видеть его. Сама бы Чармэйн не смогла пропустить встречу ни за что на свете.

Так и стояла, шевелив губами:

— Ни за что на свете.

Тогда, в первый раз Чармэйн вернулась в дом сама не своя, всю ночь не могла заснуть, подбегала к окошку, ожидая эльфа и ненавидя себя за слабость. До тех пор она считалась первой красавицей на деревне и вела себя соответственно. Чувствовала власть над соседскими пареньками и всю ее пользовалась — кто придет отцу помогать, кто подарок принесет: брошь или ленту в волосы. Она умела разжечь желание в простачках, поводить за нос, а потом ускользнуть юркой рыбкой. И что бы Чармэйн не выкидывала — все сходило с рук. Бедные парни ходили за ней следом, как привязанные, для Чармэйн же они были только игрой. Игрой, о которой сразу же забываешь, стоит появиться новой забаве.

Теперь она оказалось с другой стороны.

На следующий день ее отношения с эльфом неуловимо изменились. Кто знает, каким образом мы распознаем чувства близких, но фейри в этом нет равных. Для них, человеческая душа — открытая книга, а самое большое удовольствие — заставить метаться. С тех пор Чармэйн не знала покоя. Эльф мог пройти мимо не замечая ее, весь вечер ухаживать за другой девушкой в личине одного из городских, а напоследок шепнуть Чарм в ушко — "ты единственная".

Мог целыми днями быть только с ней, брать в самую чащу леса, чуть не до холма, заставляя сердце трепетать в груди. Тогда Чармэйн забывала прошлые обиды, ей казалось, что никто другой не сможет заставить ее звенеть натянутой струной, вычерпать до конца. Чармэйн горела любовью, с головы до пят. Для этого она родилась, росла, вся жизнь была лишь маленькими шажками до этого момента на берегу реки, под нежно-зелеными ветвями ивы, когда лицо любимого с глазами цвета неба, находится в локте от ее лица, а мягкая трава щекочет затылок.

Она отдалась ему тогда. Чармэйн всю себя отдала, а тело, по сравнению с душой, такая малость.

Эльф мог быть холоден и высокомерен, а потом полон страсти, обнимая горячими руками. Мог смеяться над каждым словом Чарм, а потом брошенной фразой показать как глубоко понимает ее.

Она пропала. От прошлой Чармэйн не осталось и следа.

Потому что для эльфа деревенская девушка была нужна по неизвестной прихоти. Она знала, что улыбка, которая наполняет ее до краев, для него лишь движение мышц. Для эльфа характер девушки просматривался так же ясно, как прожилки листочка на дне мелкого ручья. Он же, оставался для Чарм загадкой и по сей день. Когда эльф был печален, она не могла угадать причину или найти нужные слова. В радости же, просто прыгала около него, как щенок на прогулке. Чармэйн видела неравенство между ними и мучилась, стараясь выплавить себя в удобную ему форму.

Через несколько месяцев чувства эльфа к ней прогорели. По крайней мере относится к ней он стал холодней. Не сразу, а постепенно, и Чармэйн до последнего цеплялась за него. Он стал более раздражительным, часто искал повода для ссоры. Сами ссоры были ужасными, после них Чармэйн еле доползала до кровати, чтобы выплакать обиду. Эльф умеет задевать, поняла она тогда. А еще ее мучила мысль, что она предложила всю себя и этого оказалось недостаточно. Значит и сама Чармэйн ничего не стоит.

Фейри поманил ее сладкими обещаниями, ни одно из них не

выполнив, а потом выместил на ней раздражение, скопившееся, по непонятной причине. Тогда началось настоящее мучение, прежние томительные месяцы служили лишь прелюдией. От чувства собственного достоинства не осталось и следа, эльф во всем находил недостатки: неуклюжесть Чарм, доверчивость, граничившая с глупостью, ее самолюбие, фигура...

Чармэйн слушала, но не понимала. Пыталась исправиться, угодить. Не хотела отпускать никакой ценой, цеплялась за те крохи, что эльф давал.

До тех пор, пока однажды не увидела с другой.

Не деревенской девушкой, а одной из лесных фейри. Она была высокой и очень бледной, с прямыми темно-зелеными волосами до середины колен. Чармэйн тогда искала эльфа в лесу, хотела объясниться после очередной ссоры. А наткнулась на них, целующихся у ручья.

Это было слишком больно. Как схватить в ладони скорпиона и не отпускать, пережидая укус, чувствуя, как яд пробирается по жилкам, а пальцы немеют и отмирают. Как выйти в зимнюю ледяную ночь без одежды — вначале холод обжигает, мучает тело, а потом незаметно отсасывает жизнь, замутняя разум.

Чармэйн приказала себе отказаться от наваждения. Забыть об эльфе.

Самое странное, что он вернулся к ней. А встретив холодность, вспылал вновь.

Так и повелось у них — неделю вместе и две врозь. Встречи и расставания, слова любви и ненависти. Именно тогда ее окутала темнота — каждое расставание забирало еще частицу души, а примирение — надежды. Если прежде Чармэйн и смогла собрать себя, то теперь взлеты и падения разбили в щепки.

Тогда и случилось в первый раз — эльф взял силой то, что прежде доставалось ему даром по велению любви. Назвал своей суженой и привязал навсегда закланием — сшить рубашку без нитки и иголки, без единого надреза.

Чармэйн перестала выходить наружу, заперлась в горнице. Мир превратился в колодец, ничего не трогало, не имело значения. А меньше всего — она сама.

Когда эльф пропал на месяц, Чармэйн наконец решилась. Если его привлекала в ней красота, то нет ничего легче, чем красоту уничтожить. Она поправилась, перестала прихорашиваться, сшила новое платье, сидевшее на ней мешком.

Шел день за днем, эльф не появлялся, и Чармэйн решила, что план сработал. Она сумела освободиться не спряв рубашки, но спокойствия не

обрела. Ее мучила то тоска по эльфу, то страх того, что он вернется.

Чармэйн без сил откинулась на подушки, отходя от рассказа. Вспомнила, где находится и кому выговорила. В горле встал ком. Чармэйн сжала зубы, попыталась собраться с силами. Не говорят, никогда не говорят любимому мужчине о прошлой любви. Вышло сумбурно и неправильно, а Дэмиену не полагалось слышать и десятой части. Она должна была просто сказать — да, была связана с Тейлом, но сбежала, хочу быть с тобой, только с тобой.

Чармэйн попыталась сгладить впечатление. С нажимом произнесла:

— Это был не мой выбор, понимаешь? Не мой.

— А разве любовь это выбор? — наконец ответил Дэмиен, нарушая долгое молчание. — Нет Чармэйн. Я не знаю, почему именно тебя, но буду любить и завтра и всегда, что бы ты не делала и как не менялась.

Сказанные ровным голосом слова пристыдили Чармэйн, будто любовь по выбору родня той, что по расчету.

— А что плохого в том, что я хочу любить не только мужчину, но и человека? Хочу просыпаться каждое утро, уверенная в том, что ни на кого бы тебя не променяла. Быть твоим другом и опорой в трудную минуту. Вот, чего я хочу и ничего другого. Вот мой выбор, а все остальное тлен. Посмотри на меня, Дэмиен, по своей воле я бы никогда не нарушила клятвы, данные в день свадьбы. Ты веришь мне?

— Я хотел бы верить, Чармэйн. Но твой голос дрожит, когда ты говоришь о нем, и тверд, когда обо мне. А я тоже многого хочу. И не знаю достаточно ли "любви по выбору".

Дэмиен осторожно взял в руки плошку, отошел и рассеянно поставил на край стола. На мгновение обернулся, вспомнив что-то, и поднес к кровати Чармэйн полный кувшин воды. — Вернусь к вечеру, — коротко сказал он и вышел прочь.

Из под печи вылез брауни, стараясь не смотреть на Чармэйн достал из под лавки таз, сложил в него всю грязную посуду.

— Скажи, дедушко, как спрясть рубашку без нитки и иголки?

— А почто мне знать? — вздохнул брауни. — Ох, горький воздух в доме, хозяйюшка. Я уж, пожалуй, помогать тебе сегодня не буду, все из рук валится. Прямо поплохело от криков...

— Мы же тихо разговаривали.

— Значит тут кричали, — домовый указал пальцем на висок, еще раз тяжело вздохнул и пропал за очагом.

Чармэйн и сама чувствовала себя ужасно. Может лучше уйти, освободить Дэмиена от необходимости прогонять ее. Нет, нельзя ему вернуться в пустую хижину без объяснений. Лучше подождать до вечера, а потом принять любое решение мужа. А пока следует приготовить вдоволь еды на неделю. Забыть о слабости и встать на ноги.

Чармэйн, покачиваясь подошла к окну. Так вот чем оно затянуто. Прозрачной пленкой из стрекозиных крылышек, рассыпающих солнечные лучи цветным всплеском по полу. Еще одно чудо, которое она пропустила. Дом иногда менялся за ночь — на печной заслонке появлялась резьба из виноградных лоз, или горшки красило в белый с голубым. Домовой говорил, что не он, что Хозяин Леса ворожит. И Дэмиен иногда Хозяина Леса поминал, а в деревне о нем не говорят, только шепотом.

Дэмиен вернулся к вечеру, шлейфом заноса запах хвойных шишек и пожухлых листьев. На Чармэйн не смотрел, не начинал разговора, но вроде не прогонял. Она боялась подойти к мужу, молча поставила перловую кашу на стол, села не на обычное место наискосок от него, а около стены на лавке.

— Тебе не стоило за меня выходить, — наконец сказал Дэмиен. — Это во-первых.

— Я знаю...

— Подожди. Ты сказала, что хочешь быть мне другом, а сама... Я о тебе ничего не знаю, Чармэйн. Все что знаю, могу на пальцах пересчитать. Ты человек, который способен месяц лгать, ничем не выдавая себя. Да что там месяц, кажется, твоя семья о Тейле и не слышала, выходит, умеешь скрываться годами! А я простой человек, Чармэйн. Я люблю, когда все на ладони, когда у друга нет второго дна. И вот я думаю — ты одна такая или все женщины горазды притворяться? И еще одно. Ты наверное была права утром. Зачем она нужна, слепая любовь? Ты меня заразила ею, и я даже не могу вычеркнуть тебя, начать все сначала.

— Я не хотела... причинять тебе боль, Дэмиен. Прости меня.

— Простить? Может Тейла и могу, а то молчание... нет Чармэйн.

— Подожди, не решай ничего сгоряча. Я докажу, что мне можно доверять.

— Дать тебе время? Сколько Чармэйн, год?

— Сколько захочешь.

— И Тейл не вернется?

Чармэйн запнулась. Он прав и этот разговор — пустой. Тейл может вернуться в любую минуту и она ничего с этим поделать не сможет. Как бы

она не хотела доказать Дэмиену обратного.

Она заклята, или проклята и теперь судьба Чармэйн в чужих руках. Дэмиен вернулся и теперь смотрит на нее с затаенной нежностью, значит все таки дает ей шанс.

Глава 4

Глава 4

Мелькая днями, пробежал месяц, и между Чармэйн и Дэмиеном установился хрупкий мир. Она провожала его на работу по утрам, стоя у ворот дома, держа руки под передником. За день успевала поухаживать за огородом и рогатой коровой, а вечером встречала Дэмиена наваристым супом. Чармэйн старалась изо всех сил угодить, а Дэмиен ничего не принимал как должное.

Это внешне, а по сути их первый брак закончился. Рассеялась, не исполнившись, радужная дымка в сердце, сопровождавшая первые дни замужества. Надежда на постепенное сближение — первые поцелуи, ласки, желание в глазах друг друга... Всему этому не суждено сбыться. Доверие утеряно.

Дэмиен остался с ней, так как был не в силах отказаться. И пусть оба были вежливы и обходительны друг с другом, между ними висела прозрачная и непреодолимая завеса, в которой вязли робкие попытки Чармэйн на сближение.

Дэмиен уходил в лес не только по велению заданий, а в поисках Тейла. Он хотел узнать у фейри, что же произошло на самом деле. Как в женах лесничего оказалась избранная эльфом девушка из деревни?

Если Тейл захочет утаить правду, то Дэмиену ничего не добиться — в искусстве говорить загадками нет равных лесному народу. Но все же, вдруг через подтверждения рассказа Чармэйн, он сможет найти дорогу к ней в своем сердце.

Поиски оказались напрасными: Тейл как намеренно избегал лесничего, скрываясь в зарослях цветущего багульника, выдавая свое убежище лишь позабытой голубой бабочкой, трепыхавшейся в острых шипах кустарника.

Пару раз Дэмиену удалось увидеть Кувшинку, сестру Тейла, стоявшую по колена в лесном ручье, тоскливо глядевшую на него из под венка из цветов водосбора. По ее тонкому и гибкому телу стекала вода и темными лентами вились водоросли. Дымчатые глаза полные слез, в обрамлении черных как смоль ресниц о чем-то умоляли, но только он сделал шаг по

направлению к ней, лесная дева как всегда исчезала.

В отличие от Тейла, Кувшинка никогда не говорила с лесничим. Он даже подумывал, не нема ли она, но как-то раз услышал ее негромкий разговор с братом.

Кувшинка обитала в водоемах, отвечала за их чистоту и население. Между ее длинными пальчиками тянулась тонкая пленка перепонки, а спину и плечи покрывала серебряная чешуя. Она любила купаться, и в прошлом, частенько звала с собой Дэмиена, а затем всласть целовала его холодными губами, обвив длинными темно-зелеными волосами, мокрыми и гладкими. Поцелуи, как и их обоюдная привязанность, должны были оставаться в тайне от Тейла, поэтому Кувшинка всегда молчала в присутствии лесничего. У фейри свои правила.

Когда Дэмиен был моложе, он был влюблен в Кувшинку со всей страстью подростка. Она была дикой и загадочной, податливой и далекой, как и вся природа вокруг. А еще невыразимо прекрасной, особенно когда восставала из озера подле дома ночью, луна играла отблесками в чешуе на плечах, а белая кожа светилась в мелкой ряби воды. Кувшинка давалась целоваться и ласкаться, а потом юркой рыбкой выскользала из объятий лесничего, исчезнув на дно озера до следующего раза. Как он тосковал тогда!

А потом перегорело...

Захотелось теплую и настоящую. Живого человека, чтобы говорить вечерами, делить трудности на двоих, да еще, чего скрывать? Соединиться по настоящему как муж с женой, завести детей...

Только опять Дэмиену указали свое место. Он давно понял — в лесу его предназначение выполнять черную работу, неподобающую фейри и не требующую особых умений. Подбирать за господами прошлогодний мусор из реки, да изредка перехватывать тайные объятия речной девы. Не знал Дэмиен, что и для человеческой жены станет заменой более удачливому сопернику. Тейл... Обожаемый, идеальный старший брат, настоящий сын леса. Дэмиен проигрывает подчистую по всем статьям. И именно эта мысль особо жгла, как раскаленная спица под ногтями.

Ярость превращалась в прах, освобождая место нежности, стоило Дэмиену зайти домой и увидеть Чармэйн. Вдохнуть ее запах, пряный от пота, кисловатый от теста, проникающий в сердце и растворяющий горечь. Чувствовалось, что Дэмиен вернулся домой, где ему рады.

Сегодня Чармэйн еще у порога подала лохань с мыльно теплой водой. Дэмиен ополоснулся, вытерся чистым полотенцем и сел ужинать на пару с

женой. После, они тихо переговаривались о новостях. Неожиданно повернулось, что у Чармэйн, мирно ведущей хозяйство, была насыщенный событиями неделя.

Поляну перед озером начал посещать, осторожно переступая тонкими ногами с раздвоенными копытцами, серебристо-белый единорог. За ним следовала свита из звериных детенышей — лис, зайцев, волчат и прочей мелюзги. Они устраивали шутливые потасовки, вытаптывали огород, шумели и веселились, пока за пеленой леса не начинали тревожно выть родители. И тогда единорог убегал прямо по глади озера, выбивая радужные брызги, а звереныши скрывались по норам, оставляя разграбленное хозяйство.

За ночь морковь и репа набирали рост, наливались сахаром и Чармэйн не могла пожаловаться на озорников. Да она и не хотела — зачарованно наблюдала за ними из окошка и мечтала прижаться к мордочкам, запустить руки в мягкий мех. Малыши валялись на спине, подставляя круглое пузико лучам солнца, понарошку кусали друг друга смешно свесив язык на сторону и были невероятно милы.

А единорог! Наблюдающий искоса за возней, грациозный и изящный как паутина в лунном свете. Чармэйн бросало в дрожь от одного взгляда на него и охватывало всепоглощающее ощущение чистого счастья как в далеком детстве. Именно из-за единорога Чарм оставалась всего лишь сторонним наблюдателем — стоило ей показать нос наружу, как волшебное существо взлетало в воздух белоснежной стрелой и исчезало в чаще, увлекая детенышей за собой.

— Если бы единорог не хотел видеть тебя, то не приходил бы на порог дома, это я точно могу тебе сказать, — успокоил Чармэйн Дэмиен, перебирая пальцами бороду. — Я никогда не видел его. Находил полянки со зверятами играющими вместе, но никогда его самого. Каков он?

И Чармэйн рассказывала с горящими глазами о легкой как пуховые перья гриве, о венчающем голову сверкающем роге — невероятно длинном и острым. А Дэмиен, устало положив голову поверх скрещенных рук, глядел на нее, сидящую по другую сторону стола, и любовался украдкой самой рассказчицей.

Захотелось ему порадовать ее, придумать подарок для жены. Что ей нравится он еще выучить не успел, поэтому нет смысла искать безделицу в лесу. С другой стороны, он угадал, что придется Чармэйн по сердцу.

— Хотела бы ты навестить родных вместе со мной завтра? Запасы подходят к концу, да мать с отцом соскучились по дочке-красавице.

— Это было бы чудесно, — улыбнулась она. — Я даже гостинцы для

них приготовила. Хочешь покажу, Дэм?

Он довольно кивнул. Чарм вытерла руки о передник, достала маленький горшочек с верхней полки и бережно положила на вышитую скатерть. Вытряхнула на ладонь содержимое — продолговатый драгоценный камень, напоминающий куколку, фиолетового цвета с белыми всполохами.

— Нашла в корнях сорняка на прошлой неделе. Аметист.

— Дай посмотреть, — попросил Дэмиен и повертел в пальцах гладкий прозрачный камень. — Хороший подарок. Это тебе Хозяин леса пожаловал. Он, видать, принял тебя.

— Кто он, Хозяин леса?

Дэмиен усмехнулся, откинувшись на спинку стула. В этом предмете он был осведомлён намного лучше жены и мог произвести впечатление.

— Неужто дочь мэра не знает ответа на столь простой вопрос. Хорошо же, Чармэйн, что ты знаешь о лесе?

— Он защищает и кормит нас, — легко кивнув головой сказала она давно выученные слова. — Лес выбрал Вирхольм и Ахтхольм, да отделил их пологом от остального мира. Взамен попросил хранителя-лесничего, то есть тебя.

— Да, — подтвердил Дэмиен. — Лес и его Хозяин одно лицо.

— Не фейри? — удивленно спросила Чармэйн.

— Нет, фейри наделены большей ответственностью, но и требуется с них строже нашего. Они народ загадочный, многое приходится угадывать, а утаивать они мастера.

— Сколько их?

— Раньше больше было, а теперь остались только Тейл да сестра его, Кувшинка. Она совсем молодая, считай мы вместе росли. Хотя... Могут быть и другие, я не всего знаю. На глаза мне они не показывались.

Чармэйн только прицокнула языком, а потом долго сидела, уставившись в одну точку и перестукивая пальцами.

— Знаешь, Дэмиен, у меня внезапно такое чувство возникло, вот тут у затылка, будто задавать тебе вопросы нельзя, только все понять и увидеть своими глазами.

Она подошла к окну из стрекозиных крылышек и взглянула на причудливо переломленную полянку по ту сторону прозрачной грани, изумрудная трава двоилась и троилась, перемеженная кусочками облаков и крон деревьев. Вокруг рамы мохнатым ободком кустился мох.

— Прислушивайся к себе, — посоветовал Дэмиен. — Это ответы Хозяина леса, я говорил, ты ему по душе.

Чарм резко повернулась в нему и лесничему почудилось в повороте головы нечто звериное, да в глазах жены всполохнулись янтарные искорки. Может показалось, только привык Дэмиен к своим чувствам прислушиваться, вот и сейчас страх жидкой сталью полоснул по ребрам. —

— Завтра с утра или сейчас на ночь отправимся?

— Хочу дома переночевать, — сказала она, любовно запустив пальцы в мох. — С утра и пойдем, коль тебя от забот на день освободят.

Дэмиен прикрыл глаза, прислушиваясь к внутреннему ответу.

— Отпустят.

Утро звенело птичьими трелями, колыхалось листвой в косых лучах солнца. Скрипел, будто разминаясь после долгого отдыха дощатый пол. Чарм разбудили мелкие шажки бегущего по своим делам брауни — тот выныривал из щели между дубом и стеной с чашкой свежей воды, холодной, кристально чистой, для умывального кувшина, по дороге смешно семенил ножками и кап-кап-кап расплескивал содержимое.

Чарм тихо поднялась, стараясь не будить мужа. Долго и тщательно расчесывала волосы, выбрала ленту цвета неба и чистый передник, сшитый собственными руками.

Захотелось ей на себя взглянуть со стороны, но зеркала под рукой не нашла. Что ж, утренний час тихий и спокойный, можно и в гладь пруда посмотреться.

Чармэйн бесшумно отворила дверь и ступила на порог. Пахло росой и прелой листвой. Утоптанная тропинка вела прямо к берегу, Дэмиен даже утроил для нее мостки, где она полоскала белье. Лесное озеро очищало грязь, не требуя особых усилий, не надо было тереть до мозолей на терке или замачивать в щелоче одежду.

Чарм опустила на колени, удерживая волосы, и взглянула на ровную гладь воды. Повернула лицо из стороны в сторону, любуясь отражением — ничего не скажешь, похорошела за последние месяцы. Кожа белая с румянцем во всю щеку, глаза большие с янтарными искорками, волосы густые длинные, цвета плодородной земли после дождя.

Но вот, отражение подернулось рябью и прямо под Чармэйн из воды всплыла тоненькая обнаженная девушка, плашмя лежащая на поверхности, с маленькой грудью и блестящей чешуей на плечах. Она всматривалась в лицо Чармэйн с жадным любопытством, все выше и выше высываясь из воды. Приблизившись почти вплотную и обдав Чармэйн дыханием с запахом тины, озерная девушка рассмотрела наконец, что-то видимое ей одной, и с тихим всплеском исчезла под гладью воды.

Только сейчас Чармэйн осмелилась выдохнуть и отпустить мостки. Она уж приготовилась быть утащенной в пучину. Голубая лента выбилась из волос скользнула в воду и зазмеилась по поверхности, затем без звука утонула в глубину.

Из дому вышел заспанный Дэмиен, у него нюх на происшествия. Увидев жену, он подбежал и приобнял широкой ладонью трясущиеся плечи.

— Тут была девушка фейри... — прошептала она.

— Кувшинка, — кивнул Дэмиен, — это ее озеро.

— Она опасна? — прижалась к нему Чармэйн.

— Фейри следует остерегаться, но у них свои правила. Ты обещанна Тейлу, Кувшинка не тронет тебя.

— Она рассматривала меня, — Чармэйн вытянула вперед ладонь, стараясь увидеть, что в ней особенного. — Чего она хотела?

— Не знаю, милая. Пойдем, накормлю тебя завтраком и отправимся в путь, пока солнце не припекает.

Собравшись на скорую руку они пустились в Вирхольм, не забыв подарки. Чармэйн с любопытством следовала за Дэмиеном, отмечая, как бережно он отводит в сторону ветви, как тихо ступает по натоптанной тропе. Малые птицы не боялись лесничего, садились на шапку, пронзительно чирикавая. Встряхивались всем телом, вытягивали уставшие когтистые лапки. К Чармэйн подобного доверия не было, стоило ей протянуть руку, как пичуги вспархивали и скрывались в чаще.

По мере продвижения тропа становилось все уже, а Дэмиен отмеренными движениями продвигался вперед, выдавая недовольство резким выдохом. За юбки Чармэйн цеплялся чертополох, под ноги попадались кочки и ухабины, пока тропинка и вовсе не увела в сторону, окончившись непролазной чащей вьюнка и кустарника.

— Хм... — только и сказал Дэмиен, указав жене отдохнуть на поваленном стволе дерева, обросшим мясистыми головами рыжих грибов. Чармэйн с облегчением присела, опустив рядом нетяжелый узелок. Чувствовала она себя нехорошо — кружилась голова, да перед глазами плясали черные мошки. Может разленилась она за последние месяцы по дому прибираться, уже и прогулка в тяжесть оказалась?

Дэмиен исследовал препятствие из колючих веток, прислушался к чему-то неслышимому и наконец принял решение.

— Останься тут, милая, я пойду проверить дорогу.

Чармэйн устало кивнула, махнув мужу. Вытянула ноги, запрокинула голову, подставляя лицо косым лучам, пробившимся сквозь кроны. Дэмиен

ушел по тропе и Чармэйн осталась совершенно одна.

Воздух колыхнулся, из-за деревьев выступила стройная фигура с плащом из паутины, усыпанном бриллиантами росы сверкающей на солнце. Тейл в короне из мха и брусники безмолвно уселся подле Чармэйн.

Она старалась не смотреть в его сторону, не двигаться и ничем не выдать страх.

— Дэмиен скоро вернется.

— Не бойся, Чармэйн, я не трону тебя. Пока.

Фейри приблизился к щеке Чармэйн на расстояние волоса, обдал дыханием, чистым как подземный ключ и сказал:

— Пойдем за мною, суженная. Не тревожься, не сомневайся. Последуй за мной под холм, посмотришь на красоты, невиданные смертным. Тебе покажу.

— Отвечу — нет. Хотя знаю, что моя воля для тебя прах. Постыдись, вспомни Кувшинку.

Чармэйн бросила быстрый взгляд на эльфа и увидела, что слова достигли цели и тот отпрянул назад, но всего лишь на мгновение. Снова манящей негой зажурчали слова:

— Ревнуешь, суженная? Не стоит, для меня ты на первом месте. Ни о чем не беспокойся, — эльф взял ее безучастную ладошку в свою, провел пальцами по подушечкам мозолей. — Хватит обслуживать другого, губя себя тяжелой работой. Я окутаю тебя нежностью...

— Я больше не верю, — Чармэйн выдернула руку. — Раньше велась и обманывалась, но ты безжалостно играл со мной. Теперь нет доверия обещаниям, а поступкам. Вижу, как ты к чужой жене приходишь украдкой, стоит мужу отлучиться. Повтори то же самое Дэмиену в лицо!

Эльф усмехнулся, изящно встал, поклонился до земли показным жестом и растворился в сумраке меж деревьев. Через мгновение Чармэйн услышала шум шагов Дэмиена, возвратившегося по той же тропинке.

Муж устало прошел к ней и опустился рядом, на то самое место, где мгновение назад сидел фейри. Чармэйн придвинулась к мужу, обняла за талию и положила голову на плечо.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Дорога проверенная, натоптанная. Как прошел чуть дальше, путь свободен к Вирхольму. Следует еще раз попробовать.

— Хорошо, — кивнула Чармэйн. — Сейчас пойдем, только отдохну немного. Голова закружилась.

Дэмиен с заботой дотронулся до лба жены, поджал губы, отметив бледность Чармэйн и выступающие ключицы. Она нежилась в его заботе,

не хотела нарушить очарование момента. Только, раз зареклась не хранить больше тайн от мужа — следует выполнять.

— Пока тебя не было, приходил Тейл.

Дэмиен окаменел и ничего не ответил. Побелели костяшки пальцев сжимавшие ствол дерева. Чармэйн на миг пожалела о начатом разговоре, поэтому поспешила спросить, прежде чем передумает:

— Скажи, разве фейри позволено показывать царство под холмом людям?

— Им многое позволено.

— Ах вот как, — Чармэйн продолжила, поджав губы. — Тейл звал меня туда... Дэмиен, а если я не хочу, он сможет заставить? Силой утащить меня?

— Ты действительно боишься? Не дрожи, милая. Это я никак не возьму в толк, что ты вправду выбрала меня, а не Тейла. Нет, он ничего против твоей воли сделать не может.

Теперь пришла пора Чармэйн каменеть от невысказанной обиды. Неужели Дэмиен считает, что по своему желанию будучи женой отдалась другому? Как же он смог простить ее, да еще смотреть с нежностью, раз думал такое?

На сей раз муж понял ее без слов:

— Я знаю, Чармэйн. Будь осторожна в обещаниях, данных фейри. Назад не возьмешь.

Она вспомнила, как летним вечером, теплым и влажным, Тейл повел ее за руку в лес. На поляне с мягкой травой, под красным закатным небом, она отдала девичью честь белокурому эльфу. Тогда, отдыхая в объятиях сильных рук, шелковистых на ощупь, услышала прошептаный на ушко вопрос: разрешено ли ему брать ее по своему желанию. Разнежившись от долгих ласк и острого нового удовольствия Чармэйн с жаром ответила «Да!». Ах если бы она проглотила язык!

Теперь только желания Тейла имеют значение. Спросил ли он специально или поддался жару момента, неизвестно. Чармэйн склонялась ко второму. Ах если бы вспомнить, что еще она наобещала!

Но думать о Тейле рядом с мужем не хотелось. Дэмиен встал, протянул Чармэйн руку и она выпрямилась, прикрыв глаза, подавляя приступ дурноты. Что с ней случилось сегодня?

Они вновь отправились путь, только на сей раз Чармэйн бездумно шла за спиной мужа, стараясь держать шаг. Дэмиен опять был недоволен — тропа змеилась, прерывалась кочками и ухабинами, уходила под русла широких ручьев. Лесничий упрямо прокладывал дорогу, ориентируясь не

только по знакомым приметам как привык, но и по солнцу. Усилия оказались напрасны, очередной поворот вывел их к поросшему грибами поваленному стволу и сплошной стене из кустарника.

— Это не случайность, — сказал Дэмиен. — Должна быть причина. Что ты думаешь?

— Я думаю, что в последние дни Хозяин леса задабривал меня, даря подарки и показывая чудеса, чтобы я не слишком расстроилась, когда он решить меня не выпускать. Все очень просто, Дэмиен. Один ты с легкостью к деревне вышел бы. Дело во мне.

Дэмиен закрыл глаза, прислушался к внутреннему ответу и кивнул.

— Да.

Он тяжело вздохнул, открыл котомку и достал из нее чистую тряпицу, с завернутыми сдобными булочками, с хрустящими семечками на румяной корке. Чармэйн еще с вечера испекла, хотела показать матери свои умения. Зачем ждать? Теперь смело можно отобедать.

— Нет, Дэмиен, — Чармэйн завернула булочки обратно. — Проведи меня домой и ступай в Вирхольм. Я напишу тебе письмо для родных, пусть знают, что у меня все в порядке. Я не расстроилась, правда.

Домой они уже не торопились, да и дорога стала совсем другой, ровной, поросшей изумрудной травой. К Чармэйн садились на плечи прежде дичившиеся пичуги, пронзительно чирикали, вытянув горлышко, как бы прося прощение за прежнее пренебрежение. Ясное солнышко причудливым узором водило хоровод из солнечных зайчиков на палой листве.

Зайдя в хижину, Чармэйн напилась как следует и, борясь с сонливостью, написала письмо для родных. Лесничего в городе уважали, но к возвращению в одиночку отнесутся с подозрением. Никакое письмо тревогу не уменьшит. Как бы ничего плохого с мужем не случилось...

Чармэйн заказала в письме у мамы любимых леденцов, попросила собрать гребень, белье и разные мелочи, которые не захватила в день замужества, а ныне жалела. Отцу передавала поклон и поблагодарила за мужа. На этом месте Чармэйн в смятении провела пером по щеке — как бы не переборщить со сладостью, чтобы не вызвать лишних вопросов. Написала про добротный, но маленький дом. Рассказала, о найденных подарках и о том, что Хозяину леса настолько приглянулась, что и выпустить не пожелал.

А на последних строчках, Чармэйн внезапно отставила перо, закусив губу. Внимательно посмотрела на мужа, который вычищал очаг кочергой, отгребая угли и сажу в подставленное ведро. Нарядную рубаху он снял и

повесил на крюк за дверь, на пояс повязал рабочий фартук поверх штанов.

Борода старила Дэмиена, а сейчас со спины было видно — он молод, силен и статен. Мышцы перекачивались под кожей, управляя точными выверенными движениями и Чармэйн невольно засмотрелась. Три месяца прошло с тех пор, как она стала его женой, а до сих пор не познала сладость объятий. Будет ли он так же нежно ласкать ее тело, как обнимает порой стволы вековых сосен?

Глаза Чармэйн затуманились, прошлая боль и ужас близости с лесным фейри канули в небытие. Осталась легкость и томление, как раньше, много раньше встречи за яблоней, на заднем дворе родительского дома.

Как замороженная встала Чармэйн и направилась к преклонившему колени мужу. Опустилась позади него, провела ладонью по широким плечам, отметив как замер и напрягся Дэмиен. Склонилась, прижавшись грудью к спине и поцеловала в основание шеи, провела по ней языком до мочки уха. Дэмиен закрыл глаза и откинулся назад, отдаваясь на ее волю. Чармэйн нашла губы Дэмиена своими, только вместо нежного поцелуя чуть прикусила и игриво вернулась терзать мочку уха, заставив мужа резко выдохнуть.

Дэмиен развернулся назад, схватил Чармэйн и затащил к себе на колени. Принялся целовать, как она любила, с открытым ртом, лаская языком, только на сей раз не медленно и нежно, в готовности прекратить по первому знаку. На сей раз Дэмиен крепко держал ее, забывшись желанием. Нагнулся сверху, одной рукой обнимая за талию, а второй накрыв грудь. И так сладко было Чармэйн, так чудесно, что потянула она мужа на пол и шепнула на ухо:

— Не останавливайся.

А он даже не понял, что она имеет ввиду, совсем потеряв голову от близости жены. Только спустя мгновение застыл посреди поцелуя, встретился глазами с Чармэйн, желая увидеть подтверждение. Она потянулась как кошка, изогнувшись, маня приглашающим жестом. Дэмиен последовал за ней, не веря, что можно наконец дать волю рукам.

И позже, постанывая от удовольствия, Чармэйн удивилась про себя, отчего сладкий туман застил прежде острые воспоминания, заставлявшие держаться от Дэмиена подальше, превращавшие любые прикосновения в нетерпимые. Сейчас горячее тело мужа и резкие толчки отзывались негой, а дыхание Дэмиена опаляло плечо и Чармэйн чувствовала, что вот-вот вознесется в неведомые дали.

Она сама стала другой. И если бы наслаждение не накрыло бы ее,

затопляя мысли, Чармэйн обязательно задумалась бы над этим.

Дэмиен шел по направлению к деревне — котомка полна гостинцев от жены, в кармане свернутое письмо. Голова легкая, а вот на сердце тяжело. Долго ждал он первого раза, думал и мучился томлением, а когда тот настал, оставил горький привкус. Чармэйн было хорошо, наверное. Она когда все кончилось обвила шею рукой и поцеловала в щеку, поблагодарив. Только Дэмиена не оставляла мысль, что с Тейлом было лучше. А как может по иному, если тот и статью и опытом Дэмиена превосходит. К тому же Чармэйн пылала к сыну леса, а на долю лесничего остались лишь угольки.

Эх, не построить им семьи. Нужно было Чармэйн сразу домой отослать, как только обман раскрылся. А теперь поздно уже, сам лес не пускает, ему поперек ничего не скажешь. Придется Дэмиену скрутить гордость в бараний рог, смирится и попытаться жить, считая себя вторым сортом. Хотя что это за жизнь?

Тот день, открывший обман, многое отобрал у Дэмиена. Главное, что никогда не вернется — доверие к Чармэйн. Сколько бы она не говорила про свой выбор, сколько бы не ластилась, просительно заглядывая в глаза, в глубине души Дэмиен считал, что их время на исходе: как только у Тейла и Чармэйн все стерпится-слюбится, остаться ему одиноким с своей хижине коротать век рогатым отшельником.

Хотя, когда он видит ее все мысли улечиваются и хочется привязать ее к себе всеми силами, использовать любой шанс лишь бы была рядом, лишь бы понимала его, как только она умеет, лишь бы зажигалась радостью и была счастлива.

За деревьями показался просвет и Дэмиен ступил на тропу между нетронутых полей. Впереди золотился церковный шпиль и серели покатые крыши Вирхольма. Перед встречей с родным Чармэйн неприятно отдавалось в затылке. Многое придется сокрыть, а в этом Дэмиен не мастер.

Застучали под подошвами каменные мостовые. Вирхольм был по своему красив, рукотворной красой непривычной глазу лесничего. Искусная роспись вокруг окон с обилием завитков и листьев. Полная оберегов, вплетенных в узор то ликами святых, то изображением животных. Старую веру в Вирхольме уважали, но и близость неведомой силы давала о себе знать. Говорили, что за благочестие был выбран Вирхольм процветать в то время, когда мире за завесой царит война и

голод. Заблудшие странники, нашедшие путь в Вирхольм из внешнего мира и осевшие навсегда, рассказывали приевшиеся новости о разграбленных деревнях, городах с жестокими правителями, междоусобных войнах и грабежах. Всего этого в Вирхольме не было.

Текущие дела — работа на полях, сбор обильного урожая, уход за скотом не требовали чрезмерных усилий — жизнь в Вирхольме была размеренной и сытой. Оставляла время для обучения грамотой и праздных занятий вроде живописи и грамоты.

Севернее города в сухую пещеру в холме раз в месяц сносились красивые безделушки, сделанные на досуге, которые очень ценились в мире за пологом. Граница сдвигалась и через неделю жителей Вирхольма ждали насущные предметы, обговоренные в специальной бумаге. Кроме списка обменных вещей, писать что либо еще запрещалось договором.

Сытая и размеренная жизнь не всех прельщала, бывало неведомый зуд подталкивал за пределы знакомого до зубного скрежета кусочка земли. Лес никого не держал силой, а вот дорога назад становилась заказанной навсегда.

Мэр и его жена встретили Дэмиена настороженно. Сразу же спросили о причине отсутствия Чармэйн и только письмо смогло немного притушить тревогу. Мэр долго расспрашивал Дэмиена о дочери, но многого лесничий сказать не мог, так как оберегал тайны леса, а оставшиеся крохи про быт в хижине встревоженного отца не интересовали.

— Скажи честно, — сказал мэр поглаживая седую козлиную бородку. — Жива ли Чармэйн? Здорова ли?

— Я не мог пожелать себе лучшей жены, — помолчав, ответил Дэмиен на вопрос, который мэр не задал. — Она добра и ласкова, мастерица на все руки...

Родители переглянулись с недоумением: о Чармэйн ли идет речь или лесничий недоговаривает...

— На мою дочь непохоже, — отрезала теща.

Жена мэра, еще красивая черноволосая женщина с морщинками в уголках глаз, с подозрением смотрела на Дэмиена, насторожившись после последних слов. Поправила аккуратный кружевной чепец и смахнула пылинку с парадного платья традиционно темно-зеленого цвета.

Дэмиен вытащил из котомки гостинцы, но родители жены обнюхав булочки и пирожки только пожалы плечами, все темнея на лицо и даже аметист не вернул благодушия.

— Она готовить не умела, лесничий.

Дэмиен понял, что следует немедленно исправить ситуацию и что-то придумать, только он не знал что. Интуиция подсказывала — следует сказать правду, любую, иначе решат про него нехорошее.

— Поначалу не получалось у нее, это правда. Только лес принял ее ласково и Хозяин леса одобрил. Ей нездоровится сегодня. Слабость, голова кружится, я перед уходом ей кровать постелил, чтобы отдохнула как следует. Все жалела, что не может вас навестить.

Мэр все так же жестко смотрел на лесничего, от тревоги выдирая волосы из жидкой бородки над белоснежным воротником. Теща же наклонив голову думала о чем-то своем, оценивая последние слова, и наконец выдохнула с облегчением, протянув белые тонкие кисти на стол.

— Вот теперь все стало на свои места. Можно вас поздравить, Дэмиен! Чармэйн в тягости. Я помню сама в первые месяцы беременности спала целыми днями, а когда поднималась на ноги, что-то готовила, мастерила и вышивала.

Она встала из-за стола и закружилась по комнате, посверкивая вышитыми на спине золотыми крыльями — символом избранности жителей Вирхольма. Оборки чепца трепещут, руки прижаты к груди, а на лице выражение счастья. Еще бы! Новый ребенок в семье, маленький, очаровательный, нуждающийся в заботе... К тому же символ статуса, главный предмет зависти подруг. Не всем им повезло стать матерями, а уж бабушками в самом расцвете сил...

Дэмиен мгновенно прозрел и поверил. Все сходилось, срок в два месяца после памятного вечера, сломавшего его жизнь, и слабость жены и даже изменения внешности и повадок. Ребенок в чреве Чармэйн не его, а лесного фейри и эта мысль пронеслась в голове, ухнула к желудку, оставив на сердце жалящий след как от хлыста. Ему бы сбежать к родным деревьям, пережить и понять как отнестись к тяжести жены, а вместо этого Дэмиен сидит с приклеенной улыбкой, наблюдая за оживленной тещей и тестем, строящими свои планы.

Не даром Хозяин леса не выпускал Чармэйн! Будь она рядом, Дэмиен оставил бы ее семье и вернулся в свою хижину один,лизывать раны. Ничто не чувствуется таким чужим, как ребенок другого.

Теща весело щебетала, втянув в разговор мэра. Они скрылись внутри дома, в поисках мелочей по списку Чармэйн, то и дело появляясь, чтобы попросить у лесничего прихватить с собой баночку любимого варенья Чармэйн или мягкую простынь из внешнего мира, расшитую лучшими мастерицами с действенным оберегами. Дэмиен на все соглашался: и так на плечи давила тяжесть душевная, может вес котомки отвлечет от горьких

мыслей.

А обдумать следовало многое. И в особенности занимала его утренняя близость. Случилась ли она сама по себе, или Чармэйн специально постаралась привязать мужа, узнав о своей тягости. И как вызнать у нее правду, если девушка лучшая лгунья во всем Вирхольме?

Дэмиен очнулся, ощутив на плече заскорузлую руку мэра. Тот сел напротив в резное кресло, и теперь пытливо всматривался выцветшими голубыми глазами в лицо лесничего.

— Вижу, ты тревожишься о будущем. На твоих плечах уход за лесом, а следовательно и наше благополучие. Взяв жену, ты принял ответственность за нее, а теперь впереди еще и ребенок... Я тебя знаю с детства, Дэмиен. Лес выбрал достойного лесничего, ты всегда поступишь как должно, даже в ущерб себе. Но не переживай, нет заботы сладостней на свете, чем забота о беспомощном малыше.

Дэмиена передернуло, но он нашел силы сдержать резкий ответ, так и просящийся на язык. Когда все гостинцы оказались собраны, а кроме котомки на Дэмиена навесили еще два холщевых мешка с длинными ручками, он попрощался и направился к матери.

Долг следует исполнять, не смотря на жизненные невзгоды. Мать ждет его, а значит следующий пункт назначения это маленький домик с синей росписью вокруг окон.

Матушке ничего говорить не требовалось. Ей хватило одного взгляда, и она спала с лица. Забрала мешки из рук, помогла снять котомку со спины, усадила на самый мягкий диванчик, ничего не спрашивая. Исчезла только, чтобы принести чашку горячего отвара, сунула в руки и присела на низкий стульчик напротив, смахивая слезы.

— Мой бедный мальчик...

И ее жалось оказалась нетерпимей оживления мэра и его жены. Дэмиен на мгновение увидел себя со стороны, плачущего на диване матери... Стыд и позор, следует немедленно взять себя в руки. Раз от судьбы не убежать, то следует встретить ее с достоинством. Вернуться к Чармэйн и напрямую поговорить с ней о будущем.

Глава 5

Глава 5

Чармэйн спала совсем немного, а когда встала, все поплыло перед глазами. Голова была тяжелая и во рту пересохло. Брауни поднес плоску с ключевой водицей, да погладил по голове ручкой с длинными пальцами.

— Дедушко, по что мне нездоровиться?

Тот сверкнул на нее и сморщился, но не ответил, а ворча о своем скрылся между дубом и стеной дома. Чармэйн вздохнула и заплела косы, отметив, что волосы отрасли на целую ладонь за последнюю неделю.

Что-ж, Дэмиена нет, откладывать больше нельзя. Придется быть честной сама с собой и сложить воедино все странности последнего месяца. Ее тело меняется, отрицать смысла нет. Чармэйн потеряла ноющую и потяжелевшую грудь под платьем и вспомнила происшедшее сегодня утром.

Любовь к Дэмиену, зародившаяся уже в день свадьбы за последние месяцы все росла и крепла. В этом чувстве не было бурных страстей или выжимающей силы тоски. Нет, Чармэйн скучала по Дэмиену и часто вспоминала его, но больше с нежностью, с желанием порадовать и угодить. И поцелуи его желанны и приятны.

Но прикосновения Тейла оставили шрамы, которые Чармэйн не смогла за все это время залечить. Любая близость, помимо невинных поцелуев, вызывала страх и отвращение.

А сегодня утром все это исчезло и она отдалась Дэмиену с легкостью, а тело само собой отзывалось на удовольствие, требуя еще. Будто ушло клеймо, оставленной фейри.

Ей бы радоваться, да представлять тихую семейную жизнь с мужем, но Чармэйн вдруг поняла, что Тейл оставил след более осязаемый, чем душевные раны. Ребенка под сердцем.

Чармэйн услышала шорох за стеной хижины. Мигом вскочила на ноги, быстро подбежала к окну. Через него многое не разберешь — картинка дробится и переливается, окно из стрекозиных крыльев годно лишь пропускать свет, но она сумела разглядеть на поляне рыжие пятна и тонкие белые ноги. Единорог и его свита!

Тихонько приоткрыв дверь, Чармэйн наблюдала за зверьем на поляне,

держа ладонь на собственном животе. Особо милыми казались лопухие медвежата, неуклюжие, с куцым хвостом на круглой попе. Сегодня единорог, покружив по поляне и огороду улегся прямо напротив Чармэйн и приложил рог к земле. У основания головы появилось льдисто-сапфировое свечение, потекло во витому рогу и влилось прямо в траву. В воздухе появился запах тающего снега, звереныши замерли, поднявшись на задних лапках.

В месте впитавшегося в землю свечения, из травы поднимался мыльный пузырь, переливаясь всеми цветами радуги. Бока ширились, разводы танцевали, закручивались в разноцветные смерчи, пока со звуком разбившейся капли, пузырь разлетелся на тысячи брызг, а на его месте забились крылышками маленькая птичка. Она взлетела над головой единорога, сделала круг по поляне и Чармэйн разглядела, что это не обычная теплая пичуга: волшебное создание было прозрачным и искрилось на солнце, будто сотворенное из снежинок.

Особо ловкий лисеныш подпрыгнул в воздух и сумел зацепить лапой хвост птички при особо низком вираже. С хрустальным звоном брызнули во все стороны мелкие льдинки, и что-то темное, оставшееся вместо волшебной пичуги упало на траву прямо у ног Чармэйн.

На земле извивалась мохнатая многоножка, темно синяя с мелкими блестками на длинном туловище. Чармэйн обычно относилась к насекомым с неприязнью, но эта казалась жалкой. Многоножка беспомощно извивалась, перебирая лапками, а жена лесничего заворочено наблюдала за ней, не заметив, как единорог поднялся с земли и величественно прошествовал к ним.

Единорог осторожно подставил рог многоножке, дав той забраться на него, сверкнул на Чармэйн мудрым взглядом, и невероятным прыжком преодолев расстояние до черты леса, скрылся в чаще, уводя за собой мгновенно растревоженных зверят, изо-всех сил перебирающих лапами, чтобы успеть за единорогом.

Чармэйн осталась у распахнутой двери, поглаживая живот и размышляя о знамении, которое только что увидела. Ничем иным, как знамением представление быть не могло, но вот бы разгадать, что за ним кроется!

Вдруг Чармэйн заметила, что с другой стороны поляны замер Дэмиен, смотревший в сторону, где только что скрылся единорог. За спиной мужа возвышался сверток, привязанный к котомке, и по мешку на каждом боку. Чармэйн бросилась к мужу забрать поклажу, по дороге споткнувшись от легкого головокружения.

Дэмиен мешки не отдал, покачал головой, давая понять, что заметил недомогание. Отнес все домой, сложил аккуратно у входа и лишь потом вздохнул:

= Наконец я его увидел!

Чармейн воспользовалась моментом, чтобы разобрать котомку. Поднять ее она не смогла — как только Дэмиен ее донес? Так и доставала предметы по одному. Сверху, плотно свернутые лежали кремовые простыни с яркой вышивкой и кружевом по краям — невероятная роскошь в лесной хижине, родители умом тронулись.

— Дэмиен, как ты думаешь, что все это значило?

Потом следовали гребни, заколки, украшения и прочая ненужная, но увесистая мелочь, которую Чармэйн с раздражением отложила.

— Как мне кажется, ничего хорошего. Пузырь лопнул, птичка распалась на осколки. Мне кажется, тебе угрожает опасность, Чармейн.

Она положила на полку банки, забитые доверху разноцветными леденцами, обваленными в цветном сахаре.

— И что же мне делать? Может, раз Хозяин леса не отпускает домой, то уйти во внешний мир?

Дэмиен усмехнулся.

— Вот выдумщица, куда ты пойдешь одна, беременная, во внешний мир? О ребенке подумала, о том какой он будет? С рогами или копытами, покрытый шерстью, когтистый, хвостатый?

Чармейн обиженно замолчала. Естественно она не хотела уходить от Дэмиена, просто надеялась на другой ответ. Ожидала скажет, что никуда ее не отпустит. Но Дэмиен вернулся хмурый и чужой, будто стеной отгородился. Минутку... Ребенок? Он знает?

— Когда ты узнала, Чармейн?

— Сегодня... Как только проснулась, подумала о причине недомогания...

— Ах сегодня... А я, дурак, надеялся на правду...

— Дэмиен, знаю, та ложь всегда будет между нами. Меня не простить. Хотела бы я попросить тебя решить раз и навсегда мою судьбу, но вижу, что мы с тобой связаны накрепко. Домой я вернуться не могу, во внешний мир тоже...

— Я только не пойму, почему ты не пойдешь к отцу твоего ребенка. Ты его любила когда-то. Уверен, любовь вернется...

Чармейн опустила голову, достала из котомки чудесное зеленое платье с золотыми крылышками на спине и белыми манжетами. Куда его одевать в лесу? Чармейн расстроено смяла его в руках.

— Думаю, ребенок это именно то, чего Тейл добивался все время... Поэтому он так злился на меня, бросал, а потом возвращался. Ты наверное не поймешь, Дэмиен, но Эльфийский король бывает страшен во гневе... Будто я и не человек вовсе, а соломенная корзинка, которую, если плохо плетется, можно бросить оземь и всласть раздавить. Мне больше не пригож его лик, не чарует голос. Даже если прогонишь меня, у фейри не буду искать защиты.

Дэмиен стащил шапку с волос, устало уселся на лавку и провел ладонью по лицу.

— Я понимаю, Чармейн. Больше, чем ты думаешь. Я ведь знаю Тейла с шестнадцати лет, когда только стал лесничим. Я тогда совсем ошалел от него и Кувшинки. Они ко мне постоянно заглядывали, болтали, уводили за собой в чащобу и бросали там, посмотреть, как удастся выбраться. Они любопытные очень. Пара шуток была не совсем удачных, Кувшинка меня чуть не утопила, то ли по рассеянности, то ли намеренно. Я тогда купался, она меня за ногу потянул до самого дна и там за волосы к коряге прицепила. Я пока догадался их отрезать чуть сознание не потерял.

Но я словно ослеп... Не видел мелких оплошностей, считал Тейла идеалом, во всем старался ему потакать, чтобы снискать одобрение. Мой отец не ладил с матерью. Когда я был ребенком, он ушел в большой мир, ты слышала, наверное. Я на Тейла смотрел как на наставника, а шутки воспринимал как уроки. Когда упал с крыши дома, руку поломал, звал Тейла, искал его по всему лесу, но не докричался. Пришлось тащиться в Вирхольм к лекарю, тот хорошо заживил. Много времени утекло, пока понял, что они людей за своих не считают. Сломанная корзинка? Ты хорошо сказала...

Чармейн подошла к Дэмиену, несмело обняла за талию, прижалась грудью, заглянув в глаза. Муж смотрел без завесы отчужденности, сочувствующе и с тоской.

— Но все же стоит Тейлу позвать, и я бегу за ним, сломя голову, — повинился Дэмиен.

— У меня тоже так было раньше.

— Раньше? И что изменилось?

— Я встретила тебя.

Он усмехнулся, поджав губы, но не отпустил ее, а прижал крепче, будто позволяя себе обмануться ее словами. Чармейн встала на цыпочки, подставив губы для поцелуя, нежного и мягкого. Она потерлась о щеку Дэмиена, провела ладонями по плечам, груди. Отряхнула пылинки с рукавов мужа.

В такие моменты Чармейн предпочитала не говорить, а делать. Усадила Дэмиена подле стола, подала плошку ополоснуть руки с лицом, а затем стакан чистой воды. Да и он ощутимо расслабился от заботы.

Руки привычно принялись за работу, а мысли унеслись далеко, обратно к единорогу и знамени. Вдруг Чармейн словно очнулась и обнаружила Дэмиена рядом, помогающего разложить по местам, принесенное из Вирхольма. Ее так растрогала его безмолвная, не требующая ничего взамен, помощь, что Чармейн опять потянулась за поцелуем. Муж обнял ее за талию, углубил поцелуй и ласка за лаской они вновь остались без одежды.

Только на сей раз, начав нежно, Дэмиен внезапно завел руки Чармейн за голову. Она видела лицо мужа над собой и вдыхала его пряный человеческий запах, но ощущение беспомощности дернуло за крючок, высвободив лавину воспоминаний.

Быть беззащитной — значить терпеть боль, дергаться куклой в чужих жестких руках, безвластной над собственным телом. Те ощущения были настолько болезненны, что Чармейн настил за настилом погребла их в самом далеком чулане сознания. Оттуда, они управляли ею невидимым бичом, подхлестывая страхом, заставляя стать совсем другим человеком, лживым и отвратительным самой себе.

А теперь твердая хватка мужа, и его запах, и ощущение того, что можно быть беспомощной и ей не причинят вреда, все это нахлынуло на Чармейн потоком бурным и живительным, тугой волной круша заслоны, проникая до глубокого чулана и чистыми струями смывая прошлое.

Чармейн дрожала, а Дэмиен следил за ней внимательным взглядом, осторожничая не перейти границы доверия. Страх и ласка соединились, Дэмиен не отпускал руки Чармейн, заставляя чувствовать себя пассивной и защищенной. Оба получали то, что было им мучительно нужно — Чармейн доверие, а Дэмиен, силу.

Когда с последним рывком он поцеловал ее и, погладив запястья опустил рядом, то Чармейн доверчиво прижалась к нему, греясь у горячего тела мужа.

Как он сумел понять, что нужно сделать, чтобы исцелить рану, не дающую Чармейн нормально жить? Неужели подсказал тот самый дар, который заставлял Дэмиена бросать все и нестись в лес сломя голову на помощь попавшему в беду зверю?

Чармейн оперлась на локоть и сказала мужу:

— Дэмиен, так больше нельзя. Ты должен решить раз и навсегда, что хочешь со мною делать. Уверена, если твердо решишь отказаться, лес

выпустит меня.

Дэмиен усмехнулся, прикрыв глаза.

— Что я могу с тобою делать, Чармейн? Ты приворожила меня покрепче чар лесных Фейри.

— Не прибедняйся, тоже хорош. Я за Тейлом так не бегала, как за тобой

— Значит, мне есть чем гордиться.

— Правда это странно, Дэм? Что можем спокойно говорить о них, не скрываясь друг от друга.

— Это хорошо, Чармейн.

— Раз так, — Чармейн перебралась лежать прямо на живот мужа и заглянула к нему в лицо, — то скажи, понимаешь ли ты, что Фейри нас разлучат?

Дэмиен встрепенулся, но Чармейн крепко держала его и не дала увернуться от ответа.

— Тейл может забрать меня под холм в любую минуту. Я сама согласилась тогда стать его суженой и теперь не знаю, как от него освободиться... А ты молчишь, будто ничего не происходит...

— Я сам не знаю всех тайн леса. Но послушай, Чармейн, раньше он и вправду мог тебя утащить под холм, и не знаю почему промедлил, но теперь-то, ты больше не одна, а на ребенка в твоем чреве заклатья не наложено.

— Ребенок его, Дэмиен, — хрипло прошептала Чармейн. — Это, ты ведь тоже понимаешь.

Дэмиен резко вывернулся из ее объятий, оттолкнулся от пола и сел, ссутулившись.

— Ладно, Чармейн, я все понял. Раз сама напросилась, то держись, — сказал он, поджав губы. — Чужой ребенок... Отчего не дождалась меня, Чармейн? Почему я должен делить любимую женщину с другим? И Тейл... Ты не могла бы выбрать другого любовника? Любого из Вирхольма я бы пережил, он бы не мелькал перед глазами, ты бы его забыла со временем. Чужой ребенок... Ты думаешь, я смогу полюбить его, Чармейн?

— Ты спрашиваешь меня?

Чармейн обняла спину мужа, гладила плечи и перебирала волосы, всем своим естеством пытаясь облегчить обиду Дэмиена, которую она же нанесла.

— А кого спрашивать? Ты мой единственный друг, мне не с кем советоваться. — Дэмиен хмыкнул, а Чармейн со стыдом поняла, что отобрала у мужа поддержку фейри. — Так скажи, смогу ли я стать ему

отцом?

Чармейн развернула Дэмиена к себе, подняла лицо за подбородок, поцеловала во влажные глаза, в нос, в губы.

— Я думаю, что как только ты начинаешь о ком-то заботиться, то любовь сама находит дорогу к сердцу.

Они посидели в тишине лоб ко лбу. Дэмиен выдохнул и обнял Чармейн, отдавшись ее ласке. Часть прозрачной преграды между ними растворилась в небытие.

Через некоторое время, они стыдливо оделись и принялись наводить порядок в хижине. Дэмиен разбирал холщовые сумки, а Чармейн вновь принялась за котомку.

— Смотри, — сказал он ей, разворачивая льняную тряпицу.

У него в руках была брошь в виде маленькой птички с гроздьями ягод в клюве.

— Оберег моей матери. Я сказал о твоей беременности, она передала украдкой, полагая, что тебе будет нужнее.

— Птичка, Дэмиен! Совсем как сотворил единорог. Думаешь совпадение?

— Думаю тебе следует носить ее не снимая.

Чармейн отложила в сторону синюю бархатную шкатулку, которую держала в руках и приколола к груди брошь.

— Что тут? — спросил Дэмиен, указывая на шкатулку.

— Не знаю. Тяжелая.

Странная шкатулка, без оберега на бархате. Чармейн подцепила металлический язычок и открыла замок. Под зеркальцем на крышке, на блестящем сатине лежал цилиндр похожий на стило, один конец заостренный из белого блестящего металла, а на втором три пера.

Чармейн взвесила стило на руке. Увесистое, древко отполировано, а на острие желобки.

— Новый вид ручки? — спросил Дэмиен. — Никогда такой не видел. Посмотри на металлическое острие — похоже на золото, но белое. Красиво.

— Может отец послал последнее изобретение. Подожди, я попробую написать.

Но стило, обмакнутое в чернила, только царапало бумагу, написать не удалось ни слова. Слишком острый наконечник. Чармейн хмыкнула, вытерла чернила и положила неудачную ручку на самую верхнюю полку, где лежали вещи, которыми редко пользуются.

Недомогания, сопровождавшие первые недели беременности прошли и теперь Чармейн чувствовала себя сильной, быстрой и живой. Работа спорилась, Чармейн хорошела с каждым днем, а муж оттаял.

Если он возвращался домой засветло, они частенько гуляли рука об руку. Он водил ее то к высокому водопаду, в облаке водяных капель — если подойти поближе будут жалиться и щекотаться, кутать в морозную свежесть. То показывал естественные хижины под ветками кустарника. На земляном полу, устланном сухими листьями было мягко и уютно, а ветки над головой шелестели в такт ветру и убаюкивали. Дэмиен уложил Чармейн оземь и они любили друг друга, а потом там и заснули. Ближе к утру Чармейн вся заоченела и попросилась домой. Дэмиен вел ее, крепко держа за руку, а в траве по обе стороны тропинки то и дело вспыхивали светлячки, освещая дорогу, хотя их вечерний час давно прошел.

Чармейн давно поняла, что окружающий лес с каждым днем все больше воспринимает ее как свою. Да и она, кажется, меняется, раз может слышать мельчайшие шорохи, различать запахи и двигаться со звериной ловкостью. Хотя, мать говорил во время беременности чувствительность к запахам естественна...

Фейри она тоже стала чувствовать. По крайней мере, когда подходила к водоему, всегда знала, Кувшинка поблизости или нет. Эльфийка интересовалась Чармейн, часто сидела украдкой под мостками, иногда поглаживала холодной ладонью руки Чармейн, когда та стирала.

Чармейн пыталась с нею заговорить, сначала ласково и тихо, как с пугливой зверюшкой, потом, после молчания в ответ, сказала с вызовом:

— Выходи, я знаю, что ты прячешься. С твоим братом я наговорилась, отчего и с тобою не перемолвится?

Кувшинка выплыла, и, послав Чармейн озорной воздушный поцелуй нырнула в глубину водоема, окатив на прощание водой от макушки до подола.

Чармейн отряхнулась, подумав немного, сняла платье постирать и его тоже, раз уже все мокрое. Кувшинка ей нравилась, несмотря на то, что доводы рассудка призывали ее опасаться. Уж слишком хрупкой казалась лесная дева подле крепко сбитой Чармейн.

Дэмиен, некстати вернувшийся домой, задумчиво смотрел на жену, в насквозь мокрой нательной рубашке. Чармейн смутилась и торопливо рассказала о проделке Кувшинки.

— Раньше она реже сюда наведывалась. Скорее всего за тобой наблюдает. Они знают о беременности, как же не знать?

— Дэмиен... — прошептала Чармейн только сейчас осознав,

витающую в воздухе мысль. — Фейри заберут ребенка...

— Нет, Чармейн, — сказал Дэмиен, помогая нести корзину с отжатым бельем. — Забрать они не смогут, пока он не вырастет и сам не согласится. Только обменять на своего, но на кого менять?

— Подожди...

Чармейн остановила мужа, обдумывая внезапную догадку. Почему она раньше этого не увидела?

— Я ничего не понимаю. Если они не могут забрать ребенка под холм, то зачем я была Тейлу нужна? Послушай, Дэм, мы что-то упускаем... Они знают больше нашего.

— Или ты права, или все наоборот. Фейри просчитались, забыв о человеческой сущности. Думаю, Тейл хотел соблазнить тебя, сделать ребенка да забрать в лес. Я помню, как он рассказывал о суженой из Вирхольма, хвалился легкостью, с которой соблазнил невинную девушку. Ты быстро сдалась, дав обещание, но надежды не оправдала. Все не беременела. Он злился, вымещал раздражение на тебе... И никак не мог предположить, что людская природа переменчива и данное обещание ты можешь забрать обратно.

— Значит он ожидал, что я буду любить его всегда?

— Представь себе да. Если я начну к тебе к тебе относиться как к ненужной вещи, сколько времени пройдет, пока от меня откажешься?

Чармейн буркнула в ответ что-то несвязное, отводя глаза.

— Вот-вот. А природа — иная. Сколько ее не жги, не руби, она воздаст любовью, прорастет новой порослью. Природа непредсказуема и переменчива, но постоянна в своей преданности и всепрощении. Фейри по своей основе прежде всего дети природы. Дав обещание, Тейл не заберет его обратно. Ты все еще его суженая, а то, что есть между нами всего лишь сезонное помешательство. Бунт капризного ребенка.

— Я поняла... Тейл ждет, что я сама к нему вернусь, раз обещала. И в этом наша сила.

— В этом наша сила. В способности нарушать обещания.

Чармейн ухаживала за садом, вооружившись острой лопаткой и граблями. Под ее руками огород разросся, зацвел и стал похожим на окружающий лес — непредсказуемым, безумным и прекрасным.

Морковь поменяла цвет на фиолетовый, увеличилась в размерах и приобрела отчетливо сахарный вкус. Картошка наоборот, обмельчала до размера крупной вишни, зато шкурка сама снималась под пальцами. Появились и совсем невиданные плоды на окружающих деревьях —

колючие, с ярко-красной мякотью и мясным запахом. Они замечательно тушились с зеленью и чесноком и даже Чармейн, от беременности равнодушная к еде, с удовольствием ужинала непривычным блюдом.

И вдруг, она замерла, схватившись за ребра с левой стороны. Там словно полыхал огонь. Не причиняя боль, а приказывая все бросить на месте и, сломя голову, мчаться в чащу.

Чармейн никогда не заходила без сопровождения за невидимую черту, окружающую дом и озеро. Она вела себя примерно, стараясь понравиться Хозяину леса. И теперь безмолвный приказ заставил Чармейн мучиться от невозможности решить, что делать.

Остаться ли на месте или последовать зову?

Лес, пусть до сих пор благосклонный, таит в себе не мало тайн и пока ей не дано явное разрешения, никуда ходить нельзя. Может, зайдя за запретную черту, Чармейн направится ловушке в пасть.

Потирая, ребра она вернулась к огороду, но волна паники постепенно разгоралась, пока не подступила к горлу. Чармейн отчетливо поняла — еще немного и будет слишком поздно.

Чармейн вскочила на ноги, отряхнула платье. Вооружилась металлической лопаткой и ринулась в просвет между деревьев.

Она перепрыгивала с кочки на кочку, бесстрашно ныряла в самую чащу, потом внутренний огонек вывел Чармейн к руслу ручейка и она понеслась вперед по щиколотку в воде, подняв юбки, подспудно удивляясь, как угораздило ни разу не поскользнуться. Пока она бежала вперед, давление под ребрами становилось возможным переносить, но стоило остановиться, на мгновение подумать куда направится, как дыхание перехватывало, а сердце стучало тревожным молоточком.

После ручейка она вскарабкалась вверх по крутому берегу. Тут лес был пореже, между деревьями росла высокая трава с лиловыми вкраплениями рослого чертополоха. Чармейн оглянулась, отпустив юбки, и тут поняла, что гложущее под ложечкой чувство рассеялось.

В ветвях деревьев чирикали птицы, перистые облака плыли по небу. Стрекотали непотревоженные кузнечики, колыхались головки чертополоха.

В чем дело? Почему ее привели именно на эту поляну?

Чармейн пригляделась. Качание фиолетовых головок было слишком размеренным. К тому же, прислушавшись, она различила шорох, будто нечто большое и тяжелое ползло среди травы. Ее передернуло от звука сминаемых стеблей, будто в нем было что-то отвратительное.

Послышался короткий стон. Чармейн невольно отступила назад к ручью. Ползущее существо направлялось прямо к ней.

Опять приглушенное оханье и трава резко покачнулась. Чармейн прикусила губу, сжала в руке покрепче лопатку и решительно направилась в сторону шорохов.

По поляне полз Дэмиен. Волосы сбились в колтуны, руки и лицо исцарапаны, а левая лодыжка вывернута под неестественным углом. Чармейн охнула и опустилась рядом с ним на колени. Увидев ее, Дэмиен перевернулся на спину и замер, тяжело дыша.

— Чармейн, ты...

— Ох, Дэм...

— Я думал, не доползу домой.

Она бросила взгляд на длинную колею, оставленную Дэмиеном, теряющуюся между деревьев, и сглотнула ком в горле. Погладила по мужу по взъерошенным волосам, наклонилась поцеловать в мягкие губы. Оттерла лицо от грязи и крови, осторожно промокая платком вокруг глубоких царапин. Дэмиен положил ей руку на колени и расслабил плечи.

— Что случилось?

— Упал с дерева. Возвратил птенца в гнездо и поскользнулся.

Чармейн бросила быстрый взгляд на опухшую лодыжку. Не все Хозяин леса может предусмотреть. От несчастий никто не застрахован.

— Дэмиен, нам нужно как-то добраться домой...

— Подожди, сейчас отдохну немного и продолжу.

— Тебе нужно встать и опереться о меня, как о костыли.

— Нет, Чармейн. Ты в тягости, тебе нельзя нести вес взрослого мужчины.

Чармейн хмыкнула, она наоборот, чувствовала себя сильной и ловкой как никогда. А если станет слишком тяжело всегда можно отдохнуть. Медлить опасно, она читала в книгах, что в первые часы после ранения воин не обращает внимания на раны, а потом боль настигает и ударяет сторицей.

Идти рядом и наблюдать, как Дэмиен выставляет локти вперед, а потом, кривясь, подтягивает тело было выше ее сил. Чармейн просила помочь, приводила доводы, показывала, как легко поднимает тяжелые камни, но Дэмиен был непреклонен, и позволил ей всего лишь забрать котомку.

— И где фейри, когда они нужны, — пробормотала Чармейн так, чтобы Дэмиен не услышал.

Они сделали привал, облокотившись на толстый ствол дерева. Дэмиен побледнел и часто дышал. Видимо, боль усилилась. Чармейн прикусив губу изучала предстоящий путь. Ровная часть леса закончилась — впереди кочки

и ямы, заросшие колючим кустарником.

Чармейн раздраженно сжала зубы — Дэмиен не сможет преодолеть ползком неровную местность. Только повредит ногу еще больше и они застрянут на ночь под открытым небом, наедине с адской болью.

Она всегда старалась поступать в угоду мужу и вопреки собственным желаниям, замаливая грехи. Но не сегодня. С не хватит мужского упрямства.

Чармейн подошла к Дэмену, обхватила за талию, подставив плечо, и одним рывком поставила мужа на ноги. Вот! Ей совсем не тяжело. Дэмиен удивился, посмотрев на нее затуманенным взглядом, но Чармейн не дала ему одуматься и зашагала вперед, взвалив его вес на себя.

Дэмиен не мог наступать на сломанную лодыжку, поэтому опирался на Чармейн всем телом и прыгал вперед. Она с легкостью служила костылем, удивляясь собственной силе.

Они продвигались вперед довольно быстро. Дэмиен пришел в себя и старался как можно меньше наваливаться на Чармейн, но той нравилось чувство собственной силы и грела мысль, что сумела помочь мужу в беде.

До хижины добрались засветло. Дэмиен присел на лавку и вытянул ногу вперед, облегченно вздохнув. Лодыжка вся распухла и приобрела нездоровый красный цвет с оттенком сизого подле стопы. Чармейн не могла не нее смотреть без содрогания.

— Что делать? — спросила она после как только Дэмиен удобно устроился.

— Принеси две палки покрепче вот такой длинны, — Дэмиен развел руки на ширину плеч, — и длинную ткань.

Чармейн выбежала наружу, обернулась по сторонам, в поисках подходящей ровной ветки. Топор лежал подле колоды для колки дров, Чармейн взвесила его на руке, раздумывая, можно ли срубить живую ветку для такого случая — обычно они разжигали печку валежником.

И тут она заметил движение за изгородью огорода. Прямо из чернозема тянулся к верху зеленый росток. Он набирал рост, расправляя зеленые листья на стройном стволе. Обогнал картофельную ботву за считанные мгновения и продолжил возвышаться. Чармейн подошла поближе, рассмотреть маленькое чудо. Новое деревце, вернее крепкая высокая палка с торчащими зелеными листьями стремительно набирала рост. Чармейн догадалась, что оно специально предназначено для Дэмиена.

И тут ее вновь кольнуло огоньком под ребра, направляя вперед к деревцу. К тому времени оно доросло до пояса и таким застыло. Чармейн дотронулась — обычные молодые побеги гибки, прогибаются под рукой, а

это стояло намертво, будто в землю вбили железный кол.

Чармейн почувствовала, как огонек под ребрами потек кверху, грея грудину, и когда добрался до головы, к ней пришло смутное ощущение, что из листков хорошо бы сделать отвар, а ствол отлично подойдет под запросы Дэмиена.

Так и поступила. Направила топор к основанию дерева и принялась за работу. Ей пришлось попотеть — удар снимал лишь тонкую стружку. Но наконец ей удалось сломить сопротивление палки и отнести в дом.

Она зашла, победно потрясая добычей и Дэмиен одобрительно кивнул. Под длинную ткань, примотать палки к стопе, Чармейн отдала свой шарф — он был длинный и узкий из плотной ткани нежно-розового цвета. Такой особо хорошо сочетался с парадным зеленым платьем и Чармейн частенько носила его по праздникам.

— А теперь, милая, тебе придется тянуть, пока не услышишь хруст. Это значит, кости стали на место.

Чармейн поморщилась.

— Нет, сначала отвар, он расслабит мысли и заглушит боль.

Она сама не знала, откуда это взяла, но Дэмиен принял ее слова на веру. Чармейн споро разожгла очаг и повесила котелок. Оборвала узкие и длинные листики на палке, жесткие на ощупь. Решила, что для лучшего эффекта их хорошо бы сначала растолочь в ступе. Ей нравилось колдовать: для этого следовало прислушиваться к себе, а не отметать лишние мысли как выводок мышат.

По дому поплыл запах резкий запах хвои и полыни от раздавленной кашицы. Чармейн вылила ее в теплую воду и принялась ждать.

Чтобы вытянуть ногу Дэмиена тоже требовалась длинная тряпица. Дэмиен показал как завязать лодыжку петлей, чтобы с дух концов свисали полоски ткани, за который следовало держаться. За время лесничества научился разным хитрым узелкам — лодыжка покоилась в плотно сплетенном коконе. Дэмиен устроился у самого края лавки напротив двери и уперся руками, поджидая Чармейн.

Чармейн налила зеленый отвар в чашку, подула, отгоняя пар. Подумала немного и смешала с холодной водой — нет смысла ждать пока остынет, Дэмиен и так настрадался.

Он послушно выпил все до дна, а Чармейн заняла свое место. Вытерла вспотевшие ладони о юбку и приказала себе сосредоточиться.

— Что делать? — спросила она.

— Тяни пока не услышишь хруст. Потом привяжешь конец ткани к ручке двери и приладишь палки.

Чармейн вздрогнула при слове «хруст» и чуть не свалилась оземь от приступа слабости и тошноты. Еще раз вытерла влажные руки, выпила воды и встала напротив Дэмиена, пытаясь побороть головокружение.

«Ему хуже, нельзя показывать слабость».

Чармейн крепко ухватилась за концы тряпки и, выдохнув, приказала Дэмиену держаться. Тянула медленно, сперва почувствовать натяжение, ткани, потом постепенно все сильнее без всякого результата. Чармейн подалась назад всем телом, стараясь не думать о боли, которую причиняет мужу. Сизо-красная лодыжка и напряженное лицо Дэмиена, вот все, что осталось в мире, остальное расплылось в размытую картинку. Чармейн сжав зубы тянула, пока концы ткани не дернулись, лодыжка скрипнула и с противным скрежетом щелкнула становясь на место. Дэмиен вскрикнул как раненный медведь и его крик полоснул Чармейн по сердцу.

— Не ослабляй! — крикнул он. — Привяжи к двери.

У Чармейн дрожали руки и она все никак не могла сообразить как туго затянуть узел. Наконец справилась и, покачиваясь от слабости, пошла принести подаренную Хозяином леса палку.

— К-как ты? — спросила она присаживаясь подле ноги Дэмиена.

Он еще полусидел, вцепившись в лавку, но на лице читалось облегчение.

— Лучше, Чармейн. Боль отпустила.

Примотать две палки к распухшей ноге оказалось нелегкой работой. Пальцы не слушались, шарф скользил и Чармейн пришлось попотеть пока нога Дэмиена не стала напоминать розовый кокон с торчащими распухшими пальцами.

Чармейн отвязала ногу от двери. Обернула лодыжку еще несколько раз и закрепила. В голове шумело, она легла под бок к Дэмиену, благо широкая лавка позволяла. Он обнял ее одной рукой и затих. Чармейн прислушалась к его мерному дыханию и поняла, что муж заснул. Хороший отвар получился из листьев странного деревца.

А сама она спать не могла. Причины держать себя в руках больше не было и Чармейн расплакалась от ощущения ужаса и безысходности. Только сейчас она начала осмысливать происшедшее.

Дэмиен не сможет ходить. В ближайшие недели точно, а потом воля всевышнего на то, сможет ли он хромать или останется с изуродованной конечностью. И думать о том, как сложится жизнь совершенно не хочется. Ей не выстоять одной в противостоянии за ребенка против фейри.

Показать Дэмиена врачу в Вирхольме? Но как он туда доберется сам? Чармейн ведь не выпускает сам Хозяин леса...

Вирхольм... Нужно сообщить им как-нибудь о происшедшем, пусть выберут нового лесничего. Лес требует постоянного ухода, он не будет ждать Дэмиена. Чармейн похолодела от внезапной мысли, что к ним в хижину подселится третий.

А потом, пресекая мелькание картинок мрачного будущего, Чармейн решила, что ей надоело зависеть от решений других. Хватит плыть безвольным листком по бурному ручью. Дэмиен сломал ногу это правда. Ему будет и больно и тяжело. Но ведь она сама здорова, и, кажется, научилась слышать голос леса. Чармейн сама встанет на место мужа, попробует заменить его в лесничестве на ближайший месяц. Все равно другого выбора у нее нет.

И приняв это решение она спокойно вздохнула, и, освобожденная, ухнула в объятия сна.

Глава 6

Глава 6

Чармейн проснулась от резкой боли под ребрами. Дэмиен крепко спал на спине, подтянув здоровую ногу, с прямой, отставленной в сторону больной. Его лицо было спокойным, хотя под глазами залегли тени. Пусть спит, в Вирхольме говорили, что сон лечит все хвори.

Солнце стояло довольно высоко, да и маленький брауни уже успел натаскать воды в кувшин. Чармейн с удовольствием умылась, стараясь двигаться бесшумно. Вычистила котелок с лекарством, навела порядок в доме и начала подумывать, не разжечь ли вновь очаг, чтобы сварить горячий отвар для Дэмиена, как вдруг укол под ребрами повторился, на сей раз болезненней и настойчивей.

Чармейн потеряла бок и уловила уголком глаз, как Дэмиен зашевелился и повторил ее жест — подняв руку к ребрам, поморщился во сне.

Она тут же поняла, что происходит, бросила огниво и, подхватив юбки, стремглав выбежала из хижины.

Как она это делала в прошлый раз? Нужно прислушаться, куда сердце тянет, и бежать, пока вновь не засосет под ложечкой. А если огонек притихнет, то — Чармейн будто вспомнила что-то давно известное и забытое, как детская песенка — можно обнять ствол дерева, и направление само собой обретет форму.

Вперед! Пока Дэмиен не проснулся и не понял, что ему не успеть на задание. Передать бы ему весточку, что у них есть шанс выполнить договор с Хозяином леса, но, почуяв приказ, Чармейн ни о чем не думала. А сейчас сердце так отчаянно колотилось от страха и напряжения, и мысли непрощено сами лезли в голову. Откуда она взяла, что справится? Чармейн в лесничие никто не назначал.

Ноги принесли ее к каменистому ручью у подножья крутого утеса. Не конечное назначение, поняла она шестым чувством, но ей понадобится предмет, находящийся тут. Медлить нельзя, но как найти то, о чем она имела самое смутное представление, Чармейн тоже не знала. Душным облаком накрыло ощущение близкого провала.

Чармейн обняла дерево, закрыла глаза, сосредоточилась и почувствовала, как холодный ветерок мазнул по ногам. Значит, следует зайти прямо в ручей. Чармейн оставила кожаные сапожки на берегу и,

заткнув юбки за пояс, вступила в воду.

До чего же ледяная! Белые камни, не заросшие илом под стремительным течением, колются острыми краями. Чармейн наклонилась, принялась ворочать камни и искать неизвестный, но нужный предмет под ними.

Ее толкнули сзади. Да так, что Чармейн потеряла равновесие и шлепнулась в воду, подняв тучу брызг. Острый камень впился в икру, Чармейн взвизгнула от боли, разворачиваясь, готовая встретить опасность лицом к лицу.

Ее накрыла волна ледяных брызг, за шумом плеска послышался смех, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков. Ну конечно же! Чармейн забралась в ее владения, как феяри могла не шалить? Кувшинка довольно хихикала, наблюдая, как Чармейн неуклюже пытается подняться на ноги.

— Вовсе не смешно, я могла неудачно упасть на острые камни.

Кувшинка внезапно оказалась совсем близко за спиной и обняла Чармейн за плечи, показывая, что в таком случае поймала бы, оградив от опасности. Чармейн обернулась через плечо и увидела, что зеленые глаза эльфийки просительно распахнулись, лучась смешинкой. Чармейн не удержалась и дотронулась до чешуек на плече Кувшинки. Они были гладкие и теплые, с острыми краями.

И тут Чармейн ощутила как изящные мокрые ладошки заскользили по ее телу и накрыли живот. Чармейн резко вырвалась из объятий феяри и загородила живот своими руками.

— Он мой, я его вам не отдам.

Но Кувшинка не думала угрожать. Она запрокинула голову и захохотала своим хрустальным смехом, передразнивая Чармейн, схватилась руками за живот. Но Чармейн не было весело, она разом вспомнила, что Кувшинка может быть похожа на брата и ей доверять нельзя, хоть и очень хочется.

Она осторожно отступила назад, но почувствовала, что ступня наткнулась на острый край. Чармейн наклонилась и выхватила из воды плоский осколок светлого камня с зазубренным краем. Именно то, что искала. Остаться больше нельзя, скорее вперед, туда, куда вновь указывает огонек под ребрами.

Чармейн вскарабкалась на склон. Лес тут был погуще, с обширным кустарником, сквозь который следовало пробираться со всей возможной скоростью. Чармейн пропустила юбку между ног и завязала у пояса, чтобы не мешала ползти сквозь заросли можжевельника. Сапоги тоже связала шнурками и прикрепила к котомке, не было времени высушить ноги и

надеть их как следует. Цель совсем близко.

Впереди скулило от боли неизвестное животное, то воя на высокой ноте, то скатываясь в жалостливое тьяканье. Чармейн рванула вперед напрямик через ветки. Рукав порвался, зацепившись за торчащий сук, но она не обратила внимания, наконец увидев перед собой свое первое задание.

Поперек поляны, в ворохе желтых игл и трухи, лежала старая, изъеденная жучками сосна. Высохшие корни вздымались из ямы чернозема, обломанные ветки усеивали поляну, а за стволом кто-то выл и тьякал, мелькая рыжей шкурой. Чармейн наклонилась вперед, заглянула за ствол и увидела крупную лису, скребущую передними лапами, стараясь безуспешно освободить задние из под поваленного дерева.

Лиса совсем ошалела от боли и несвободы и на подошедшую Чармейн ощерилась и утробно заворчала.

— Тише, тише, я пришла тебе помочь, — прошептала Чармейн протянув ладонь вперед в успокаивающем жесте.

Пасть полная острых зубов клацнула в волосе от пальцев. Чармейн одернула руку и отступила на безопасное расстояние. Как же освободить лису, ведь именно это требует от нее Хозяин леса? Чармейн уперлась ногами в землю, спиной в дерево и принялась толкать ствол, но ее силенок не хватало, а лиса бесновалась рядом, мешая сосредоточиться.

— Глупое животное, — досадливо прошептала Чармейн.

Этот ствол не под силу сдвинуть и десяти богатырям, не то что беременной девушке, пусть и наделенной особой силой. Лиса устала, положила голову на передние лапы и жалостливо заскулила. Чармейн прикусила губу. Медлить нельзя, рыжую необходимо достать. Дэмиен всегда выходит из дому с котомкой полной инструментов, а она выбежала, ни о чем не подумав, и теперь приходится локти кусать.

Она попыталась сдвинуть ствол, потянув со стороны кроны. Безрезультатно. Просунула толстую ветвь между корой и землей — впустую. А лиса недоброжелательно наблюдала за Чармейн, скуля на одной ноте.

Погода портилась, задул пронзительный ветер и солнце застили темные бока туч. В Вирхольме будет сегодня гроза и погибнет урожай. Или рухнет пара сараев. Как Хозяин леса решит с наказанием.

Нет! Чармейн еще не сдалась, не бросила лису подышать от голода. Сдвинуть сосну невозможно, но откопать задние ноги ей под силу!

Чармейн достала из широкого кармана фартука плоский камень с зазубренным краем, подобранный в реке. Она совсем забыла о нем!

— Тише, тише, — Чармейн потихоньку подбиралась к лисе.

Та предупреждающе взвизгнула и вздыбила загрявок. Чармейн запела тихую мелодию, медленно приближаясь. И в последнюю минуту сумела отскочить и избежать встречи с острыми зубами.

— Чтоб тебя!

С неба начала литься противная морось. Лиса дрожала и клала зубы. Чармейн поежилась, утерла выступившие слезы и прошептала про себя:

— Вы еще увидите!

Затем оторвала несколько полос от юбки, завязала на левой руке в несколько слоев. Острый камень взяла в правую руку.

— На! Кусайся, раз невмочь!

Чармейн сунула обмотанную руку прямо в морду лисе, и та вцепилась как бешеная, разом прокусывая острыми клыками все пять слоев. Чармейн стиснула зубы, выругалась и принялась с остервенением копать, корчась от боли.

Через несколько минут задние ноги рыжей оказались на свободе. Лиса, разжала челюсти и поползла в кусты, проворно перебирая передними. Чармейн рванулась вслед за нею, но поняла, что свое дело она выполнила, с этого момента о животном позаботится Хозяин.

По дороге домой рука занемела и нестерпимо ныла. Из прокушенного запястья сочилась кровь. Чармейн шла, баюкая больную руку, грязная с ног до головы, в порванном платье — Дэмиен возвращался в очень похожем виде после рабочего дня в лесу.

И все же она улыбалась солнцу, нежила лицо в косых лучах, упиваясь собственной победой. Лиса спасена, а то, что Чармейн смалодушничала и пару раз подумывала все бросить и сбежать за завесу, никто не узнает.

Когда она вышла из леса, то увидела Дэмиена на пороге дома. Он тренировался ходьбе на костылях. Упираясь двумя палками в землю, прыгал на здоровой ноге, размахивая больной, с выражением упрямства на лице. Получалось совсем неплохо, с каждым прыжком он продвигался на два шага вперед. И палки были особые — ветки крепко обнимали локоть, а толстый сук удобно ложился в ладонь.

Чармейн замерла с открытым ртом. Как он сумеет встать на следующий день после перелома? Откуда взял костыли? По лбу мужа стекал пот, а мышцы рельефно выступали под тонкой рубашкой при каждом броске вперед. Его сила воли, выдержка, умение превозмочь себя — все это вызывало уважение, растекалось плавленным золотом в груди.

— Дэмиен!

Он поднял голову, увидел Чармейн, и лицо Дэмиена засветилось. Как чудесно возвращаться к человеку, который так на тебя смотрит!

— Что с твоей рукой?

Чармейн рассказала о лисе, Дэмиен внимательно слушал, поглаживая бороду, опираясь одной рукой на костыль. Второй костыль держался на локте двумя крепко сплетенными ветками.

Когда она закончила рассказ, он обнял жену и крепко прижал к себе.

— Белочка, я о тебе беспокоился.

— Мы с тобою два калеки, — усмехнулась Чармейн.

— Рана быстро заживет, ты увидишь.

— Как твоя нога?

Они зашли в дом, и Дэмиен показал на повязку, вытянув ногу:

— Посмотри, что случилось за ночь.

Чармейн наклонилась и разглядела, что вчерашняя странная палка выпустила множество усиков, которые плотно окутали ногу и заключили лодыжку в плотный футляр. Она пробежалась пальцами — тонкие веточки на ощупь были твердыми как железо.

Теперь Дэмиен усадил жену и аккуратно отрезал порванный рукав. Чармейн отвернулась, чтобы не смотреть на прокушенную руку. Дэмиен достал несколько баночек, принес котелок с водой — все это с двумя костылями, прыгая на одной ноге! Чармейн вызывалась ему помочь, но он осадил жену.

Она откинулась назад и наблюдала за ним из под прикрытых глаз. Дэмиен уселся напротив, вытянул сломанную ногу. Аккуратно промыл рану легкими касаниями. Чармейн смотрела на его лицо — сосредоточенное, с нахмуренными бровями. Дэмиен не хвалился своими достижениями, не просил награды, но его тихим мужеством можно только восхищаться. Он вполне мог лежать в постели и ждать заботы Чармейн. Нужно сделать зарубку на памяти, никогда не принимать любовь Дэмиена как данность.

Муж закончил промывать рану. Отложил в сторону плошку с водой и тряпкой и достал следующую с лекарствами и чистыми бинтами. Но почему-то медлил. Закрыв глаза и занес свои ладони над укусом, да так и замер.

— У тебя жар идет из рук!

— Ты чувствуешь? — Дэмиен удивленно открыл глаза. — Хотя, ты уже сама наполовину лесничая...

Чармейн схватила здоровой рукой ладонь мужа. Обычная мозолистая ладонь, ничуть не горячая. Зато раны перестало саднить и сукровица уже

не сочилась, застыв прозрачной каплей.

— Ты колдуешь? Дэмиен, да ты маг!

Чармейн отлично знала, что лес волшебный, да и феири могут по своему желанию колдовать — менять личину или управлять природой. Но то волшебство было частью неизведанного, а Дэмиен был таким же человеком, как она сама, разве что мог слышать задания. До этой минуты она и не подозревала в нем способность к магии.

И опять ее поразила скромность мужа. Другой бы на его месте давно красовался особой силой, а он заметно смутился под ее восторженным взглядом.

— Что еще ты умеешь? — спросила она, и тут же появилось ощущение неправильности вопроса.

Дэмиен отрицательно покачал головой, подтверждая неясное чувство. Вот еще одна загадка, ответ на которую ей придется найти самой.

Рука зажила уже на следующий день, и новое задание не заставило себя ждать. Только на сей раз Чармейн была вооружена котомкой с инструментами да ценными советами мужа. И работа оказалась по плечам — всего лишь обрушилась заячья нора. Чармейн без труда разгрела завал лопатой, а вот если бы пришла с пустыми руками, пришлось бы основательно повозиться.

Дэмиен уже неплохо передвигался с одной ногой и обещал, что через месяц будет полностью здоров. Все-таки в лесу сплошь и рядом происходят чудеса, только следует глаза и сердце держать открытыми.

Но Чармейн уже скучала по дому. Быть беременной и не ходить животом вперед с гордым видом по улицам Вирхольма? И чтобы все останавливали, спрашивали о самочувствии или говорили комплименты, старательно пряча завистливые взгляды... Это словно надеть новое с иголочки бальное платье и кружиться в нем по своей комнате, а не на балу. Ах если бы она могла хоть один раз навеститься домой и быть замеченной родителями...

Они любили ее, наверное, по своему. Чармейн всегда ощущала себя невидимкой на фоне старшего брата. Так получилось, что он оттягивал все внимание родителей на себя — рос избалованным и требовательным. Всего добивался истериками, каждый раз прося чуточку больше. Чармейн, в отличие от него, растили в строгости, да она и не смела соперничать с братом, тот мог потом втихую отвесить крепкую оплеуху, так, что

пожалеешь о дерзости. Все знали, что рано или поздно он плохо кончит, только самому Юстасу было невдомек. Он использовал вседозволенность как только мог, надеясь на защиту отца.

Когда Чармейн было четырнадцать, по городу поплыли слухи о некрасивой истории Юстаса с дочерью мельника, а затем в лесу затрубил рог, и при свете луны из волшебного леса выехала кавалькада фейри на конях. Дикая охота.

Вирхольмские запирали ставни и двери, прятались далеко в спальни, чтобы не слышать цокот копыт по мостовой. Закрылся в доме и мэр с семьей, только какой замок остановит колдовство?

Рог протрубил во второй раз прямо за окном, дверь упала внутрь, будто железный косяк растворился в воздухе. Через открывшийся проем в комнату хлынула свора белых поджарых собак. На пороге стоял темный силуэт в короне, с прозрачными стрекозиными крыльями за спиной. Чармейн не видела его лица, но всегда думала в глубине души, что Юстаса забрал сам Тейл.

Тогда и началась дикая охота. Брата погнали как дичь по улицам Вирхольма. Собаки кусали его за ноги и подгоняли бежать быстрее. За ними цепью ступала кавалькада фейри, возглавляемая эльфийским королем. Отец и матушка поначалу бежали за ними, надеялись вымолить прощение своей верной службой, броситься под ноги королю. Да тонконогие кони мчались прямо сквозь них, овевая холодным касанием. Дикая охота не щадит.

Юстаса выгнали за завесу, и с тех пор от него не было ни одной весточки.

Чармейн осталась у родителей одна. Ей тогда было четырнадцать лет, она была испугана и потеряна, она тянулась за лаской, но отец с матерью, вместо того чтобы поддержать дочь, ушли в собственное горе. Потеря Юстаса оставила в семье глубокий и незаживающий шрам.

Кто знает, может поэтому лесному прелестнику было так легко приручить Чармейн? Стоило лишь пальцем приманить, и она легла у его ног. Да, Чармейн чувствовала себя предательницей по отношению к брату, это тоже часть запутанного клубка, в который по незнанию втянулся Дэмиен.

Если бы родители узнали о том, что она носит ребенка не от лесничего, а от фейри... Отец бывает в гневе жесток без меры, и тогда берегись, Чармейн! А мать будет стоять в стороне, сложив руки на переднике с недобрый взглядом, полным презрения... Хотя... В такие минуты, когда она представляла себя дрожащей тварью перед злостью

родителей, она напоминала себе, что даже если сам Тейл был во главе дикой охоты, он всего лишь изгнал Юстаса, а не убил.

Дни сменяли друг друга, Чармейн наловчилась худо бедно справляться с заданиями. Она бы не справилась без Дэмиена — он показал ей, как узнавать у деревьев правильную дорогу по покачиванию ветвей. Он напел ей песню, успокаивающую всякую тварь. Если бы она знала ее в тот первый раз с плененной лисой, то не пришлось бы отведать острых зубов. Кстати, лиса-инвалид как то раз попалась Чармейн. Он скакала на трех лапах и нисколько не испытывала благодарности к лесничей. Наоборот, ощерилась и визгливо тявкнула.

— Ну и скандальная ты баба, — хмыкнула Чармейн и запела тягучие ноты волшебного напева, две ноты высоко, потом ниже и ниже, затянуть одну, пока не кончится дыхание, и опять наверх. Лиса прятала ушами прислушиваясь, но стоило Чармейн сделать неверное движение, как та, подобно упрямой козе, сиганула в кусты.

— Чтоб тебя!

В тот вечер она спросила мужа:

— А что, если мне попробовать опять сходить в Вирхольм? Может, на сей раз Хозяин леса меня отпустит?

Дэмиен улыбнулся и заправил ей вольную прядь волос в прическу.

— Попробовать стоит. Только уши прикрой.

Чармейн мигом дотронулась до ушей и с удивлением обнаружила, что они покрылись густой мягкой шерстью. Прикусив губу, она напряженно размышляла, во что бы поглядеться. На дворе темно, пруд отражения не покажет. Ах, вот! Дэмиен принес из Вирхольма бархатную шкатулку со встроенным зеркальцем. Чармейн ее засунула тогда на самую верхнюю полку, и теперь пришлось потрудиться, пока достала.

Так и есть. Уши поросли рыжей шерстью. Не очень заметно, потому что черные волосы Чармейн теперь стали светлее, с медовыми прядями. Если закрыть уши распущенными волосами и понадеяться на то, что никто приглядываться не будет, то сойдет.

— Дэмиен! Ты когда заметил?

— А почему, думаешь, я стал тебя белочкой звать? Посмотри на себя — такая же изящная, с неумемной энергией и волосатыми ушами.

Чармейн недовольно пихнула мужа, а потом заглянула снизу в глаза.

— Это из-за ребенка, правда? Я становлюсь совсем лесной.

— Я всегда мечтал стать лесным, — сказал Дэмиен и поцеловал ее в нос.

Чармейн шла к Вирхольму, и дорога была совсем другой. Трава стлалась под ноги, птицы пели, и дул легкий ветерок. Она научилась узнавать дорогу по деревьям, поэтому то и дело останавливалась, обняв кору и задрал голову. Ветви покачивались в нужном направлении, также приветствуя лесничую. Чармейн несла на спине котомку с подарками — собственноручно вышитый платок для матери (и до этого руки дошли, слишком живо она помнила упреки в неумении), для отца кошель. Еще несла целебные травы — городским запрещено далеко заходить в лес, а на опушке не все растет. Она долго раздумывала над подарком для матери Дэмиена, перед ней Чармейн чувствовала себя особо виноватой. Наконец решила нарисовать портрет Дэмиена.

Когда-то Чармейн неплохо рисовала. Особенно гордилась собственным портретом на качелях, которым украсила свою комнату в доме родителей. Теперь она несла в котомке свернутый в трубочку холст с наброском. На нем Дэмиен, стоит посреди поляны, опираясь на посох. Его лицо спокойно, а глаза смотрят с нежностью. Дома она натянет холст на раму и раскрасит красками. Его матери должно понравиться.

За этими мыслями Чармейн не заметила, что лес расступился, уступил травяному разнотравью. Плодородные поля находились севернее Вирхольма, а тут была ничейная земля, раздолье для детворы. Чармейн частенько пропадала в поле целыми днями с ватагой друзей. Играли в догонялки, в дикую охоту, в “вытолкни за завесу”. Но сейчас солнце припекало, а на тропинке Чармейн была совершенно одна.

Вирхольм! Интересно, как он ее встретит?

Ее заприметили еще издалека, выбежали встречать целой толпой. Чармейн дергали за рукава, теребили, улыбались, обнимали и бесперебойно закидывали вопросами. Отчего ее так долго не было, почему пришла одна, где Дэмиен, как ей живется в лесу?

Чармейн ответила, глубоко вздохнув, что о лесе говорить запрещено. Рассказала, как Дэмиен сломал ногу, — тут пронесся беспокойный вздох, затем тревожное молчание.

Чармейн обвела глазами за мгновение поскучевшую толпу. Каждый вспомнил тот голодный год, когда Дэмиен что-то сделал не так в лесу и урожай пропал. К тому же, все знали, что Хозяин леса не слишком доволен

лесничим Ахтхольма, и тем приходится намного труднее.

Чармейн, как раскаленный свинец в ледяную воду, бросила фразу о том, что сама заменяла Дэмиена в последние недели. Молчание разорвалось резким выпадом высокого парня с насупленными бровями: «Врешь!». Чармейн узнала в нем одного из бывших ухажеров. Она ничего не ответила, лишь гордо подняла подбородок, и на него шикнули соседи, утихомиривая наглеца.

Дэмиена боялись, его сторонились, а Чармейн, хоть и отличилась странностями перед свадьбой с лесничим, но была своей. Теперь все колебались, можно ли ее поставить на место или не стоит.

Чармейн вышла из леса не в шкурах, а в парадном зеленом платье, словно обычная городская модница. Разве можно ожидать от молодой девушки особых подвигов?

— Вы что не видите, что на ней печать леса? — вдруг раздался звонкий голос из-за спины толпы. — Наша Чармейн была черноглаза и черноволоса, а теперь стала медовой.

Чармейн повернулась в сторону голоса и увидела говорящую. Черноволосая девушка, закутанная в шаль до пола. Стоит слишком ровно, словно пытается осанкой перекрыть неуверенность.

Это была Милисент, та самая дочь мельника, с которой у Юстаса случилась некрасивая история. Чармейн в первый раз взглянула ей в глаза с того самого дня. Она знала, что отец ходил к мельнику, чтобы вручить компенсацию, а потом по Вирхольму пошли слухи, что Милисент сама виновата, что заманила Юстаса, а мальчик не смог сдержаться.

Чармейн сглотнула ком в горле, обнаружив, как сильно история дочери мельника похожа на то, что случилось с ней самой. Неужели Тейл решил показать сестре Юстаса, каково это быть изнасилованной? Нет, наказывать ее за грехи брата подло, фейри грешны многим, но не этим...

Мысль додумать не дали. Чармейн услышала нарастающий шепоток, увидела, как старая лавочница взяла прядь ее волос и перебирает между пальцами, пробуя на ощупь. Чармейн возмущенно отодвинулась назад.

— Хватит!

И лавочница почтительно отступила. Вокруг Чармейн возникла пустая полоса. Теперь люди смотрели на нее по другому: почтительно и с благодарностью. Чармейн привыкла к таким взглядам, она долго была первой красавицей Вирхольма, умела притянуть внимание. Хотя то восхищение совсем не грело. Уходило впустую, и на следующий день требовалась новая порция. А теперь восторг толпы ощущался по другому. Чармейн сама гордилась своим лесничеством, а признание городских

растекалось по сердцу горячим медом.

Она шла домой впереди толпы. Котомку забрал пунцовый бывший ухажер, стараясь загладить вину. Смотрел просительно, и Чармейн, против обыкновения, приветливо кивнула ему, отпуская вину. Раньше она попыталась бы его крепче привязать в свою свиту, а теперь поняла, где пустое, а где настоящее.

Отец шел ей навстречу со стороны мэрии с протянутыми вперед руками, в красном плаще с золотыми крыльями на спине. Как король из сказки. Чармейн опустилась перед ним в реверансе, а он поцеловал ее в лоб.

— Добро пожаловать домой, дочь моя!

Он повернулся к жителям города и поднял вверх руку Чармейн в триумфальном жесте. Их встретил грохот аплодисментов, и тогда он ловким жестом фокусника провел по животу Чармейн, прижимая свободные складки платья к телу.

— Поздравьте ее, Чармейн будет матерью!

Городские дружно взревели от восторга, а Чармейн дернулась как от пощечины и улыбнулась через силу.

Что с ней, не сама ли мечтала об этом самом совсем недавно? Почему от уважения за лесничество ей сладко на душе, а от восторгов о беременности муторно, будто кто-то под платье заглянул?

Отец повел ее под руку в сторону дома. Ухажер, натужно пыхтя, семенил позади с котомкой. У дома отец повернулся к городским, сжав плечо дочери, рассказал, как всю жизнь готовил ее быть примерной женой (Чармейн внутренне фыркнула), нарисовал в радужных красках светлое будущее, в котором ребенок Чармейн станет будущим лесничим (тут она помрачнела), и царственным жестом отпустил всех по домам.

Мать стояла у порога и смотрела на дочь горящими глазами.

— Ты и вправду беременна?

Отец сел в глубокое кресло, положив руки на подлокотники.

— Наконец и от нее будет польза. Что ты стоишь, Чармейн? Пришло время серьезно поговорить. Мать, принеси нам отвар на меду.

Чармейн присела на зеленый диванчик. Отец откинулся в кресле, скрестил пальцы, пристально рассматривая ее с головы до ног. Чармейн отвела глаза, мысленно приказывая себе не поправлять волосы и не касаться ушей. Не привлекать к ним внимания. Между тем отец вынес вердикт:

— Брак пошел тебе на пользу. К тебе вернулась былая красота и румянец. Мне сказали, Дэмиен сломал ногу?

Чармейн утвердительно хмыкнула и рассказала с потаенной гордостью о событиях последних недель. Отец кивал в нужных местах, выглядел довольным, и Чармейн оживилась.

Зашла мать, неся на руке поднос с дымящимися чашками. Присела рядом с Чармейн на диванчик, подала ей в руки отвар, затем предложила тарелку с пирожными в виде цветов и листьев. Она считалась мастерицей в выпечке сладостей, и Чармейн сразу выбрала себе розу с розовыми кремовыми лепестками и хрусткой корзиночкой.

Впилась в край, смакуя сладкий воздушный крем, вкус детства. На мгновение унеслась в те дни, когда можно было украсть с подноса пирожных и убежать в поля, вернуться только вечером, когда гнев родителей утихнет.

Отец странно смотрела на Чармейн, с ожиданием во взгляде. Та, чтобы спрятать неловкость, отпилапряного напитка с запахом мяты и лимонника.

— Ты уже встречала фейри? — спросил отец, нахмутив брови.

— Д-да, — залившись румянцем ответила Чармейн.

Он с матерью одобрительно переглянулись.

— И как они к тебе отнеслись?

Чармейн опустила глаза и поджала губы. Неужели родителям что-то известно?

— Никак, — пожала плечами Чармейн. — У них свои дела.

— И вы ни разу не разговаривали?

— М-м-м, несколько раз... Поприветствовали и разошлись разными путями.

— Не узнаю свою дочь. Неужели тебе не было интересно?

— Там много интересного.

Отец расстроено стукнул кулаком по подлокотнику. Чармейн вздрогнула.

— Чтобы этого больше не было! Тебе нужно как можно больше узнать о фейри, а еще лучше подружиться с ними.

Он встал, подошел к окну, задернул шторы, хоть за стеклами просматривался живописный сад, а не улица.

— Мы должны тебе что-то рассказать. Лучше, если ты увидишь своими глазами.

Мать подошла к секретеру, потянула на себя дверцу и достала с полочки с писчей бумагой свернутый вчетверо листок. Подошла к Чармейн и протянула вперед с таинственной улыбкой на лице.

Чармейн развернула письмо.

— Да это же почерк Юстаса!

Отец довольно кивнул, а Чармейн просмотрела письмо с нехорошим холодком в желудке. Читать пришлось два раза, строчки сливались и прыгали.

«Дорогие отец и матушка,

Все мои чаяния вкладываю в это письмо в надежде, что оно попадет вам в руки. Четыре года скитался я по миру за гранью, пока нашел заветную пещеру и смог спрятать листок в одну из корзин с ванилью, любимой нашей матушкой. Как бы я целовал сейчас ее руки и просил прощения за то, что не был примерным сыном. А тебе, отец, поклонился бы в пояс и поблагодарил за науку, которую ты старался вбить в мою голову. Жаль, что не ходил за тобой гуськом как утенок за матерью и не учился твоей премудрости.

Мир за гранью жесток и опасен. Никто не проявил сострадания к одинокому путнику, когда очнулся я в синяках и обносках. Я направился к ближайшим огонькам в окнах, но был встречен спущенными собаками. Тут они голодны и охочи до человеческой крови. Невзгоды и лишения приписывались моих грехам и считались достаточным основанием не протягивать руку помощи.

Люди тут закалывают и съедают животных, рубят лес без меры. Нет у них договора, ни по отношению друг к другу, ни к природе. Они свободны, и в свободе своей страшны и велики. Построили стальные дороги, по которым грохочут и пыhtят черные великаны, перенося людей в дальние страны со скоростью вдвое больше птичьего полета. Города их обширны, как сотня Вирхольмов вместе, и жители могут соседствовать, но не знать друг в друга в лицо.

И все же умом и смекалкой им далеко до нас. Не грусти, матушка, я смог добиться должного уважения и богатства, но никогда не оставлял надежды вернуться домой. Меня судили по злему навету, и пусть та, по чьему лживому слову я стал бесправным изгнанником, горит в аду!

Ныне мне жизненно необходимо вернуться за грань. Уповаю я на вас, отец и матушка, промедление может убить вашего сына. Потому что поразила меня неведомая болезнь, перед которой лекари за гранью бессильны. Травы из нашего волшебного леса способны излечить любую хворь. Мое тело покрыто язвами, ночью охватывает жар, но духом не сломлен.

Я пробовал вернуться самостоятельно через пещеру, но белокурый фейри бдит на страже и не двигает завесу, если учуял живое. Я видел его своими глазами на этой стороне в урочный час. Если эльфийского короля не станет, то я вымолю прощение у Хозяина леса и воссоединюсь с вами.

*С любовью,
Юстас»*

Мир за чертой! Что он видел там? Про людскую жестокость она слышала много раз, по договору вернувшиеся могли говорить только об этом, но огромные города, пыхтящие великаны, вот бы разузнать поподробнее!

Чармейн отставила письмо и задумалась. Письмо ей не понравилось, и на душе всплыла мутная ряска, но родителям этого ни в коем случае показывать нельзя. Она улыбнулась, увидела, как одобрительно кивнул отец и заплакала мать.

— Чармейн, солнышко! — сказала она и обняла дочь. — Он сможет вскоре вернуться к нам, все зависит от тебя.

Чармейн сжала зубы, кажется, она знает, в какую сторону будет клонить отец, она тоже умеет читать между строк.

Тот прохаживался по комнате, то и дело двигал мелочи на каминной полке, почесывал седую бородку. Мать Чармейн достала платочек и тихо прикладывала к глазам, поглядывая на мужа.

— Вот что. Я знаю твою ситуацию, тебе ни в коем случае нельзя идти против воли леса. Чармейн, послушай, — тут отец наклонился и поднял подбородок дочери указательным пальцем. — Прошу, держи глаза и уши раскрытыми. Любая информация может быть полезна. И не спеши... Юстас торопит нас, но скорей всего у тебя будет всего один шанс, и он должен стать успешным. Увы, в лесу слишком много неизвестного...

Чармейн прочистила горло:

— Кхм... К-какого?

— Сколько в нем фейри? Можно ли договориться с ними пропустить Юстаса обратно? А если нет, зависит ли все от эльфийского короля или его заменит другой? И Хозяин леса... Как задобрить его? До сей поры никто из ушедших не возвращался. Все зависит от тебя, девочка.

Отец выпрямился, потер переносицу, и Чармейн воспользовалась ситуацией, чтобы спросить:

— Когда вы получили это письмо?

— Что? А... Четыре месяца как. Пусть тебя это не смущает, Юстасу уже лучше, мы сумели передать ему лекарство. Он подождет...

Нет, Чармейн спрашивала, не беспокоясь за здоровье брата. Она подсчитала в уме сроки, и вышло, что письмо пришло как раз накануне замужества. А значит ее свадьба — тут сердце болезненно сжалось —

состоялась ради Юстаса, а не ради нее самой. Чармейн бы привыкнуть к пренебрежению родных, но видимо к таким вещам не привыкают.

— Я так и не поняла, что от меня требуется.

— Выясни, что сумеешь. И если надобно, воспользуйся вот этим.

Отец достал с каминной полки шкатулку, сестру-близнеца той, что прислал с Демиеном в прошлый приход. Щелкнул замком, поднял крышку из синего бархата. На блестящем сатине лежала странная трубочка — составленная из трех черных секций, с утолщениями в соединениях между ними. Будто нога переросток огромного паука.

— Что это?

Отец жестом указал достать трубку. Она оказалась полой внутри, гладкой на ощупь. Один из концов был отделан упругим материалом.

— Тебе никому нельзя говорить об этом, даже Дэмиену. Поняла, Чармейн? Само по себе это не оружие, поэтому договор не нарушает.

— Само по себе?! Что ты хочешь, чтобы я с ним сделала? Отец, не слишком ли далеко вы зашли?

Мать всплеснула руками и отвернулась. Отец набычившись, прикрикнул зычным голосом:

— Что ты себе позволяешь? Чармейн, детские игры кончились. Жизнь Юстаса в твоих руках. Если понадобится убить — убивай, если обмануть — лги. Но узнай, слышишь, любой ценой узнай, как ему вернуться назад!

Она отпросилась отдохнуть. В знакомой до последней мелочи комнате почти ничего не изменилось с момента отъезда. И думалось тут хорошо, на лавочке у окна. Он села и уставилась на улицу, совсем как четыре месяца назад до свадьбы с Демиеном. Тогда была ранняя весна, а теперь близилась осень.

Ах, как она хотела отомстить тогда белокурому прелестнику, что сначала был нежен и учтив, а затем заставил ее почувствовать себя ненужной вещью, совсем как родные. Вот и способ представился...

Отец совсем не знает ее. Пусть кричит и давит сколько угодно, но Чармейн хочется поступить вопреки его плану. Он требует разузнать? Она будет держаться от фейри подальше. Причинить им вред? Что ж, она не будет отказываться от способа защитить себя. Тем более что роль жертвы Чармейн отыграла до конца.

Только самого Юстаса жаль. Они никогда не были дружны, даже обычной братской привязанности между ними не было. И все же Чармейн

не могла с чистой совестью обречь Юстаса на жизнь вне завесы. А раз так, то придется поговорить с Милисент, выяснить все обстоятельства того давнего темного дела. И после разговора она решит судьбу брата раз и навсегда.

Родители больше не властны над ней. Никто не властен, даже Тейл, пусть и связал ее древним заклятием. Только Дэмиен, и он один может влиять на Чармейн, потому что его любовь пахнет свободой. Да еще нерожденный ребенок, но о нем Чармейн пока не думала как об отдельном живом существе. Он был ее частью, невидимой и неделимой.

Она больше никогда не будет сидеть в бездействии на этой скамье. Не будет искать в себе причины неблагоприятных поступков окружающих. Родители не оценили ее даров, но матери Дэмиена нужно принести не набросок углем, а полноценный портрет. Чем она сейчас и займется.

Спустя два часа она задумчиво разглядывала Дэмиена, а он смотрел на нее с полотна, нежно, но с потаенной грустинкой. Вживую Чармейн ту не замечала, а на портрете появилась в уголках глаз. Интересно, мать Дэмиена заметит или увидит одну лишь улыбку?

Чармейн решила не дожидаться, пока высохнут краски. Сняла рабочих фартук, аккуратно подхватила раму за задний край и спустилась по ступенькам тихо как мышка. Мельком увидела, как мать суетится на кухне, что-то напевая про себя. Чармейн проскочила мимо распахнутой двери. Даже сказать матери простое «до свидания» она не в состоянии. В горле комом стояла обида. Страшней всего ранят обманутые ожидания. Напрасно она спешила домой в надежде увидеть гордость и любовь родителей. Свадьба, ребенок... Жизнь Чармейн их не интересует, один лишь Юстас и его желание вернуться домой.

«Они действительно хотят убить Тейла? Хозяин леса радеет над каждой лисялой лисой, а уж фейри его любимцы, которым многое прощается. Юстас давно за завесой пожинает плоды своей жестокости. Тейл же изнасиловал меня посреди леса и ходит как павлин, будто ничего не произошло. Хотя преступление тоже самое.»

Чармейн вздрогнула, вспышкой увидев перед глазами, как пыталась вырваться и уползти, а руки Тейла ухватили за предплечье стальными щипцами, колено раздвинуло ноги и он вклинился в нее. Было больно, особенно когда он бросил в конце:

— Ты сама хотела, не притворяйся.

И бросил ее прямо на полу, как тряпичную куклу. Развернулся и ушел из хижины, чтобы в следующий раз встретить медовым голосом, будто так должно.

Нет, оружие в виде странной трубки нужно иметь при себе, пусть по договору оно запрещено в Вирхольме. Быть беспомощной перед грубой силой тоже должно быть запрещено. Если Чармейн когда-нибудь встретит Хозяина леса, она припомнит ему свою беспомощность.

С матерью Дэмиена Чармейн сдружилась моментально. Вот как перешла порог уютного белого домика с синей росписью, как увидела сухонькую женщину в чепце, так и не смогла сдержать улыбки. А та, увидев невестку всплеснула руками и раскрыла их в широкие объятия. Портрет взяла бережно, поставила на кухонном столе и встала напротив, трогательно сложив ладони на груди. Долго смотрела с дрожащими губами, а потом сказала Чармейн:

— Ты уж проследи за Дэмиеном, доченька. Вижу, не сладко ему приходится. Он еще совсем мальцом, бывало, упадет, рассечет коленку, но не плачет. Смотрит глазами, полными слез, и сдерживается, чтобы меня не расстроить. Поэтому лес и выбрал его, во всем Вирхольме не было сердца отзывчивей Дэмиена. Только, кто о нем самом подумает?

Тельма, мать Дэмиена, усадила Чармейн за стол, вытащила из буфета поднос с ягодным вареньем и бисквитами. Поставила на огонь чайник с отваром. Видимо почуяла в Чармейн неприкаянную душу, жадную до заботы.

Уселась напротив и расспрашивала долго и со вкусом о самочувствии, мечтала вслух о внуке или внучке, сияя от предвкушения. Чармейн приложила руку к низу живота, почувствовала оттуда теплую волну. Незаметно от Тельмы провела над бедром — ничего, а внизу живота опять будто жар поднялся и ласково пощекотал ладонь.

«У меня будет ребенок» — поняла Чармейн и в первый раз почувствовала радость.

Из белого домика она вышла совсем другой, умиротворенной. Шла по улицам, и все было так, как она мечтала — встречные оценивали живот, расспрашивали, бросали завистливые взгляды. Только почему Чармейн думала, что это доставит ей удовольствие? Наоборот, она хотела унести ноги от лишнего внимания. Защитить малыша.

Все, с нее достаточно. Визит окончен, и она может с полным правом вернуться в лес. К Демиену.

Как странно ссориться с родителями. Чармейн зашла домой, и мать спросила ее о самочувствии, как будто не было письма Юстаса и уродливой

трубки в бархатной шкатулке. Когда Чармейн заявила, что уходит, мать всплеснула руками и чуть не заплакала.

— Хоть бы уделила времени родным отцу с матерью. Неблагодарная!

Чармейн вздрогнула как от удара.

— Я для нее с утра от плиты не отхожу, а она даже до вечера не соблаговолит остаться. Мы четыре месяца не виделись! Неужто тебе так противен родительский дом?

— Хорошо, мама, я останусь.

— Не стоит делать мне одолжение. Иди, раз решила. Только сперва переговори с отцом.

Отец ждал ее в кабинете. Чармейн на мгновение задержалась в дверях, привести дыхание в порядок. Пусть голова отца была седа, но в развороте плеч все еще чувствовалась былая мощь. Вот и Юстас был таким же крупным мужчиной — огромным до потолка, со смоляными глазами и вечной ухмылкой.

— Садись, Чармейн, — сказал он не оборачиваясь, указывая на стул перед собой.

Чармейн подчинилась. Она смутно чувствовала себя виноватой.

— Ты подумала над нашим утренним разговором?

— Да, отец.

— И что же ты запомнила?

— Нужно узнать у фейри, как Юстасу вернуться домой.

— Хммм. В общих чертах правильно.

Отец в точности повторил утренние инструкции. Быть дружелюбной с фейри. Узнать все о пещере обмена. Постараться выторговать возвращение Юстаса. Оружие дано на крайний случай, Чармейн должна использовать его с умом.

После этого последовала подробная инструкция, как стрелять из трубки. Тренировались на шариках из мокрой бумаги. Дротики использовать по договору нельзя, даже в шутку. У нее будет всего один шанс.

— Если узнаешь, что эльфийский король не дает твоему брату вернуться назад, то не стреляй из-за угла. Сделай так, чтобы он напал первым. Самозащита, вот твой козырь перед Хозяином леса.

— Отец, я не хочу...

— Я тоже не хочу, Чармейн. Не знаю, когда увижу тебя в следующий раз, поэтому готовлю ко всему. Ты умная девочка, постарайся сделать так, чтобы все остались довольны. Юстас передал тебе подарок.

Отец подвинул к ней по поверхности стола деревянную шкатулку с

росписью из цветов на крышке. Чармейн в последнее время передергивало при виде шкатулок.

Внутри переливалось радугой ожерелье из зеленых камней в обрамлении прозрачных звездочек. Оно искрилось и поблескивало в свете свечей. Прошлая Чармейн была бы от него в восторге и мигом побежала бы показывать знакомым. Нынешняя оказалась равнодушна.

— Какое красивое, — пробормотала она лишь бы что-то сказать.

— Он тебя помнит. Не забывай и ты Юстаса.

Глава 7

Глава 7

Душный город остался позади. Чармейн стремительно шагала вперед, полной грудью дышала свежестью полей. На подходе к лесу, ей стало не по себе — суставчатая трубка в котомке за спиной каменным весом давила на плечи. Сперва ей казалось, что это Хозяин леса таким образом подает знак о недовольстве разговором с родителями. Пусть она решила не поступать согласно их воле, но так и не набралась смелости возразить вслух. А это не самый красивый поступок. Но чем дальше по тропинке, тем яснее Чармейн понимала, что смутное чувство тревоги — отголосок задания, которое срочно нужно выполнить.

Визит к Милисент придется отложить. Чармейн подняла юбки парадного платья и пустилась бегом по направлению к лесу. И как только зашла за черту деревьев — нахлынуло облегчение.

— Я дома, — сказала она деревьям. Те качнули ветвями в правильную сторону.

На поляне Чармейн нашла больного ежика. Он часто дышал, а между иголками к телу присосалась дюжина вздувшихся клещей. Чармейн бережно завернула его в мягкую тряпицу и понесла домой.

И это простое дело — шагать между вековыми деревьями, дышать влажным воздухом и прижимать к груди сверток, из которого доносилось недовольное пыхтение, ответило на вопрос, стучавший в виски с момента памятного разговора с родителями.

Зачем возвращать в этот заповедный уголок Юстаса?

Чармейн шла через хвойную часть леса. Тут трава не росла, землю покрывал сплошной ковер рыжих иголок и раскрытых шишек. Чармейн шла осторожно — иглы скользили и можно легко поскользнуться. Между могучими соснами высились и вовсе необъятные великаны-секвойи, с мягкой волосистой корой. Их было приятно обнимать, как толстого мишку, но потом все платье оставалось покрытым трухой. Далеко наверху между ветвями можно было рассмотреть загорающих ящерок с огненными всполохами на спинах. То были саламандры. Дэмиен рассказывал, что когда сосновый лес уж слишком зарастал и душил великанов-секвойи, ящерки сердито спускались вниз и поджигали захватчиков. Тогда лесничие, Вирхольмский и Ахтхольмский, собирались вдвоем и не давали пожару

перекинуться на иные части леса.

Сосны перешли в лиственные деревья, и вот Чармейн вышла к дому. При виде хозяйки плющ на крыше распустил белые лепестки. Заходящее солнце играло радужными бликами на окне из стрекозиных крыльев. А на мостках у озера сидел красивый мужчина, выставив ногу в лубке, рядом с ним примостилась Кувшинка. Она наклонилась над ногой мужчины и дула на сплетенные ветви, придерживая зеленные волосы, струящиеся по обнаженной груди. Ее голову венчал веночек из кувшинок с желтой сердцевинкой.

Сам мужчина показался Чармейн смутно знакомым. Высокий лоб, черные волосы до плеч, твердая линия подбородка. Он откинулся назад, закрыв глаза, с выражением боли на лице.

Да это же Дэмиен!

Чармейн бросилась вперед, прижимая к груди ежика, не заметив, что иголки укололи ладони до крови. Кувшинка подняла голову, сверкнула на Чармейн виноватым взглядом, пожалала плечами и скрылась в водах озера.

Дэмиен открыл глаза и посмотрел на Чармейн. Она замерла напротив, разглядывая мужа. Вот, что изменилось — борода исчезла. Оказывается, ее муж красавец. Чармейн даже смутилась.

— Белочка! — сказал он вставая на ноги. — Что у тебя с руками?

Он забрал у нее совсем ошалевшего ежика, свернувшегося в клубок, подул на ладони.

Чармейн резко выдохнула, ощутив теплое дыхание мужа на своей коже. Дэмиен выпрямился и Чармейн увидела, что он опирается на больную ногу прямо в лубке, без костыля. Она отметила, как высок муж, как широки его плечи, и невольно сглотнула.

— Кувшинка лечила твою ногу? Ей было совсем не обязательно сбегать...

Чармейн промолчала, что совсем недовольна близостью лесной девы к мужу. Что еще они делали в ее отсутствие?

— Лодыжка начала криво срастаться. Кувшинка ее выпрямляла как следует. — Он почесал затылок. — Она не трогала, только дула на ногу, но будто железные зубы грызли и толкали кость в правильном направлении. Ты вовремя появилась, Белочка, я бы дольше не выдержал.

— Это хорошо, что она пришла помочь тебе. Они ведь не обязаны...

— Да, хорошо, наверное... Лучше пойдем домой и расскажешь, что да как в Вирхольме.

Дэмиен уже ходил на своих двоих, стараясь не нагружать больную ногу. Чармейн прошла вперед, смущаясь под взглядом мужа. Она

оглянулась через плечо и еще раз отметила красоту Дэмиена. Он разом помолодел. Как все таки красиво очерчен рот и до чего же ему идут волосы до плеч...

Хватит на губы засматриваться. Она же может поцеловать их. Дэмиен принадлежит ей!

И Чармейн обернулась к нему, несмело обняла руками за плечи, тут же ощутив его горячие ладони на талии. Вдохнула полной грудью запах хвои и мускуса, родной запах. Потерлась носом о его щеку, но тут Дэмиен прижал ее к себе и поцеловал, глубоко, страстно. Показывая поцелуем как тосковал во время разлуки. По телу разлился жар, Чармейн протяжно застонала.

Дэмиен увлек ее в хижину, уложил на лежанке и не дал торопиться. Целовал долго, обстоятельно, исследуя каждый уголок ее тела. А Чармейн дрожала, каждый раз как бросала на него взгляд. Потому что он был одновременно знакомым и незнакомцем.

Потом они долго нежились в объятиях друг друга. Чармейн рассказала мужу о том, что подружилась с его матерью и по улыбке в уголке губ, поняла, что ему это понравилось, хоть вслух он сказал, что матушка может удушить гостеприимством, перекармить угощениями и напоить до изнеможения.

О разговоре со своими родителями она так и не рассказала. Не осмелилась нарушить идиллию. Потом пожалела, но так и не призналась о письме от Юстаса. Потому что получилось бы, будто специально скрыла от Дэмиена правду о родных. А ведь они замышляют плохое, не сравнить с милым чудачеством свекрови. Проступки родителей бросят тень и на нее. Она стала соучастницей своим молчанием.

Чармейн мучилась, но исповедаться не решилась. Между ней и Дэмиеном вновь выросла прозрачная стена. Он не мог понять почему, сначала, как всегда искал причину в себе, а потом тоже закрылся.

Теперь она с радостью убегала из дома на задания Хозяина леса.

Шел четвертый месяц беременности. На Вирхольм спустилась зима, припорошила дома белым инеем, заставила каминные горелки ярче. Лес же вел себя по разному. Почти везде деревья сиротливо оголились, трава пожухла, утренние лужи покрылись коркой льда. Но высокие секвойи все так же зеленели и под ними было тепло и солнечно. Саламандры управляли погодой по своему.

Хижина тоже приготовилась зимовать. Мох высох, плющ превратился в узловатую веревку. Стены будто стали более приземистыми, сплотились, дабы не пропускать промозглые ветры.

Обычно Чармейн не переносила холода и куталась в теплый плащ, одетая в три слоя. Теперь же ходила с красными щеками по лесу, дыша морозным воздухом полной грудью, наслаждаясь прохладой.

Она вышла на прогулку за целебными травами для ноги Дэмиена. Он уже снял лубок, но еще хромал. К вечеру нога опухала и хорошо помогало сделать прохладный компресс из мяты и мясистых листьев лопуха. Жаль время сбора почти прошло, но в некоторых уголках леса можно было найти любое растение круглый год.

И тут ее настиг огонек задания. Чармейн последовала за ним, ловко пробираясь между кустов. Зов вывел ее к берегу полноводного ручья шириной в десять шагов. Она оглянулась по сторонам, в поисках нуждающегося в помощи. На берегу было тихо, мерно журчала вода, не слышно ни шороха, ни попискивания раненого зверья.

Что-то было неправильным. Нужно хорошо взглядеться в окружающий лес. По поверхности воды неспешно плыл темный островок. Дохлая рыба?

Чармейн спустилась поближе, лучше разглядеть непонятный предмет. По реке плыл распухший труп животного — то ли волка, то ли собаки. Не разберешь, видно только спину с намокшей шерсть. Чармейн передернуло от отвращения, забытое ощущение тошноты первых месяцев беременности накрыло вновь.

Она спустилась по берегу к ручью, не удержалась, поскользнулась на траве и шлепнулась на мягкое место. Так, необходимо сосредоточиться.

Быть лесничей значит не только спасать милых зверушек, но еще и выполнять черную работу. Дэмиен ее предупреждал. Чармейн отцепила котомку, положила ее на берег.

Труп неспешно колыхался в воде, уплывая вперед. Чармейн подвязала юбки к поясу, подавила приступ тошноты и вступила в студенький ручей. Обманчивый ил оказался скользким как масло. Чармейн взмахнула руками и вновь упала назад. На сей раз не ударилась, а ушла под воду и измазалась в грязи по самую макушку. Вынырнула, глотая ртом воздух, стараясь не думать, что рядом качается на волнах гниющее мясо.

Не помогло, ее скрутила рвота.

Чармейн выпрямилась, оттерла рот и решительно направилась к раздутому трупу. Поскорей бы закончить и вернуться домой к горячему очагу.

Схватила руками мокрую шерсть, потащила на себя. Шаг, и еще шаг назад, берег уж совсем близко, как сзади раздался знакомый голос:

— Помочь, красавица?

Чармейн обернулась. Подле дерева сидел на корточках Тейл,

протягивая вперед руку. Белокурые волосы рассыпаны по плечам, на челе венок из осенних листьев. Красный плащ скрепляет гроздь желудей на плече. На торсе блестит золотой доспех. Голубые глаза глядят насмешливо, как всегда со скрытым превосходством.

— Я уж думала, смогла от тебя избавиться.

— Дерзишь, Чармейн? Я ведь знаю, что скрывается за твоей бравадой.

Чармейн отвернулась от него и попыталась сосредоточиться на бедном волке, почившем с неделю назад. Руки дрожали, ее накрыла нервная дрожь, как всегда случалось в присутствии эльфа. Чармейн солгала, она никогда не забывала о том, что Тейл рядом. Увы, она думала о нем чаще, чем тому полагается. И почему он появился именно сейчас, когда она в грязи с головы до ног воняет как выгребная яма?

— Ты все еще любишь меня, Чармейн, — ласково сказал эльф, не убирая протянутой руки. — Ты победила, доказала, что сильнее и можешь уйти. Но я не отступлюсь от тебя.

— Ты все продолжаешь говорить так, будто между нами была минутная размолвка, — сказала Чармейн, сжав зубы. — А я уже давно замужем за другим.

— Зачем лицемерить? Тут только мы вдвоем. Ты всегда любила и будешь любить одного меня. Я же вижу, как ты на меня смотришь.

Чармейн потупила взгляд и продолжила тащить тушу. Да, Тейл не просто красив, он как ожившая сказка слепит глаза и манит до одури. Невозможно поверить, что он сидит напротив, протянув руку, а она отказывается. Невероятно! Когда он рядом, то будто и не было синяков между ляжками и слов, что ранят до крови. Смотрит будто она единственная, и так легко поверить!

— С Демьяном слаще, — сказала она, чтобы вывести его из себя.

Ласковая улыбка тут же померкла. Тейл вытянулся, возвышаясь на берегу над согнувшейся в ручье Чармейн, скрестив руки на груди.

— Убогая дурнушка, — процедил он. — Жестокая и грубая, как и все люди. К вам нельзя по хорошему, не поймете. Оставайся в болоте, там тебе и место.

Вот ханжа! Тейл смеет звать ее жестокой? Он сам только что сказал ужасные вещи, это не считается? Как хорошо, что она осмелилась дерзить ему. Маски сорваны и правда проступила на свет. Он считает ее убогой, он считает ее уродливой. Он ни во что ее не ставит и не ставил никогда.

Но и Чармейн поняла что-то важное о самой себе. Ей сейчас больно. Пусть она готовилась к грубости со стороны Тейла, все-таки не говорят мужчинам о соперниках, но его слова задели ее самые слабые места.

Сумели проникнуть внутрь, растечься зеленым ядом по жилам.

И тут ей захотелось отомстить. Заставить считаться с ней.

Она ничего не ответила Тейлу, только продолжала смотреть прямо в глаза с жутким оскалом. А мысленно представляла, как дунет в него из трубочки — главное оцарапать, серебро доделает остальное, так папа сказал. И не будет больше Тейла с его издевательской улыбочкой. Исчезнет угроза ребенку, а с ней и тревога по поводу будущего. Чармейн отомстит за свои обиды...

Чармейн смотрела на Тейла и выбирала место, куда бы прицелилась — прямо в наглые глаза или может в живот или грудь, так понадежней будет.

Чармейн представила, как торжествующе встанет над бездыханным телом Тейла. И тут ей стало тошно, потому что мертвые глаза и бессильно раскинутые руки нарисовались с жуткой яркостью.

Не будет больше лесного короля. Юстас сможет вернуться через пещеру, если никто не займет место стража. И Кувшинка останется совсем одна. Будет оплакивать брата на озере у хижины заунывной песней при свете звезд. И Чармейн будет иногда вспоминать ее. Особенно лучистый взгляд, полный жажды жизни, когда он оборачивался к ней, увлекая за собой в чашу леса.

Вся вина Тейла в том, что он не любил Чармейн. Этого недостаточно для смертного приговора.

Эльф поморщился и устало потер переносицу. Вновь протянул ей руку предлагая помощь выбраться из ручья.

— Не пойму, почему я сказал эти ужасные вещи. Ты умеешь вывести меня из равновесия. Если хочешь продолжать жить во лжи, то свободна в своем выборе. Только однажды, Чармейн, ты придешь ко мне по собственной воле, и я припомню твои слова.

Она наконец выбралась из ручья. Тейл подошел и принял у нее из рук труп волка. Бережно, без всякой брезгливости. Прижал к груди, сказал короткое прощание вольному духу животного и растворился меж деревьев.

Чармейн осталась одна в студеной луже, измазанная грязью, воняющая протухшим мясом. Она чувствовала себя отвратительно. За некрасивое сравнение с Дэмиена с Тейлом, за кровожадные мысли, которые больше подошли бы Юстасу. А еще больше, потому что ей захотелось окликнуть Тейла и пройти вместе с ним по тропинке.

И это было ужасней всего. Предательство по отношению к мужу, даже мысленное отзывалось ноющей болью во всем теле. Она не достойна лесничего.

Придумать бы что-то загладить вину... Нет. Хватит идти дорогой лжи.

И так она слишком долго скрывала замыслы родителей. Дэмиен должен знать все, а затем принимать решение с открытыми глазами. Как сказал Тейл — «свободна жить во лжи?». Он ошибается, Чармейн так жить не будет.

Она направилась к хижине, раздираемая сомнениями. И вдруг на одном из поворотов тропы почувствовала как внизу живота толкнулся ее малыш. Она села на траву, прижала ладонь к низу живота и замерла от счастья. Мир больше не казался большим и полным несправедливостей. Щеку ласково гладили косые лучи солнца, под ладонь стелилась мягкая трава. На ее плечо присела птичка и завела долгую трель, сложную и залиvistую. Малыш толкнулся опять — легонько, будто бабочка хлопнула крыльшками.

Как вдруг, солнце за сомкнутыми веками перекрыла тень. Чармейн дернулась, открыла глаза и увидела над собой лицо с большими карими глазами, полными губами и мощным подбородком. Дэмиен! Она еще не привыкла к нему без бороды.

— Пойдем, бельчонок. Нам нужно срочно встретиться с лесничим Ахтхольма.

— Что случилось? Раньше ты не говорил о нем ни слова.

— Ему нужна наша помощь.

Вирхольм и Ахтхольм, города братья. По преданиям, оказались за завесой одновременно. Лес одарил обоих каменными домами, плодородными полями, долгой жизнью в относительном здравии. Взамен — договор. Его каждый ребенок знал с детства и мог рассказать наизусть, благо пунктов немного. В обязанностях: назначить лесничего в лес, никто не ходит в лес без разрешения, о увиденном там молчать. Причинять вред друг другу и природе запрещалось, как и носить оружие. Последний пункт Чармейн нарушила, пусть и частично. Трубка и стрела по разным шкатулкам пылятся на верхней полке в хижине.

В остальном — полная свобода. И тут два города пошли разными путями. В Вирхольме чтит христианство. Ходили по воскресеньям на мессу, соблюдали заповеди, отмечали праздники. Уважение к лесу проявлялось в украшении домов и одежды. Пусть вера перестала занимать центральную часть жизни, но отступить от нее казалось кощунством. Тем более, что нынешняя привольная жизнь в сытости и богатстве считалась Вирхольмцами наградой за праведную жизнь.

В Ахтхольме — наоборот. Христианство отринули полностью, а за божество стали чтить Хозяина леса. Пели ему песни, приносили жертвы, устраивали летние празднества. Молодые девушки с венками из лент водили хоровод подле опушки, оставляли корзины полные даров. Мечтали

о встрече с фейри.

Чармейн мало, что знала об Ахтхольме. В привезенных из-за черты книгах говорилось, что между странами разной веры, бушуют кровавые войны. В маленьком защищенном мирке два города после ссоры порвали дружественные связи. Каждый был уверен в своем превосходстве над другим.

Шли года, Вирхольм благоденствовал. Пусть не рос, каждый ребенок рождался взамен ушедшего взрослого, но жизнь кипела, лавочки ломились от товаров. Ахтхольм же по слухам постепенно пустел и затухал. Вирхольмские шептались, что дело в отступничестве от веры.

Чармейн раньше не задумывалась о городе-близнеце и принимала на веру то, что говорили дома. Но сейчас ей стало интересно в чем же дело? Отчего Ахтхольм пришел в упадок? Хозяин леса действительно существует и ему должно быть приятно уважение и внимания. Все должно было бы случиться наоборот...

Дэмиен шагал вперед, ловко орудуя посохом, почти не хромя. Чармейн ускорила шаг, чтобы идти вровень с мужем. Она нашла его мозолистую ладонь и вложила свою. Пока они шли вдвоем по лесным тропам, она рассказала все новости, утаив только бархатную шкатулку.

— Вижу Тейл все не угомонится. А со мной поговорить лицом к лицу так и не отважился.

Чармейн поняла, что муж сказал это слушавшим их ушам, а не ей, и тихонько хихикнула про себя. Ей сразу стало легче. Одним секретом меньше. Она прижалась к нему и сказала:

— Вечером напомни мне, я хочу тебе кое-что показать.

Дэмиен поднял одну бровь, с усмешкой ответил:

— Я весь в предвкушении.

А Чармейн залилась краской. Разговор обещал быть неприятным. Трубка и стрела мужу не понравятся. Но он должен о них знать и плохого не посоветует.

Дэмиен шел вперед будто дорога была ему хорошо знакома. Чармейн же видела эту часть леса впервые. Черта привычных лиственных и хвойных деревьев закончилась резко, будто отделенная невидимой чертой. Впереди простиралась каменистая местность красноватого оттенка. Повсюду росли странные деревья, будто высокая трубка выпустила на разной высоте коленца как у подсвечника, а сверху каждое коленце увенчалось пучком иглообразных зелёных листьев. Заметно похолодало, небо стало свинцовым, тучи теснили друг друга, начал идти пушистый белый снег.

— Совсем рядом, — сказал Дэмиен.

Впереди каменная гряда резко уходила вниз. Между валунов в жухлом мхе угадывалась тропка. Дэмиен ловко спускался вниз и даже нога в лубке не была ему помехой — тут было важно равновесие. Он наоборот, после особо скользкого участка вставал, упершись ногами и протягивал руку Чармейн.

На одном из карнизов он потянул ее в сторону. Между валунами, шел узенький коридор. Чармейн зябко подула на пальцы, она продрогла по дороге: еще не успела высохнуть после купания, да и шла в легком платье. Дэмиен остановился, чтобы отдать ей свою безрукавку. Хоть какая-то защита. В их части леса было потеплее и беременность грела изнутри, вот и не позаботилась о верхней одежде.

Ущелье повернуло в просвет между камнями, образующим пещеру. Тут было безветренно и ощутимо теплее. В глубине на каменных стенах играл огненный отблеск — Дэмиен повел ее именно туда.

В небольшой, но уютной комнате пол был устелен ковром с замысловатым узором. Весело потрескивал огонь в камине, из подвешенного над ним котелка исходил вкусный запах готового супа из чечевицы. На плетённом кресле напротив очага сидел, скорчившись в три погибели почтенный старец. Увидев гостей он стремительно выпрямился и размашистым шагом направился к ним.

— Рад видеть тебя, Дэмиен, — он повернулся к Чармейн и еле видно поморщился из-за исходившего от нее запаха. — А это, та самая жена?

Старец оказался высок, с широкими плечами и сильными руками. Он был одет в зеленую хламиду в пол из толстого сукна. На шее золотая цепь с золотым кулоном в виде дубового листа размером с ладонь, украшенного разноцветными драгоценными камнями. Лицо обветренное, морщинистое, с потухшими серыми глазами.

— Чармейн, — пробормотала она. — Очень приятно.

— Присаживайтесь, — пригласил старец широким жестом. — В этом году суровая зима.

Она утонула в плетённом кресле, созданном для человека гораздо мощнее ее. Это было хорошо, она не хотела привлекать к себе внимания лесничего Ахтхольма. Сейчас, рассмотрев его подробней, она заметила золотое шитье по подолу зеленой хламиды, и ухоженную прическу волосок к волоску. Он выглядел почтенным мужем, занимающим уважаемую должность, по сравнению с ним Дэмиен казался неопытным юношей.

Дэмиен сидел в одной распахнутой рубашке и отблески играли на его ключицах, мускулистые руки покоились на подлокотнике. Густые волосы

разметаны по плечам, на лице выражение задумчивости, полные губы сжаты в тревоге. Он мельком взглянул на Чармейн, взгляд Дэмиена потеплел и он ободряюще улыбнулся ей.

Между тем хозяин поднес обоим плошку горячего супа, остро пахнущего, с желтыми зернышками кукурузы и зеленью. Чармейн с наслаждением съела свою порцию, хотя обычно не терпела ничего острого и ей отчаянно захотелось еще, но просить она не посмела. Так и сидела, ничего не говоря, наблюдая за лесничими. Те пока переговаривались на ничего не значащие темы.

Дэмиен, презрев этикет забрал у нее плошку из рук и налил еще одну порцию из булькающего котелка. Чармейн с благодарностью съела вторую добавку, чувствуя как тепло стремится по жилам. Теперь жизнь стала хороша.

Ахтхольмский лесничий представился Альфредом. Чармейн про себя вспомнила значение имени — «эльфийский советник». Разморенная едой и теплом она лениво подумала, что имя удивительно подходит занятию лесничего. Интересно, у нее тоже имя «говорящее»? Чармейн, «зачарованная»... Почему же, так оно и есть. От судьбы не спрячешься.

Альфред расспросил Дэмиена о житье бытѐе. Указал на лубок и спросил, как тот справлялся со своими обязательствами перед лесом. Дэмиен в свою очередь кивнул в сторону жены и просто сказал:

— Чармейн теперь тоже лесничая. Ее выбрал лес.

Альфред страдальчески поморщился.

— Ты хочешь сказать, что она без всякой подготовки отправилась по поручению Хозяина? Она же ничего не знает! Ты слишком беспечен, Дэмиен.

— Я доверяю ей и Хозяину леса. Она умеет слушать сердце.

— Э-эх, — Альфред с досадой махнул рукой. — Поступай как знаешь. Ты все делаешь по своему. Никакой дани традициям и мудрости поколений. Не боишься за своих подопечных?

— В Вирхольме все спокойно, — сказал Дэмиен и метнул испытующий взгляд на Чармейн, затем добавил: — Почти. А что твориться в Ахтхольме? Зачем ты вызвал меня в такой спешке?

Дэмиен научил Чармейн, что когда лесничие хотят договориться между собой они приносят приметные шесты на оговоренные поляны, которые время от времени требуется обходить. Но если ситуация экстренная, прямо возле дома лесничего вырастает из земли стройный стебель лилии, в любой сезон. Лесу такое под силу.

Альфред тяжело вдохнул, наклонился вперед поворошить угли

кочергой. Встал добавить поленьев и Чармейн отметила как стали глубже морщины в уголках рта, ссутулились плечи. Все в старом лесничем сигнало крайнее огорчение.

— В Ахтхольме уныние. Урожай в этом году был скуден из-за засухи, видимо Хозяин леса недоволен нашими подношениями. Пещера обмена поставляла злаки и картофель, но в последнее время там завеса не двигалась. Фейри тебе говорили что-либо об этом?

Альфред резко развернулся и пристально уставился на Дэмиена, а тот поджал губы и спросил совсем о другом.

— Они тебе не показываются?

Альфред отрицательно покачал головой, и оперся на стенку камина, невидяще уставившись на огонь. Чармейн переводила взгляд с одного лесничего на другого, поражаясь разнице между ними. Ей все было в новинку — и дрожь в голосе при разговоре о фейри, и особая весомость, с какой Альфред произносил «Хозяин леса». Вирхольмцы особого пиетета к лесу не испытывали, его зеленая громада неизведанной тенью полнила горизонт. Интересной и грозной, но не более того. Жар солнца, мощь бури тоже имеют силу над человеческой жизнью, но не заставляют трепетать в как перед божеством. Следует знать как защититься от ярости стихий и следовать этим правилам. От бури найти укрытие и носить шляпу в жару. Леса тоже стоит оберегать. Для этого существует договор.

Альфред не просто чтит договор. Он исполнял миссию, горел религиозным огнем. Вернее сейчас его гнула к земле очевидность несправедливости раздачи лесной благосклонности. Его самого, фейри обделили вниманием, а молодого и зеленого лесничего обласкали. И Вирхольм с Ахтхольмом давно не сравнить, хотя с чего бы отступникам благоденствовать?

Дэмиен вскочил на ноги, подошел к старику и успокаивающе похлопал того по плечу.

— Я знаю, мои советы ты не примешь никогда, но Хозяину леса ваши подношения не нужны, лучше бы ели до сыта. И фейри не ходят к тебе, потому что ждут отношения как к равным, а не как к существам не от мира сего. Я сказал, ты услышал, а дальше делай по своему...

— Ничего уже делать не буду.

Альфред отступил к очагу. Повернулся спиной к ним обоим, лицом к огню, так и продолжил говорить:

— Для тебя все пути открыты, Дэмиен. Сможешь претворить свои советы в жизнь.

— Постой, Альфред, а ты?

— Я буду в бессилии наблюдать со стороны, как ты относишься с неуважением к самому сокровенному в этом мире. Но так решила судьба. Мне было видение, Дэмиен. Хозяин Леса во всей мощи и величии явился во сне. Невиданная честь, я всю жизнь буду помнить оказанную милость, пусть счастье навек перемешается с горечью. Мне указано оставить свой пост и вернуться в Ахтхольм. Отныне ты, Дэмиен будешь единственным лесничим леса, пока не выберешь себе преемника и не передашь тому, кого сочтешь достойным попечительство над Ахтхольмом. Я этой милости лишен.

— Альфред, постой друг. Сны сотканы из наших страхов и желаний. Не стоит основываться лишь на них одних.

— Тогда проверь мои слова доступными тебе способами. Ты найдешь, какими.

— Ты оставляешь целый город на мою милость по прихоти. К тому же нам понадобится твоя помощь, когда родится ребенок.

Тут Альфред повернулся лицом и наконец удостоил Чармейн взглядом, полным чистой и неприкрытой зависти.

— Ребенок? Так быстро? Воистину лес благодетельствовал вас. Подумай, каких почестей удостоился бы ты, если бы вел себя достойно и оказывал должное уважение...

— Я веду себя, как считаю нужным.

— Тогда ты меня поймешь. Предначертанное исполнилось. Позвольте оставить вас.

Альфред скрылся в глубину пещеры, где виднелась высокая кровать с прозрачным пологом. С его уходом, Чармейн высунулась из кресла и подалась к огню погреть ладони. До этого она старалась стать как можно незаметней, ощущая себя лишней в разговоре.

Дэмиен стоял посреди комнаты прикрыв глаза и она последовала его примеру, стараясь узнать ответ у огонька внутри. Прав ли старый лесничий и его отстранили от дел?

Слабое покалывание, будто котенок просительно царапнул лапкой по ребрам, заставило Чармейн встать с кресла и выйти ко входу в пещеру. Крупные снежинки хлопьями планировали на круглый пяточок у входа. Одна за другой черные как ночь птицы сорвались сверху и стремительным вихрем спикировали вниз, оставив у ее ног мелкие предметы.

Засохший сучок. Кроличья лапка. Жук навозник.

Чармейн опустила на колени и дотронулась до сучка. Ей стало нехорошо, горло сжало чувство утерянной возможности. Листик одиноко торчащий на сучке был весь изъеден до состояния сухой мочалки и на нем

можно было рассмотреть кокон вредителя.

Чармейн ощутила за спиной тепло от присутствия мужа. Его сильная ладонь опустилась на ее плечо.

— Шелкопряд монашенка. Способен уничтожить целый лес, если не остановить его вовремя.

— А что нужно сделать? — Чармейн подняла на мужа взгляд уже понимая, что дерево, сук от которого она держала в руках сберечь не удалось.

— У меня не было учителя, поэтому не знаю, что следует делать, но скажу, что сделал я. Три дня от рассвета до заката я лазил по дереву, давил гусениц голыми руками. Собирал вот эти самые коконы, чтобы затем сжечь.

— Нет ничего возвышенного в работе лесничего, — сказала Чармейн, вспоминая труп волка. — Скорее всего Альфред уважал самого себя, а не лес. Старался не пачкать руки.

— Ты слишком скоро судить. Давай посмотрим, что еще принесли вороны.

Заячья лапка. Дэм сам бережно поднял ее на протянутую ладонь как драгоценный камень. Лапка была серая, пушистая, от нее тоже веяло одиночеством и отчаяньем. Чармейн как наяву увидела ушастого крупного зайца, ловкого и сильного. Неудачный прыжок, лапу заклинило в узкой яме не заметной под травой, и вот он совсем как Дэмиен лежит на земле с перебитой ногой. Ушастый дергается, тревожно двигает носом, но вот из-за деревьев показывается зеленая хламида Альфреда.

Лесничий оборачивает зайца пледом и несет в свою пещеру. Там пытается лечить, кормит с руки травой и овощами.

— Брать домой диких зверей нельзя, они привыкают к человеческому запаху, становятся неуклюжими и быстро попадают в зубы хищникам.

Погрызенная заячья лапа явно сигналила о похожем конце.

— Может быть зайца ждала бы та же участь, останься он на поляне? — спросила Чармейн.

— Их в первое время опекают фейри. Они лучше справляются чем мы. Твоя лиса до сих пор хромает по зарослям в здравии. И ежик, помнишь, тот, что ты принесла в тряпице, иногда шмыгает подле хижины. А с беднягой зайцем Альфред перегнул палку. Держал его в пещере, пока тот не пожирнул до безобразия и ловкость себе не вернул.

— Выходит с шелкопрядом он сделал недостаточно, а тут слишком усердствовал? Надо отдать Альфреду должное, за зайцем он ухаживал преданно, пусть и тому во вред...

— Для того, чтобы быть хорошим лесничим требуется прежде всего умение слушать. Искать следы своих поступков, по погибшей роще, по отгрызенной лапке. Быть готовым изменить себя. И ни в коем случае не закрыться в коконе собственных заблуждений.

Чармейн тяжело вздохнула. Ей стало жаль Альфреда, «эльфийского советника». Его имя — насмешка над всем, во что он верил. Эльфы любят лес и служат ему одному. Люди для них особый вид бедных родственников, которых терпят из жалости и ни в коем случае не воспринимают всерьез. Можно им поклоняться, опасаться или дружить, но результат один. Как если влюбиться со всей страстностью в дикого медведя. Ухаживания не примет, пока кормишь да сохнешь издали будет терпеть, а как проголодается — растерзает.

Альфред в золоченных одеждах дал лесу меньше, чем Дэмиен в простой рубашке. И лес в ответ раздав милость, забыл о старом лесничем

Третий, кого принесли вороны — жук навозник. Невзрачный трудяга без которого рухнет равновесие целого леса. Символ лесничества. Когда Дэмиен дотронулся до него пальцем, тот сверкнул иссиня-черным панцирем и уполз прочь в неведомую щель. В волшебном лесу стало на одного лесничего меньше.

Глава 8

Глава 8

Той ночью началась настоящая гроза, по словам Альфреда — редкость в краях красноватой пустыни с трубчатыми деревьями. Чармейн давно догадывалась, что волшебный лес подобен лоскутному одеялу — под пологом собраны красоты всего мира — от пальм и хвойных сосен до привычных дубов. Однажды, она забрела в рощу деревьев с каплеобразными сладкими плодами, за ними открылся широкий простор песчаных дюн. Чармейн ступила в теплый песок и ветер затанцевал в волосах, зашептал о запахе пенных волн, о тропах, что создаются, и тут же стираются по его воле. Чармейн сумела пару раз со счастливым визгом сбежать с крутого бархана и забраться наверх, пока новое задание не позволило ей в другую часть леса. Тогда она не задумалась об увиденном, но теперь все встало на свои места — и вечное лето между корней секвой, и жуткий ветер с градом за пределом пещеры. Может их мир не так мал как представлялось? Может они видят намного больше, оставаясь невидимыми?

Альфред предложил уступить им свою кровать, но Дэмиен твердо настоял на праве хозяина на свое место. Он с Чармейн отлично устроятся на пушистом ковре подле камина. Бывший лесничий принес им теплый плед и многочисленные вязанные одеяла, сделанные руками искусниц Ахтхольма.

Чармейн тронула Дэмиена за руку:

— Мне нужно искупаться. Срочно.

Дэм понимающе улыбнулся и крепко обнял Чармейн, невзирая на ее попытки выкрутиться и отойти на безопасное расстояние, с которого запах тины и мертвечины не так ощущается.

— Сейчас придумаем что-нибудь.

В глубине пещеры бил ледяной ключ с прозрачной водой и привкусом железа. У Альфреда в уголке спальни стояла широкая деревянная лохань, куда Дэмиен натаскал десять ведер воды. Жаркий огонь в очаге споро нагрел котел кипятка.

Дэмиен закрыл тяжелую дверь в спальню, запер на железный засов. Чармейн с наслаждением скинула с себя задубевшую одежду и оставила замачиваться в ведре.

Потом подняла волосы, тронула воду кончиком пальца ноги. Теплая!

Дэмиен как замороженный наблюдал за тем, как Чармейн высоко поднимает ноги, чтобы переступить через край лохани. За последние месяцы она стала крепче и стройней. Грудь потяжелела, а живот чуть выступил вперед.

Опустить продрогшее тело в нагретую воду было чистым удовольствием. Чармейн откинулась на край бадьи и выставила наружу ноги. Она прикрыла глаза, наслаждаясь расслаблением, но уловила движение со стороны мужа.

Дэмиен стаскивал через голову рубашку, открыв мощный торс с развитой мускулатурой и широкие плечи. Чармейн невольно залюбовалась мужем и вся зарделась, когда он принялся за ремень штанов.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь к тебе присоединиться, — сказал он. И уже через мгновение его горячее тело опустилось подле нее.

— Аа-а-х, — сказал Дэмиен и с блаженством расслабился, расставив руки. Чармейн не удержалась и провела кончиком пальца по кадыку, по мышцам груди и вниз по полоске волос по направлению к пупку. До чего же хорошо он сложен!

Чармейн выудила со дна лохани мягкую губку и брусок мыла. В Ахтхольме варили чудесное розовое мыло с лепестками и одуряющим запахом. Она взбила пену на губке, но вместо того, чтобы заняться собой провела ею по телу мужа, уделив особое внимание натруженным плечам. Дэмиен лежал с закрытыми глазами с напускным спокойствием, но когда она совсем заигралась, подхватил за талию и посадил на себя. Вблизи по затуманившемуся взгляду, по крепким объятиям и по весомому доказательству, упирающемуся в нее сзади, Чармейн ощутила, что муж вовсе не безучасен.

— Ты что? — возмутилась она. — Альфред в соседней комнате.

— Мы тихо, — прошептал он в самые губы жене. — Он ничего не услышит.

И поцеловал с открытым ртом, обдав горячим дыханием. Его руки крепко прижимали ее не давая двигаться. Дэмиен забрал у нее губку и принялся дразнить жену в ответ, проводя ею по спине Чармейн, по бедрам и между ними. А когда она вскрикивала, то зажимал ей рот поцелуем и говорил «ч-ш-ш-ш».

И эта вынужденная тишина, и плеск воды, и откат эмоций от напряженного дня, все соединилось в тугий комок удовольствия, который появился внизу живота и с каждым движением все рос и рос. Чармейн

потерлась лицом о щетинистую щеку мужа, словила прошептанное одними губами слово «люблю» и тут ее накрыло. Она изогнулась, а он сумел закрыть ей рот ладонью, не дав выдать тонким криком-стоном происходящее.

Потом, он насухо вытер ее, всю разомлевшую, почти спящую. Помог одеться в один из чистых балахонов Альфреда — роскошное одеяние, которое не опозорило бы и короля, бирюзового цвета с серебряным шитьем и россыпью топазов.

— Ты красавица, — шепнул Дэмиен ей на ухо, сам похожий на принца в синем бархатном плаще, одолженном у старого лесничего.

Чармейн в полусне невольно задумалась о муже. Его потянуло к ней не просто так. Глаза Дэмиена зажглись страстью, когда он рассказывал о ее успехах и достижениях старому лесничему. Чем сильнее она, тем больше притягивает его. Эта замечательная черта мужа растопила еще одну льдинку в ее сердце.

И невольно вспомнился Тейл, как незажившая рана. Он любил когда она лежала в беззащитной позе, смотрела на него с восхищением, принимая его полное превосходство.

По тому, что заводит мужчину можно о нем самом многое понять.

Чармейн уложили на ковер у тлеющих уголков камина, обняли сзади и укутали плотным пледом. Она заснула и ей всю ночь снилось как они с Дэмиеном ищут кого-то в темном лесу и никак не могут найти.

На следующее утро они помогли Альфреду собрать пожитки и отправились в Ахтхольм нагруженные как муравьи. Бывший лесничий собрал за долгую жизнь не мало безделушек, к которым как и все старые люди был сердечно привязан. Дэмиен взял самую тяжелую ношу — книги в переплетах с золотым тиснением и цветными картинкой на форзаце. Чармейн шла почти налегке, узнав о ее положении Альфред не позволил взять лишнее. Она несла ларец с драгоценными камнями и парадные роботы. Все остальное тащил старый лесничий в заплечном мешке, тяжело согнувшись.

Идти было легко — в этой части на красноватой почве кустарник не рос. В вышине летели перистые облака, гонимые быстрым колющим ветром. Чармейн приноровилась идти в ногу с Дэмиеном. Сегодня он почти не хромал. Удивительно, всего месяц от перелома, после которого встают на ноги пол года.

За трубчатым лесом начинались пожелтевшие холмы. Летом тут зелено и привольно, а теперь жухлая трава наводила тоску. Ахтхольмская часть

теплее Вирхольмской, но Чармейн решила про себя, что голый пейзаж уж больно уныл. Все таки покров снега смотрится величественно и нарядно.

Ахтхольм показался на горизонте и с первого взгляда изломанной линией крыш напомнил родной город, только позолоченного шпиля церкви было не видеть.

Чармейн еще не успела рассмотреть Ахтхольм во всех подробностях, как увидела на тропинке впереди троих крупных мужчин, бегущих по направлению к ним. Она замерла на месте, но Альфред успокаивающе махнул рукой.

— Они вышли встречать нас. В Ахтхольме дежурят день и ночь на вышке, на случай, если лесничий решит вернуться в город.

Мужчины подбежали и склонились в почтительном поклоне, тяжело дыша. Чармейн бросила ироничный взгляд на мужа, посмотреть, по душе ли тому подобная почтительность. Дэмиен вернул ей взгляд со скрытой усмешкой.

«Учись как следует относиться к лесничему, женушка».

Она фыркнула и тут же смутилась под строгим взглядом Альфреда. Тот милостиво передал свою ношу, подставившему руки крайнему мужчине.

Тот, что посередине встал, прижимая к груди руку в жесте верности и подчиненности. Его каштановая борода до пояса была завязана в косицу. Взгляд, черный, колючий совсем не вязался со внешней покорностью. Он был одет в пурпурную робу с золочеными листьями на плечах. На простого жителя города похож не был, но так же как и первый без слов принял тяжелый мешок у Дэмиена.

— Рад видеть вас, Вирхольмский лесничий. Какими путями?

Дэмиен бросил быстрый взгляд на Альфреда и ограничился общей фразой.

— Взаимно рад видеть вас в здравии. Все разъясним на месте. Чармейн, познакомься с мэром Ахтхольма, Ричардом Смелым.

Чармейн вежливо поклонилась, а про себя отметила, что сам мэр города вышел встречать их, ему не показалось позорным взвалить на себя ношу Дэмиена. Отец тоже всегда говорил с лесничим вежливо, но считал себя на ступень выше. К тому же отец ничтоже сумняшеся вручил свою дочь как порченный товар, в надежде вернуть блудного сына. Отец, словно лиса из сказок говорил медом, но прятал змею за пазухой. Этот же, Ричард, казался матерым волком, голодным, и от того злым, который в присутствии охотника прятал зубы.

Кстати, тут вновь проявилась магия имен. Ричард значило «могучий

воин», кем мэр города и являлся. Это еще одно совпадение? Нужно проверить, что означает имя Дэмиен.

— Буду рад предоставить мой кров вам и вашей спутнице.

— Чармейн моя жена. Мы будем весьма благодарны.

Их ждали у изящной арки. Целая толпа почтительно молчащая со склоненными головами. Альфред вышагивал первый, держа голову высоко и гордо. Невозможно поверить, что он с позором возвращается в родной город, ведя за собой победителя. Когда они подошли по толпе пронесся рокот и люди опустились на колени, давая Чармейн возможность рассмотреть жителей Ахтхольма как следует.

Мужчины носили бороды, одевались кто в балахоны, кто в лосины и куртки с пышными рукавами. Женщины носили волосы распущенными, закрепленные косами лишь сверху, чтобы не лезли в глаза. Платья сплошь спокойного цвета, приталенные у груди. Чармейн видела подобные одеяния в иллюстрациях к старым сказкам. Мода Вирхольма ушла далеко вперед в соответствии с картинками в журналах, передаваемых через завесу.

Чармейн держалась позади мужа и старалась не быть слишком приветливой. Невозможно предугадать, какова будет реакция толпы на сообщение Альфреда. Скорее всего к ним отнесутся с опасением, без особой надежды на лучшее будущее. У Ахтхольма отобрали лесничего, город решит, что лес отобрал свою милость и скоро наступит конец.

Как будет на самом деле?

Чармейн бросила взгляд на Дэмиена. Тот тоже шел с непроницаемым выражением лица, по выработанной годами привычке визитов в Вирхольм. Дэмиен справится. Она бы доверила ему собственную жизнь. Он не умеет работать спустя рукава. И она не даст ему сломаться, возьмет на себя все, что сможет. Их ожидает трудный период.

Они шли по главной улице города, напоминающей Вирхольмскую, но вместе с тем другую. По каменной кладке вился плющ, дома утопали в цветах и зелени. Чармейн, привычная видеть ряд лавочек и череду прохожих, вальяжно перебиравших крупные овощи или неспешно прогуливающих, тут, с удивлением, обнаружила лишь одного зеленщика, продающего репу с вялой ботвой.

Сами люди были непривычно молчаливы и унылы. Их лица обретали оживленность лишь когда они смиренно подходили к Альфреду, тянули того за рукав и спрашивали о насущных вопросах. Каждого он выслушивал с превеликим вниманием, выносил короткое, но веское суждение «можно сорвать яблоко с опушки для утоления голода, но зерна сохранить и закопать рядом с деревом». «Раз сломал следует ветвь положить в кувшин с

чистой водой и прождать неделю. Выпустит корни — посадить, а если нет, принести подаяние в храм.»

— О каком храме они говорят, — спросила Чармейн шепотом мужа.

— Хозяина леса, естественно. Ты все увидишь сама.

Храм посреди города, на том месте, где в Вирхольме стояла церковь поражал воображение. Само здание было построено в форме восьмиугольника. В просторном зале между рядами скамей были посажены белые лилии, одуряюще пахнущие. В высоком потолке вделаны прозрачные оконца и витражи, через которые видно небо. Солнечный свет, окрашенный во все цвета радуги разноцветными стеклышками падал на цветник, и создавалось ощущение, что лилии не белые, а изумительных голубых, алых, фиолетовых оттенков.

Альфред вышел на служивший постаментом старинный камень, обросший цветущим. Из него бил ключ, вода стекала по граниту в озерцо, отделяющее трибуну от скамей. Дэмиен и Чармейн заняли места в первом ряду, мэр города сел рядом с ними. Остальные жители города занимали места по старшинству. Храм не мог вместить всех, место у входа занял глашатай, который будет передавать главное из речи Альфреда оставшимся снаружи.

Пока Альфред готовился, совершая ритуальное омовения и говоря молитву Хозяин леса, Чармейн отвлеклась разглядывая фрески на стенах. От влажного воздуха краски казались яркими, а лица живыми.

Изображалась молодая девушка, склонившаяся над воином со стрелой под ребрами. Раненый, приподнялся на локте и выглядит не страдающим от боли, а заинтересованным красавицей напротив. Его рука соприкасается с ее и вокруг их прикосновения по стене расходитя золотое сияние.

На следующей фреске девушка сияет вся с головы до ног. Она благодарственно смотрит на небо. За ее спиной стоит старец, чем-то напоминающий Альфреда, обнимающий ее за плечи. Золотое сияние перетекает в его руки. Следующий рисунок — старец очерчивает золотую линию вокруг трех деревьев и города. Еще один — перед старцем преклоняют голову фейри, узнаваемые по нечеловеческой красоте и звериным изъясам. Кто с ветвистым рогам на головах, у кого вместо ступней копыта.

История возникновения леса, о которой Чармейн до сих пор не задумывалась. Вирхольмцы переиначили ее на свой лад, уделив больший вес праведности предков и божественной благодати. Тут показывался творец, и если Чармейн не ошиблась, творец плоти и крови, сотворивший волшебную завесу. Хозяин леса на рисунках показан человеком. Так ли это

или допущение художника?

Нужно спросить Дэмиена. Он явно в храме не в первый раз, ведь не глазеет по сторонам, а сосредоточено наблюдает за Альфредом. Чармейн выучила как проявляются настроения мужа, сейчас он был напряжен, словно ждал подставы.

Он взял ее руку крепко в свою и шепнул:

— В случае опасности перекинемся в птиц и вылетим вон в то окошко над фреской с золотой леди. Оно открыто ты видишь?

— Перекинемся? Но как?

— Положись на меня. Сильно испугаешься, захочешь вырваться, тело само тебе подскажет как поступить. Вспомни ощущение во сне, когда взлетаешь над землей.

Чармейн до сих пор летала во снах. Подруги выросли давно из детских видений, а она до сих пор могла вспорхнуть в небеса и, расправив крылья, оставить злодея далеко позади. Да, она помнила это чувство особой легкости в сердце, когда понимаешь, что привычные правила не имеют над тобой власти. Вот и сейчас у нее закололо в кончиках пальцев, стоило вспомнить то чувство восторга.

— Чшшш, бельчонок успокойся. Перьями обрастаешь.

Чармейн с удивлением обнаружила, что мелкие волоски у запястья превратились в белый пух. Она часто задыхалась, страхась невозможности контролировать собственное тело. Перышки задрожали и втянулись обратно в кожу, бесследно растворившись. Чармейн прислонилась к мужу, его запах сосновых шишек и мускуса всегда действовал на нее успокаивающе, отгораживал от всего белого света.

Тем временем Альфред закончил благодарить лес и раздавать поклоны четырем концам света. Он встал во весь рост на вершине скалы, протянул обе руки вперед и замер. Перешептывания и шорохи тут же прекратились, в храме воцарилась напряженная тишина. Слышно было журчание воды на камне и тяжелое дыхание соседей. Стало жарко и от затхлого воздуха запах лилий еще больше дурманил голову.

— Дети мои, — сказал Альфред неожиданно проникновенным ласковым голосом. — Сегодня я пришел передать вам важные и радостные вести. Лес услышал ваши молитвы.

Чармейн наклонилась к самому уху Дэмиена и прошептала:

— О чем это он?

На нее шикнул мэр города со звериной яростью во взгляде, Чармейн мигом смутилась и замолчала. Дэмиен все так же сосредоточено смотрел на Альфреда.

— Отныне все мое время я буду посвящать вам. Лес благословил Ахтхольм за верность и подношения, снял с нас обязанность лесничества. Ваше усердие замечено, просьбы услышаны. Ахтхольм ждет великое будущее. Возрадуемся, дети мои.

Дэмиен вздохнул с облегчением и заметно расслабился. Теперь в его взгляде читалась ирония... и жалость?

А Чармейн кипела от возмущения. Ни слова покаяния, ни намек на благодарность. Альфред солгал, дабы сохранить свое положение в городе.

Горожане внимательно слушали обещания прочившие обильные урожаи, хорошую погоду и светлое будущее. Альфред распинаясь о том, что теперь сможет услышать просьбу каждого, оказать посильную помощь. И никто, никто не догадался спросить кто теперь будет ухаживать за лесом.

«Город дураков. Поклоняются лесу, но думают лишь о себе».

Хотя Вирхольм можно обвинить в том же самом. Следовательно, это человеческая черта.

«Неправда. Дэмиен всегда думает о других. Поэтому он лесничий».

И что Хозяин ему за это подарил? Неверную жену, беременную от другого?

«Дэмиен смотрит за лесом не за награду, а по внутреннему призванию».

А вот призвание Альфреда помогать горожанам. Лесничим он был не слишком удачным, но может роль духовного наставника и тайного правителя подойдет тому намного лучше.

Если раньше седина Альфреда вызывала у Чармейн уважение, то явная ложь с трибуны заставила взглянуть на него по иному. У каждого в сердце живет маленький мальчик. Можно вложить ему в ручки бразды правления, следовать на поводу у обид и амбиций. Но умение сдерживать порывы отличает настоящих взрослых. Не смотря на возраст, из-за невозможности принять вероятность того, что будет осмеян, Альфред предпочел поступить вопреки совести.

Ярость схлынула, теперь Чармейн смотрела на простирающего руки духовника совсем как Дэмиен — с жалостью и сожалением.

— Мы лишние на этом празднике, — прошептал муж. — Когда начнут поздравлять Альфреда мы тихонько выйдем.

Когда началась суета, жители города ринулись к спустившемуся Альфреду за благословением, они взялись за руки и тихонько вышли. Широкая площадь перед храмом была безлюдна. Солнце светило с ясного морозного неба, после спертых храма ветерок чистым потоком лился в грудь.

— Свой долг мы выполнили, Альфреда проводили до самого дома. Он не будет в обиде, что ушли не попрощавшись, а если будет, то и пес с ним. Лес заждался нас. Готова летать, женушка?

— Летать? Ты еще спрашиваешь, я об этом с детства мечтала.

— Так дерзай!

Держащие ее руку пальцы стали шершавыми, а потом, мазнув пером выскользнули, и вот, перед ней не человек, а бьет крыльями крупный сокол со снежной грудью с россыпью угольно черных перьев. Он пронзительно вскрикнул, моргнул человеческим глазом напротив лица и сделал круг над головой.

Чармейн вздохнула, закрыла глаза и канула как в глубокую яму в реальность сна. Мир поплыл и она почувствовала, будто падает с кровати. Крепко зажмурилась, а когда открыла глаза обнаружила себя в воздухе, напряженно работающей крыльями.

Реальность так и не обрела яркость. Чармейн была легкой и всесильной. Воздух не охлаждал и не гудел в ушах, она болталась в нем как в теплой ванне, совсем ошалевшая от новых ощущений.

Рядом раздался резкий окрик сокола, тут же за ним последовало нежное чириканье. Чармейн с удивлением увидела, как рядом с нею машет крылышками золотой птенец. Ее ребенок! Он промелькнул напротив носа и унесся куда-то вверх. Чармейн последовала за ним то и дело заваливаясь на бок. Она пыталась плыть, отталкиваться ногами и грести руками, но это было неправильно, следовало делать совсем другие движения, знакомые новому обличью. Чармейн своими попытками лететь правильно только мешала себе самой.

Она плохо понимала, где верх, где низ, куда ей следует направляться. Она видела один лишь золотой хвост и понимала, что ей ни в коем случае нельзя его выпустить из виду. Ей хотелось посмотреть на своего птенчика еще немного, запомнить все детали, чтобы потом на земле перебирать и гадать кто у нее — мальчик или девочка.

Хотя гадать не надо. В полусонном состоянии все чувства обострились. Чармейн как давно известную истину приняла то, что у нее будет мальчик. Златовласый и голубоглазый совсем как отец.

Чармейн посмотрела вниз на бесконечную гладь деревьев, простирающихся серо-зеленой мозаикой. Новое зрение играло с ней в непонятные игры — все казалось то размытым, как детский рисунок акварелью, то ясным, будто с гравюрный рисунок. расстояния вытянутой руки. Она разглядела крошечного единорога далеко внизу, смотревшего на нее с полянки. Вдруг оказалось, будто он совсем близко и еще чуть-чуть

сверкающий рог дотронется до плеча. Через мгновение единорог пропал, а с ним и чувство неловкости в полете. Чармейн ринулась вперед и за два длинных взмаха крыльев догнала своего малыша, весело пищащего подле крупного сокола, ее мужа. По крайней мере она была твердо уверена, что рассекающая крыльями воздух птица это Дэмиен. Так иногда бывает во сне, вещи выглядят как что-то *одно* а на самом деле — совсем *другое*. Встретишь на дорогах сна волосатого незнакомца и будешь уверен, что это мама.

В этом странном полете, когда реальность то накатывает резкостью красок, от опадает, выбивая почву из под ног, Чармейн напряглась всем своим естеством разглядеть маленького золотого птенчика. Отметила, как задорно он машет крыльями, как пищит во все горло в ответ свисту ветра и пляске солнечных лучей. И он нравился ей во все своей залихватской жажде жизни.

Птенец летел подле Дэмиена и старался изо всех силенок к нему приластиться. К появлению Чармейн златокрылый отнесся как к само собой разумеющемуся явлению, а вот вокруг Дэмиена чуть ли не круги описывал. Сокол невозмутимо летел рядом, наблюдал за виражами мальчика со скрытой готовностью ринутся на помощь, если такова потребуется.

Чармейн летела позади, вроде позабытая, но на самом деле жизненно нужная для существования двух крылатых мальчишек. Ее чувства обострились, теперь она задыхалась от щемящей любви, от благодарности к Дэмиену за чувство защищенности и принятия. Ей тоже захотелось отдарить добром. Не для того, чтобы он к ней привязался покрепче, как она делала раньше. А потому, что он такой как он есть.

Очнулась Чармейн от полусна перед родной хижинкой. Обнаружила себя, стоящей на четвереньках с привкусом железа во рту и ломотой в костях. Малыш в животе бесновался, брыкался так, что живот ходил ходуном, не смотря на ранний срок. Рядом пытался отдышаться Дэмиен.

Она подползла к нему, уткнулась в плечо, пережидая слабость. Дэмиен погладил ее по волосам и прижал по крепче к себе. Чармейн чувствовала себя, будто проснулась наутро после пьянки. Голова раскалывалась, кровь стала вязкой словно мед и еле-еле текла в сосудах.

Они помогли друг-другу подняться. Дэмиен провел ее в хижину, усадил за лавкой и дал выпить воды из озера. С каждым глотком недомогание уходило. Малыш успокоился и замер, наверное заснул, голова стала легкой, мышцы напоились силой.

— Это было чудесно, — сказала она, прислонившись к стене. Теперь,

все в ней пело, вспоминая восторг полета.

— Вот и хорошо. Мне придется частенько перекидываться, до лесов Ахтхольма пешком вовремя не добраться.

— Тебе? Дэмиен, я ведь тоже могу помогать!

— Конечно, бельчонок, — он сел напротив нее и с тревогой заглянул в лицо. — Без тебя лесу не справиться, ты настоящий самородок. Но уже пятый месяц беременности пошел. Сколько можно гонять тебя по трясинам?

— Но сейчас я полна сил и желания, а тебе нужна помощь. Хозяин леса присмотрит за мной.

— Ты ведь знаешь, что он не может предупредить все...

— Знаю. Но я почувствую, когда хватит и сама скажу. Кстати, о Хозяине леса. Я представляла его бесплотным духом, а выясняется, что это человек плоти и крови. Дэмиен, ты ведь знаешь историю возникновения леса, почему ничего не рассказывал?

— Ты говоришь о фресках в Ахтхольмском храме? Бельчонок, прошли сотни лет с сотворения завесы, все это легенды сродни Вирхольмским преданиям об избранности предков и их излишней добродетели. Может в Ахтхольме лучше помнят прошлое, а может придумали историю покрасивее, чтобы добавить величественности.

— И все же, расскажи, как создался волшебный лес. Там была нарисована девушка с раненым юношей, а потом старец. Что их связывает?

— Хорошо, садись, я разожгу камин и поставлю греться воду, а ты пока слушай.

Дэмиен встал во весь рост и потянулся. Чармейн отметила его мощные плечи, подтянутый живот и стройные ноги.

— В Ахтхольме рассказывают так. Мы жили в мире жестоком и голодном, без волшебства. Леса вырубали, животных убивали для еды.

— Я знаю, так говорят и в Вирхольме. Да и сейчас за пологом ничего не изменилось.

— Раз попросила рассказ не перебивай, потому что с этой части в Ахтхольме рассказывают небывалое. Будто в наш мир пришло древнее божество, обладающее безграничной силой. Помнишь девушку с фрески? Склонившуюся над раненым рыцарем? Ангелина, она была благочестивой и послушной монахиней, хотя ее матерью была деревенская знахарка, которая привила дочери любовь к живой природе. В монастырь она попала после смерти родителей, оставшись сиротой. Там тоже занималась врачеванием, поэтому ее часто посылали в лес за лечебными травами.

Однажды она встретила на полянке раненого юношу. Им было то

самое божество, о котором я говорил, принявшее облик человека. Юноша назвался Сигурдом и попросил о помощи. После того как она вытащила стрелу и, как умела, перевязала рану, юноша попытался ее соблазнить, на что монахиня, естественно, ответила отказом. Тут он обернулся золотым туманом и умчался прочь, навсегда забрав с собой ее сердце.

Но прошел месяц и юноша вернулся назад. Он рассказал ей, что встретил за это время и принцессу, и светскую красотку, но монахиню по имени Ангелина позабыть не смог. Девичью честь божеству украсть таки удалось, да и, как говорит легенда, принцесса и светская красотка тоже не устояли. Всех троих Сигурд оделил в награду невиданной силой, затем исчез в поисках дальнейших развлечений.

Что сделали две девушки с щедрым даром мы не знаем. Но Ангелина свой отдала отцу настоятелю монастыря, тому самому почтенному мужу с фрески, как епитимью за свой грех. Он и придумал оградить два города и лес от всего мира, построить на маленьком клочке суши рай на земле. Он и стал Хозяином леса, — закончил Дэмиен, увлекшись рассказом.

Как раз вскипел котел. Дэмиен разлил по чашкам кипяток, добавил душистую мяту и лимонницу, растущие в кадке на подоконнике. Чармейн рассеяно приняла чашку с отваром, все еще раздумывая над услышанной историей. На самый главный вопрос она все еще ответ не получила.

— Но откуда появились фейри?

— Нынешние фейри потомки приближенных Хозяина. Монахинь и монахов, готовых служить на благо леса.

— Простые люди? Но откуда у них звериные хвосты и чешуя?

Дэмиен усмехнулся и отпил из своей чашки.

— Посмотри вокруг Чармейн. Этот лес мало походит на тот, что рисуют в книжках-учебниках. Волшебство, подаренное хозяину леса, растеклось вокруг, породило причудливых существ доселе невиданных. Оно дало тебе возможность летать птицей, слышать чужую боль на расстоянии. А те, кто ближе всех стали сами источниками волшебства. Вместе с рогами, шерстью, клыками и хвостами.

— Дэмиен, почему ты улыбаешься?

— Я не верю в эту историю. В ней что-то не сходится, хоть и не могу точно сказать что. Может я предвзято отношусь к Ахтхольму, как истинный Вирхольмец. — Дэмиен пожал плечами. — Я вижу, как одна ложь громоздится на другую, чтобы не дать лавиной обрушится тщательно выстроенной иллюзии. Я первый готов поклоняться лесу, Чармейн, так как давно и глубоко влюблен в него. Но ему этого не нужно.

— А что ему нужно?

— Любовь. Ее не показать иначе, чем добротой.

Чармейн тоже улыбнулась в ответ, по детски доверчиво. Ей захотелось прижаться к Демиену, обнять и никогда не отпускать, нежась в лучах той самой доброты, как пожелтевший от темноты росток, выставленный на солнце.

Ей хотелось закричать «Мне тоже нужна любовь!», и стало так радостно, что они одни в этом лесу, муж в полном ее распоряжении. Вся его любовь для нее одной.

Вечером, когда оба укладывались спать в одной кровати, Дэмиен в первый раз гладил живот и что-то нашептывал ему. Он быстро заснул, а Чармейн еще долго как четки перебирала историю о создании волшебного леса.

Может быть она тоже создала бы свой укромный уголок и попыталась бы сделать его полным любви и гармонии. Может быть единственный способ добиться от людей приличного поведения это связать их договором. Может быть близких она бы наградила по особенному, оделив частичкой собственной магии. Но она бы точно, ни за что бы на свете не отказалась бы от волшебного дара, передав его кому-то другому, даже самому доверенному и мудрому.

Вот что Чармейн вытянула за ниточку из древнего предания, отчего оно распустилось, как вязаная салфетка.

Глава 9

Глава 9

Уютный вечер на двоих в хижине подле камина с чашкой отвара в руках оказался кратковременным подарком Хозяина леса. С самого утра одним за другим следовали вызова в самые отдаленные уголки леса.

Чармейн летела как стукнувшийся об стенку сумасшедший птенец. Частенько, обернувшись в человека, забывала что тут делает и просто стояла вперившись в одну точку. Дэмиен неутомимо работал за двоих, ни разу не пожаловавшись. Прекрасно видя его усталость, Чармейн старалась помочь чем могла, хотя плохо разбирала, где сон, где реальность. Она то взмахивала руками пытаясь взлететь в человеческом облике, то наоборот, в воздухе опускала руки дивясь на особенно изогнутую корягу, и штопором падала вниз, пока писк малыша не возвращал в сознание.

И все же не смотря на измождение, на тяжелую работу с утра до вечера, она ни на что бы не променяла свое призвание. Только сейчас, она вкусила сполна то чувство, когда гудящие ноги и нытье перетруженных мышц приходят вместе с умиротворенной совестью. Когда меняешь ход судеб тысяч людей, когда знаешь, что все держится на тебе одной. Когда наконец становишься достаточно хорош. Она никогда раньше не испытывала ничего подобного. Рядом с родителями Чармейн всегда ощущала себя ущербной.

Пик гордости от собственного успеха сменился усталостью от непрерывного потока заданий. Они научились отлично работать в команде, но вскоре настало то самое мгновение, когда обоих потянуло в разные стороны.

Дэмиен поцеловал Чармейн, тщательно проверил ее котомку, переложил из своей длинную веревку, поцеловал на прощание, ласково погладив по спине.

— Зови меня при малейшем затруднении. Как сможем передохнуть начнем искать лесничего на замену Альфреда.

— Дэм, подожди чуть-чуть, — Чармейн прижалась к мужу, впитывая его тепло. — Мне тревожно.

— Ничего не бойся. Ты сильная, у тебя все получится.

Подмигнув на прощание, Дэмиен взмыл в воздух соколом, с белым оперением на груди с черными вкраплениями, будто в королевской мантии.

Чармейн тоже нужно было перекинуться, но без поддержки мужа ей было страшно остаться в бездне сна навсегда.

Медлить нельзя, огонек в груди настойчиво зовет к себе. Она вспомнила легкость полета, протянула руки вверх и взмыла ввысь в птичьем обличье. Чармейн была крупной коричневой сойкой с яркими синими перьями у крыльев и черно белыми у хвоста. Она и ощущала себя такой — с одной стороны неприметной серой мышью, а с другой странной личностью, ни на кого не похожей.

Рядом радовался простору солнечный птенец. Чармейн, чувствуя всю тяжесть ответственности за него, начала беспокоиться. Контролировать сон невозможно, он любит свободу, а при попытках направить его в свое русло, делает все наоборот. Излишняя тревога Чармейн сбывалась — стоило подумать о потоке ветра, как ее тут же закружило дикой бурей, нахлынувшей из ниоткуда. Птенец судорожно пытался лететь подле мамы, Чармейн пронзительно кричала «пиррь-пиррь!», стараясь вырваться из пут непогоды. Их засасывало в самое жерло бури, вверх в налитую свинцом тучу.

Чармейн ушла в стремительный вираж вниз, но ветер подхватил ее под крылья и увлек обратно. Чем больше она трепыхалась, тем быстрее мчалась к гибели.

«Это сон, — напомнила себе она. — Мне нужно проснуться».

Нет, нужно совсем другое, подсказал внутренний огонек. Ты сильная, вспомни это!

Законы сна совсем другие. Чем быстрее стараешься убежать от преследователя во сне, тем больше вязнут ноги, а враг все ближе. Нужно наоборот, отпустить страх.

Чармейн выдохнула, пронзительные крики сменились чириканьем. Она прислушалась к внутреннему огоньку, ограждаясь от всего другого. Огонек пульсировал, звал к себе и Чармейн поддалась, сложила крылья, кинулась на зов, забыв о штормовом ветре. И буря с легкостью отпустила ее, рассосавшись. А может и не существовала никогда.

Чармейн ступила на землю, обернулась человеком. Погладила наполнившийся живот. Вдохнула воздух полной грудью. В нем явственно ощущался привкус гари.

Пожар.

Пожирающий деревья огонь, застилающий небо дым, дрожащий от жара душащий угаром воздух. Самый страшный кошмар леса. Самое главное дело лесничего.

Чармейн обернулась. В страшном пламени корчился скелет сосны в

три человеческих роста. Меж языков огня парили изящные саламандры, в веселом танце. Спинай плавник задорно вздернут, лапки раскинуты в сторону, раздвоенный язык то и дело высовывается, смакуя вкус жара. Огромные стволы секвой обхватом в дом высились меж очагов пламени, безучастные и вечные. Их ветви начинались намного выше крон сосен. Огонь для секвой был безопасен.

Горела сосновая роща. Сосны растут быстрее рыжих великанов секвой, заполняют все пространство меж мощных стволов, отбирают доступ к воде. Зато секвойи живут веками, обрастают толстой оболочкой из мягких и полых волокон, отлично защищающих от огня. За многие года своего существования они научились выживать и бороться с врагами. Юркие саламандры в ветвях секвой раз в несколько десятилетий устраивают пожар, чтобы сжечь захватчиков, благо сухие иголки сосен отлично горят. Ящерики веселятся, греются в благостном пламени, пришедшем посреди зимы. Им веселье, а вот лесу смертельная опасность.

Сосны должны выгореть, иначе секвойи умрут от недостатка воды. Но за черту рощи пламени нельзя дать перекинуться. Это дело лесничего.

У Чармейн дрожали руки, пока она обследовала содержимое котомки под рев пламени. На случай пожара на самом дне лежал специальный балахон, смоченный в особом растворе, охраняющий тело от жара, повязка на лицо, фильтрующая дым. Сама котомка превращалась в ведро. Все это подходит для робкого огонька, едва одолевшего три хворостинки, но никак не для ревущего инферно, объявшего целую рощу.

Чармейн не боялась за себя. Она может в любой момент обернуться птицей и улететь ввысь, прочь от столба дыма на пол неба. Только теперь, окинув взглядом сплошную стену гари, уходящую ввысь от горящих сосен, Чармейн поняла, что именно ее приняла за бурю в птичьем облике.

Она стояла маленькой букашкой против буйствующей стихией и не знала за что браться. Ее сердце бешено колотилось — напротив ярится самое главное испытание ее лесничества. Следует признаться самой себе, одержать победу невозможно. Стоило лишь чуток возгордиться, поверить в свои силы, как мироздание пригвоздило ее к месту. Чармейн больше не была спутана законами сна, но все равно чувствовала, будто ноги приросли к земле.

Чармейн тряхнула головой и побежала к реке. Наберет ведро воды, кинет в глотку пламени и обратно. Пустая трата времени? У Чармейн лучшей идеи пока что не было.

Подле реки стояла Кувшинка. Полностью одетая в парчу болотного цвета, пышную и блестящую, расходящуюся пышной волной из под броши

в виде лилии на груди. На голове венец из еловых веток с серебряными звездочками и ягодами брусники. Нежное бледное лицо, огромные зеленые глаза. Увидев Чармейн, Кувшинка жестом подозвала ее, забрала котомку из рук. Прошептала что-то над отверстием, затем ущипнула себя за предплечье, так, что слезы брызнули из глаз, а на бледной коже выступило красное пятно. Все слезы собрала в котомку, не переставая шептать. Подошла к реке, набрала оттуда воды. Вернулась и отдала в руки оторопевшей Чармейн.

Та кивнула и сорвалась обратно к роще секвой. Огонь ревел, в лицо била удушающая вола жара, в воздухе хлопьями летала гарь. Чармейн пригнулась к земле и вздохнула, затем выпрямилась и с размаху вылила воду на огоньки пламени, которые осмелились выбраться за пределы рощи.

Только вместо легкого пшика, из котомки забила мощная струя воды. Настолько мощная, что Чармейн не удержалась на ногах и хлопнулась плашмя назад, наблюдая за тугим фонтаном, рвущимся из рук. Вода взмыла вверх и с такой же силой хлынула вниз, прямо на Чармейн. Оглушила хлесткой пощечиной, залилась в ноздри, наполнила рот. Чармейн оказалась под жалящим водопадом, задохнулась, закашлялась, пытаясь избавиться от воды, но она не просто текла, а забивалась в нос и рот.

Посреди пожара, Чармейн умрет как утопленница.

Котомка не слушалась, прилипнув к рукам. Чармейн отвернулась от потока, теперь он падал прямо на ухо и это было невыносимо больно. Дышать она так и не могла, погребенная под водяной стеной. От недостатка воздуха перед глазами поплыли круги.

И тут чья-то рука с силой подняла ее на ноги. Поток воды вырывался из котомки с той же яростью, только теперь Чармейн со спины поддерживало сильное мужское тело.

Ее кисти, с усилием сдерживающие поток воды, накрыли сверху ладони с длинными пальцами и бледной кожей. В свое время она изучила на них каждую жилку, тогда они играли на ее теле как на лютне. Чармейн обернулась — ее обнимал Тейл в белоснежном сюртуке, сотканном из самой зимы с россыпью бриллиантов по плечам и на обшлаге рукавов. Он крепко сжимал ее, но в этих объятиях не было нежности. Тейл направлял струю воды из котомки в сторону пожара.

Чармейн попыталась вырваться, но Тейл шикнул на нее:

— Прекрати! Сейчас не время показывать норов. Ты чуть не выпустила огонь за черту.

Он был прав. Языки пламени перекинулись с горящих сосен через траву на старый поваленный ствол, обросший мхом и темным наростом

чаги. Пока Чармейн воевала с котомкой, пожар щупальцами растекался из сосновой рощи в поисках новой территории.

Тейл водил ее руками, водяная струя душила огонь, поднимая облако белого пара. Когда они закончили с поваленным стволом, то стали обходить рощу по часовой стрелке. Отдача от котомки все еще сильно была по груди и Чармейн не могла позволить себе отказаться от поддержки Тейла. Банально не хватало физической силы, она боялась, что взбесившаяся коробка ударит по ее животу. Тейл пока вел себя предельно корректно, он шептал и пел за ухом особенный наговор, не обращая внимания на Чармейн.

Эта тягучая заунывная песня из трех нот была предназначена саламандрам, которые слышав ее перебирали лапками подальше от Тейла в глубину пожара. Мелодия ощущалась прохладной как кусочек льда у щеки. Неудивительно, что саламандрам она пришлась не по душе.

Чармейн принялась подпевать, добавляя свой тонкий голос к его, делая напев еще холодней и звонче. Тейл одобрительно кивнул, его золотые волосы скользнули по ее оголенной шее. Она всегда ощущала его слишком остро, вот и сейчас вздрогнула от прикосновения.

Заунывное пение, медленное движение по часовой стрелке вокруг пожара, мерное биение струи воды, хлещущей из котомки, все это ввело Чармейн в транс. Разбило неподъемную ношу пожара на череду действий, которые оказались по силам. Ей стало легче на душе, она была благодарна Тейлу за его присутствие и поддержку. Может помогает входит в его обязанности перед лесом, но только она не привыкла видеть от него хорошее, поэтому запуталась в своих чувствах.

Его дыхание опаляло плечо, ее спина крепко прижималась к груди Тейла, Чармейн поразились чувству надежности, идущему от стальной хватки белых пальцев на ее руках.

Огонь все еще бушевал, но теперь его отделяла полоса демаркации: мокра дымящаяся зола шириной в десять человеческих шагов. Кстати вода всего лишь тушила успевшие убежать огоньки. Главную работу делал Тейл, отгоняя саламандр с периметра вглубь рощи.

Когда Чармейн совсем расслабилась и перестала ожидать от эльфа подвоха, он таки воспользовался ее невнимательностью. Отпустил ее руку, провел ладонью по животу, замер на выпуклости подле пупка, нежно погладил. От его руки шел жар, малыш сразу отозвался на него, сильно лягнулся, заявляя о своем существовании.

Ну уж нет! Этого она не позволит. Если Тейл почувствует своего сына, то никогда не откажется от него. Она забилась, пытаясь вырваться, но

оказалась запертой между котомкой и хваткой эльфа. Он все еще делал вид, что ничего не происходит, пел саламандрам о ледяной пещере и пушистых снежинках, смотрел мимо плеча Чармейн на пляшущие языки пламени.

А она все не сдавалась, старалась локтем ударить эльфа по ребрам, но тот не поддавался. Казавшиеся мгновение назад надежными объятья превратились в клетку. Ощувив свою власть Тейл всласть гладил ее живот, пытаясь словить движения ребенка. Чармейн все еще воевала с ним, боролась за свою свободу.

— Ты не позволишь мне и эти крохи? — хрипло спросил Тейл.

И Чармейн обмякла. Она чувствовала себя воровкой, отнявшей сына у отца. Пусть и неправильно, но в каком то смысле, все повернулось именно так.

Она промолчала в ответ, но перестала бороться, постаралась сосредоточиться на тушении пожара и не думать о его руке на своем животе. У нее стало лучше получаться управлять струей воды. Она направляла ее туда, где видела наиболее смелые очаги огня вне роции. Шипение, облако пара, затем провести струей из стороны в сторону, хорошенько намочить все вокруг. Можно идти дальше.

Тейл в последний раз провел ладонью по животу, прощаясь с малышом. Теперь он держал ее совсем по другому. Его пальцы поддерживали ее руки с нежностью, ощущение стальных тисков исчезло.

Чармейн поняла, что Тейл сдерживал в себе обиду и горечь от ее предательства. Разрыв нанес раны обоим, заставил реветь от злости и пытаться задеть обидчика.

— Спасибо, что помог мне, — прочистив горло сказала Чармейн. — Без тебя я бы не справилась.

— Это наш долг, — ровным голосом ответил Тейл. — Пожар собирает всех лесничих и фейри.

Чармейн замерла, пораженная догадкой:

— Всех фейри? Но я видела только тебя с Кувшинкой!

— Ты не видела всех.

Она не поверила последней фразе. Чармейн уже не была гостьей в волшебном лесу, наивной и доверчивой. За последние месяцы магия стала частью ее естества, а ребенок только помог чувствам обостриться. Если за это время она встретила только Кувшинку и Тейла, значит из всех фейри остались только они одни.

А еще, подсказал тоненький голосок в голове, значит таинственный эльф, который проверяет пещеру у полога и не дает Юстасу вернуться обратно это Тейл. Вот отец обрадуется новости! Именно ради этого

Чармейн заслали стать женой лесничего. Наверное лицо отца засветится и он посмотрит на нее с одобрением и гордостью, когда она поделится своей догадкой.

И что тогда? Он, наверное, благословит ее придумать план, чтобы настырный фейри исчез.

Лес...

Без лесничего в Ахтхольме, Чармейн стала слишком значимой фигурой. Лес не сможет отказаться от ее услуг, а Хозяину леса ничего не останется как простить Чармейн.

Мысли полились совсем не в ту сторону. Она не собирается делиться с родителями никакой информацией, да и к Тейлу ненависть выцвела от времени. Достаточно того, что своего ребенка он будет наблюдать издалека. Он наказан достаточно.

И все же. Интересно, почему фейри осталось так мало? Связано ли это с увяданием Ахтхольма? Следует отметить, что Вирхольм процветает как ни в чем не бывало. Может волшебство Хозяина леса слабеет со временем?

Чармейн слишком мало понимает в маленьком пространстве, очерченном пологом. И что странно, чем лучше она узнает окружающий мир, тем больше вопросов возникает.

Между тем они все шли по часовой стрелке вокруг роци секвой, оставляя после себя мокрую полосу безопасности. Тейл теперь поддерживал Чармейн со спины и не давал устать ее рукам, держащим котомку. Саламандры недовольно виляли хвостом, услышав пение Тейла, изрыгали синее пламя и скрывались в огненной геене. Платье и лицо Чармейн покрылось копотью, не будь она мокрой с головы до ног из-за неожиданного купания, волосы и брови уже начали бы дымиться. И все же она была уверена, что они справятся с пожаром.

И тут впереди она увидела бредущего навстречу, Дэмиена. Заметно припадая на больную ногу, он сражался с котомкой, из которой хлестала вода. Мышцы на руках бугрились, на лице застыло выражение сосредоточенности на непосильной задаче.

Он заметил поток воды, тушащий пожар, затем поднял взгляд на нее саму. На мгновение его взгляд потеплел, встретившись с глазами Чармейн. А потом увидел, как Тейл стоит позади его жены, полу обнимая, в жесте заботы и поддержки.

Дэмиен разом весь потух, будто колесо времени повернулось назад и они оба вновь оказались в том моменте, когда Дэмиен вошел в хижину, а Чармейн раскачивалась взад вперед, закутанная в белую простынь.

Взбесившийся поток в его руках хлестнул в землю, отдача ударила

Дэмиена в грудь. Тот от неожиданности оступился, упал спиной назад, выпустив из рук коробку. Котомка закрутилась на месте обливая все вокруг. Тейл одним движением схватил Чармейн в охапку и прислонил к ближайшему дереву. Затем бросился к Дэмиену и помог тому встать на ноги.

Чармейн стояла, залившись румянцем, и думала, что из этой истории не удастся выйти чистой. Она еще причинит обоим мужчинам не мало горя. Потому что из одной любви нельзя бросаться в другую, как в омут с головой. Дэмиен не инструмент для излечения раненного сердца.

Она не может просить у Дэмиена полюбить ребенка и позволять Тейлу гладить беременный живот. Ей нужно выбрать. И принять ответственность за боль, которую причинит любое ее решение.

Хотя какой выбор? Чармейн была пришпилена отдачей котомки к стволу дерева, но если бы могла, она бы подошла к Дэмиену, провела бы ладонью по его щекам, прижалась бы губами к губам. Она рассеяла бы сомнения, показала бы всю силу любви. А Тейл? Прекрасный лесной принц может тратить на нее монетки своей учтивости, но все зря. Сына она не отдаст. Пусть делает нового с очередной городской дурочкой. Кстати в Ахтхольме их не мало, непонятно, почему Тейл искал себе жертву в Вирхольме.

Дэмиен вскочил на ноги, подобрал котомку и после небольшого сражения справился с ней и пошел дальше. А Чармейн поняла, что больше не желает поддержки эльфа. Она разозлилась, и вдруг вспомнила, что на самом деле стала очень сильна. А раз так ей не составит труда делать все самой. И только эта мысль появилась в сознании, как вдруг напор воды стал слабее и Чармейн с легкостью шагнула прочь от дерева.

— Удачи, любимый! — крикнула она, преодолевая шум потока.

— Храни себя, Чармейн! — Дэмиен повернулся к Тейлу и резко сказал — Что же ты стоишь? Помоги ей!

Тейл внимательно посмотрел на Дэмиена, безмолвно кивнул, грустно улыбнулся и шагнул к Чармейн.

— Я пойду в вашу сторону, а вы в мою. Скоро опять встретимся, — на прощание сказал Дэмиен.

Чармейн так и не дала Тейлу вновь обнять ее. Он шел рядом, пел свою песню, всем видом показывая, что готов помочь как только Чарм устанет. Но та не обращала на него внимания. Она пыталась понять, как заставить поток слушаться. Запела ему песню, в чем-то похожую на зимний напев для саламандры, но с добавлением размеренного ритма широко разлившейся реки. Струя из котомки стала толще, сбавила сумасшедший напор и

тихонько зажурчала. Теперь идти стало намного легче. Чармейн не могла дождаться Дэмиена, чтобы облегчить работу и ему.

Она не выдержала молчания и спросила:

— Скажи мне, почему вас стало меньше?

— Я тоже задаюсь этим вопросом почти каждый день. Почему? В Чем мы провинились перед Хозяином леса? Знаешь, Чармейн, не обязательно убивать врага, чтобы одержать победу. Забери все яйца из муравейника, через пару лет от него ничего не останется, будто выжгли начисто. Мы вымираем, Чармейн. Поэтому мне так нужен мой ребенок. Как воздух.

— Ты наконец начал говорить правду.

Тейл в ответ покачал головой.

— Ты начала задавать правильные вопросы.

— Хозяин леса не враг вам...

— Раньше мы были его любимыми детьми. Отец рассказывал, что встречал Хозяина леса в человеческом облике и заводил с ним беседу. Ныне мы подобной милости лишены. Она вся перетекла к вам.

Тейл говорил ровным голосом, только в конце сорвался на фальцет. Вот оказывается, что гложет его, не давая покоя. Зависть к более удачливым соперникам за звания фаворита Хозяина леса. Людям дано то, в чем феири отказано.

— Вот в чем причина!

— О чем ты говоришь?

— Я была нежна и податлива, просто мажь меня на хлеб. Ты был центром моего мироздания. Я все не могла понять, зачем тебе понадобилось оскорблять и унижать меня. Теперь все ясно. У вас разлад с Хозяином леса, а виновата я...

— Вы, люди, отвыкли слышать правду. Превыше всего вы цените ложь, в которой, кстати, тебе нет равных. Понравилось утаивать от мужа любовь к другому?

Чармейн вспыхнула и чуть не поддалась соблазну облить наглого эльфа с ног до головы.

— Это все в прошлом.

— Неужели? Значит Дэмиен знает о том, что твой брат пытается проникнуть обратно в лес через пещеру обмена?

— А почему ты не пускаешь его?

— Милейшего Юстаса? Будешь просить за него? Может и договоримся.

Чармейн представила какую цену эльф попросит за брата. Нет, лучше не быть у Тейла в долгу.

— Юстас заслужил свое изгнание. Он слишком легко относился к чужой боли. Кстати, не он один этим грешит...

— Ты права. Сестра не далеко ушла от брата.

— Я имею ввиду тебя, Тейл. Почему Юстас был изгнан после изнасилования, а ты все еще тут?

— Забываешься, Чармейн. Ты моя суженная, по собственному согласию. Пока не сшила рубашку, не сделав ни единого надреза, без нитки и иголки.

— Знаешь, мой король, не только люди не выносят правды, — Чармейн глубоко вздохнула и сказала. — Я в твоей помощи больше не нуждаюсь. Нет необходимости меня сопровождать. Сделай милость, исчезни, как у тебя здорово получалось в последние месяцы.

— По хорошему — кусаешься, по плохому — ноешь. Невозможная женщина. Пойми, хамство не пройдет для тебя бесследно. Я уйду, когда сам решу, и ни на мгновение раньше.

— Как пожелаешь.

Пожар смирно горел в строго очерченном периметре. Тейл молчал, то и дело поглядывая на Чармейн. Она делала вид, что не замечает этих взглядов.

Они встретили Дэмиена во второй раз, он еле брел, сражаясь со струей воды. Чармейн напела его котомке спокойную мелодию, поток ослаб и мирно зажурчал. Дэмиен устало потер плечо, благодарно улыбнулся. Он был весь покрыт копотью, Чармейн провела рукой по лбу мужа — ладонь стала черной от сажи. Наверное, она сама вся похожа на чертенка из преисподней. И воздух пропитался гарью. Дышалось ей легко, но это потому что прохладная песня очищала легкие.

— Ты можешь избавить меня от него? — прошептала Чармейн на ухо мужу.

— Тейл не вещь, Чармейн, которую можно выбросить за ненадобностью.

— Я совсем не это хотела сказать, — она смутилась, потеряла загоревшиеся алым щеки. Дэмиен пристыдил за дело.

— Как ты, бельчонок? Устала? Дай мне свою котомку, посиди немного под деревом.

— Нет-нет, я в порядке.

Им было неуютно говорить в присутствии постороннего. Тейл жадно ловил каждое слово. Пусть он излучал безучастность, но Чармейн была готова поставить изумрудное ожерелье на то, что Тейл пылает от ревности. Пусть чувства Дэмиена для Чармейн значили больше, чем раненная

гордость эльфа, но и продемонстрировать привязанность к мужу казалось... низким?

Дэмиен заставил ее перекусить немного и напиться воды. Когда Чармейн вгрызлась в яблоко, то поняла, что по настоящему голодна. Как Дэмиен угадал?

Они начали третий круг вокруг горящей рощи. Солнце клонилось к горизонту, пол неба отхватил черный дым, другая половина окрасилась в цвет роз и багрянца. Серые тучи со стороны заходящего солнца обрели сияющий золотом край.

— Тейл, послушай, мне надоело притворство.

— Хорошее начало, продолжай.

— Я не отдам тебе ребенка.

— Я знаю.

Чармейн судорожно вздохнула и, набравшись смелости спросила:

— Значит, ты отберешь его у меня?

— Разве я могу? — Тейл развел руками в стороны. — Мои руки связаны древней клятвой.

— И все же, я чувствую, ты недоговариваешь.

— Позволь сохранить мои тайны.

Тейл отвесил в ее сторону шуточный поклон и не прощаясь исчез среди деревьев. Чармейн осталась судорожно вспоминать из разговор, стараясь понять что она упустила. Фейри постараются забрать ее ребенка. Только как?

Ах если бы она была умнее и смогла бы разгадать намерения светловолосого фейри! У кого бы узнать о фейри побольше? Хоть в Ахтхольм иди за слухами.

Чармейн была готова и на это. На что угодно, лишь бы выведать подробности, какая клятва сдерживает фейри и есть ли способ ее обойти.

Она побрела вокруг пожара в одиночку, ноги гудели от усталости. Замкнутое в периметре пламя понемногу выдыхалось. Огонь до небес сменился пепелищем. Тут и там все еще тлели мощные стволы. Чармейн поливала их на автомате.

Солнце опустилось за горизонт. Лиловые сумерки сменила бархатная ночь. Звезды казались особенно ярким, мерцали и перемигивались. Чармейн опять показалось, что она парит между ними в белой колеснице, запряженной лебедями. Она устала до одури, сознание совсем поплыло. И малыша она в последний час не чувствовала.

Ее охватило отчаяние. Все напрасно, она не выдержит лесничества, а когда родит, сына отберут и унесут куда-нибудь под холм. И будет она

бродить привидением по лесу причитать и звать сыночка. Просить о милости Хозяина леса, но он не ответит.

Чармейн на мгновение воспарила над собственным телом, пролетела над колесом временем и увидела себя со стороны в будущем. Спутанные волосы, бледное лицо с красным носом, полосы слез на щеках. Бредет, спотыкается о коряги. Глаза безумные, губы шепчут «Ветерок, Ветерок». Так будут звать ее сына.

Украли ребенка... Фейри украли...

Ее выбросили из забыться сильные руки Дэмиена. Он тряс Чармейн, а когда та очнулась поил кристально чистой водой, поил до тех пор, пока малыш в ее утробе вновь не зашевелился. Потом муж обнял ее, прижал к себе и долго гладил по голове, перебирал покрытые копотью волосы и шептал о том, как беспокоился о ней.

— Мы вернемся домой, а завтра же с самого утра пойдем искать нового лесничего. Давно пора, Чармейн, тш-ш-ш... — он пресек ее попытку протестовать. — Я знаю, что ты сильная и все можешь, но подумай о ребенке. Ты уже не одна, тебе нужно научиться заботиться о нем, ставить его превыше нужд леса, превыше меня.

Она зарылась носом в его шею, дышала его запахом, забралась руками под рубашку и гладила напряженную спину, пока он не расслабился и не нашел ее губы своими. И ей было так хорошо в его сильных объятиях, наслаждаться мягкостью его губ, чувствовать себя защищенной.

Но передышка не могла долго длиться. Вода текла из котомок, требовала найти себе применение. Дэмиен закутал Чармейн в свою одежду, дал ей в руки промокшую саламандру, мелко дрожащую от потрясения. Она наверное отстала от своих товаров и не смогла спрятаться в верхних ветвях секвойи. Саламандра была теплая и светилась как осенний кленовый лист — вся желтая как одуванчик с алыми прожилками. Она свернулась у Чармейн на груди. Грела сыто, размеренно, уставшая от устроенного сегодня великого пожара и даже, кажется, мурлыкала как разомлевшая кошка. Чармейн гладила ее по узорчатой спинке, пела колыбельную. Малыш в такт брыкался в животе.

Чармейн ни на что бы не променяла эти мгновения. Ни на что.

Глава 10

Глава 10

Нового лесничего следовало искать в Вирхольме. Так подсказывала интуиция, а лесничие привыкли ей следовать. После пожара лес дал им обоим отдохнуть и они решили не откладывать больше как воздух нужное дело.

Чармейн не хотелось возвращаться в город. Она боялась остаться один на один с отцом. Он сразу задаст интересующий ее вопрос и каким то шестым чувством сможет распознать любую ложь. Что ж, если она не хочет причинить Тейлу вред, придется придумать убедительную ложь.

Чармейн вспомнила свое видение в ночь пожара. Фейри заберут ребенка и она будет ходить по лесу неприкаянной тенью. Чармейн инстинктивно погладила живот. Все в ней кричало, что следует защитить малыша любой ценой. И все же она не могла предать Тейла.

Запутавшись в клубке противоречивых желаний, Чармейн решила все рассказать мужу.

Перед тем, как вышли из дома, она прижала Демиена к стене и шепотом на ухо во всем призналась. Про письмо Юстаса, про задание отца, про оружие. Ничего не утаила. Говорила быстро, все боялась, что фейри подслушивают.

— Должен признаться, твой брат мне никогда не нравился, — нахмурился Дэмиен.

— А обо всем остальном? Что мне делать?

— Что хочешь ты сама?

— Быть в безопасности, — Чармейн накрыла рукою живот, ограждая малыша.

— Страх плохой советчик, Чармейн. Ты рассказала мне не слишком приятные новости. До сих пор я был спокоен за благоразумных Вирхольмцев. Но если они собираются открыть полог и разжиться оружием... Боюсь город опустеет. Хозяин леса не будет терпеть насилия. Людское племя он лишь терпит в довесок к лесу.

— Не правда это, Дэмиен! Ты научил меня прежде всего доверять своим чувствам, а не чужим словам. Я никогда не видела Хозяина леса, но научилась угадывать его желания. Он одинаково любит все живое, включая людей.

— Нам тяжело расстаться с чувством собственной исключительности, но помни: люди по своей природе — хищники. Хозяин леса относится к нам с долей подозрительности. Дай волю и мы изничтожим лес, не мучаясь угрызениями совести.

— Ты так и не ответил. Что нам делать?

— Пусть духовая трубка лежит, где лежала. Чувствую грядут большие перемены, которые мы не в силах предотвратить. Поверь, Хозяин леса знает об оружии. В отношении же твоей семьи... Если хочешь избежать разговора с отцом, то не оставлю тебя ни на минутку в одиночестве. Хотя следовало бы получше разузнать намерения мэра.

— Ты прав, я не думала об этом. Пусть лучше отец считает меня дурочкой, а я постараюсь узнать что же еще они добывают из-за завесы.

— Будь осторожна, белочка. Твой отец слишком умен и он умеет собирать информацию по клочкам. А уж воспользоваться ею... Понимаешь, милая, если это правда, если Кувшинка и Тейл — последние из фейри, то нарушить равновесие легче легкого.

— Не будет Тейла — не будет и дикой охоты... Юстас вернется, почувствует себя безнаказанным и не только он.

— Правильно мыслишь, Чармейн. И тогда не знаю, что решит Хозяин леса. Может он вышвырнет весь Вирхольм за черту, а может и вовсе исчезнет в неизвестном направлении.

Жить в мире за чертой? Чармейн представила стальные дороги и пыхтящих чудищ, которых упоминал Юстас в письме. Хотелось бы увидеть их... Но жить без огонька под ребрами, не летать, не гладить саламандр! Нет, она не готова отказаться от сказки.

Какой бы ни был мир за чертой, факты говорят сами за себя — Юстас не захотел в нем оставаться. Будь там действительно хорошо, брат не рвался бы обратно с маниакальным упорством.

В Вирхольме они сперва заскочили в матери Дэмиена. Она оценила выдающийся живот Чармейн, очень трогательно ухаживала за невесткой. Принесла под ноги пуф, на спинку стула под спину подложила подушку. Чармейн в первый раз за последний месяц было по настоящему удобно. Она расслабилась, с удовольствием пила отвар в прикуску с медовым печеньем.

Дэмиен сидел за столом с матерью и рассказывал новости. Чармейн отметила, как муж по особому улыбается, докладывая об ее успехах. Глаза горят гордостью, а в брошенном на нее взгляде читается желание. И мать Дэмиена вся светится, рассматривая сына.

— Какой ты красавец без бороды, Дэмиен. Я уж забыла как твое лицо выглядит, — она провела узловатыми пальцами старого человека по его смоляным волосам. — Хорошо жена за тобою смотрит, я ей очень благодарна.

Чармейн отсалютовала чашкой, откинулась на кресле. Как же хорошо! О делах совсем думать не хочется. Как и идти к родителям.

Дэмиен без бороды выглядел моложе. Ему и не дашь тридцати. Даже сейчас, уставший от марафона заданий, он выглядел лет на двадцать пять. Кожа гладкая без морщин, волосы густые, мощный разворот плеч и длинные ноги. Есть на что полюбоваться. Недаром Дэмиен нравился ей еще в отрочестве.

Чармейн допила отвар, а Дэмиен между делом успел достать гостинцы для матери и собрать заново в котомку разные вкусности.

— А ты, что скажешь, матушка? Кто подойдет на роль лесничего?

— Даже не знаю, милый. У нас много хороших мальчиков. Ирвайн иногда приходит мне помогать, все спрашивает про тебя и про лес, — посмотрев на Чармейн она добавила. — И девочки есть смелые.

— Соберем всех на площади сегодня к шести. Ночевать не останемся, лес ждет.

— Как же Ахтхольм справляется, без лесничего-то?

— Лучше, чем прежде, матушка, — ответила Чармейн. — Или вы своего сына не знаете?

Откладывать больше визит к мэру города не представлялось возможным. Чармейн с неохотой вылезла из удобного кресла, от все души поцеловала хрупкую седую женщину. Дэмиен крепко обнял мать. В первый раз она смотрела на него со спокойной уверенностью, вместо обычной тревоги. Передала в надежные руки...

Чармейн смотрела на каменный дом, в котором выросла. Дубовую дверь украшал зеленый веночек с золочеными шишками. Окно на втором этаже, где была ее комната, закрыто наглухо. Белые занавеси с вышитыми листьями плотно задернуты. Чармейн больше не считала это здание своим домом. Оно выглядело красивым, роскошным, но совершенно чужим.

Родители Чармейн открыли дверь при их появлении. Отец выглядел представительно в сюртуке из черного бархата обшитый серебряным галуном. Мать одета в традиционное зеленое платье с кружевной шалью. Оба уважительно поклонились чете лесничих и пригласили внутрь.

Ее родители всегда умели создавать видимость. Самой дружной четы, самой влиятельной, с ангелочками детьми, целых двое, как особый дар леса. Несомненно достойны стоять в голове Вирхольма. Вот и Чармейн

учили с детства притворяться. Тем больше она ценила искренность мужа.

Мать старалась казаться радушной. Для них вновь выставили отвар, вкуснейшую выпечку, только оба пришли сытыми и ни к чему не притронулись. Чармейн прочитала в глазах матери обиду и спешно взяла пирожное. Как всегда воздушное, со сладким кремом, вкус детства. Это пирожное словно втокнуло ее обратно в дом. Пахло знакомо, мерно тикали большие часы с грузиками и кукушкой. Родители перестали казаться чужими. Да они не столь уж и плохи, не стоит смотреть на них с юношеским максимализмом. Чармейн она тоже наделает кучу ошибок со своим сыном. Если только ей удастся его удержать.

Отец сидел рядом, такой сильный, такой надежный. Стоит пожаловаться ему и он решит все проблемы... Стоп, Чармейн! Помни о цене...

Дэмиен между тем сухо и по делу рассказал о проблеме Ахтхольма. Оказывается через своих людей папа бы уже обо всем осведомлён.

— Ахтхольмцы уже давно заказывают из-за черты не книги и материалы, а зерно. Глупцы! Не понимаю, почему мы должны отдавать одного из своих. Вы проверили Ахтхольм на нового лесничего?

— Он тут, я уверен в этом, — твердо ответил Дэмиен.

— И все же Ахтхольм должен отвечать за свои ошибки.

— Я сейчас отвечаю за всех вас. Если я правильно понял, вы не желаете предоставить нам возможность выбрать нового лесничего из числа Вирхольмцев. Подумайте на минутку о дочери. Отсутствие лесничего сказывается в первую очередь на ней. Она взяла на себя лишнюю ответственность.

— Дэмиен, мой мальчик, не кипятись. Уверен мы найдем решение, которое будет устраивать нас обоих. Я не враг тебе. Вспомни, как горевала матушка, когда лес выбрал тебя в служащие.

Строгий обычно отец ласково улыбался Дэмиену, даже протянул руку и положил тому на колено в успокаивающем жесте.

— Мы рады отдать дань лесу согласно договору, но ты сейчас просишь меня об одолжении, в договоре не прописанном.

— Чего вы хотите? — буркнул Дэмиен.

— Как и всякий любящий отец, я бы хотел почаще видеть дочь. Особенно после рождения ребенка. Если выберешь нового лесничего, подумай, может стоит отправить жену в родительский дом ближе к сроку, чтобы она не рожала одна в лесу. У нас она получит бережный уход и лучших врачей. И твоя матушка сможет помочь с внуком или внучкой.

— Это хорошая идея, — протянул Дэмиен.

— Ни в коем случае! — одновременно подала голос Чармейн. — Я буду рожать в лесу. Так надо!

На самом деле ей очень хотелось поддержки матери. Роды пугали ее, и, конечно, спрятаться от фейри в Вирхольме было бы лучшим выходом.

Но!

Ее сын не родится человеком. Чармейн будет скрывать его от родных так долго, как только сможет. Показать придется, но только когда она окрепнет, а он из беспомощного комочка превратится в розовощекого малыша. Хотя матери Дэмиена она не сможет посмотреть в глаза никогда.

Отец сказал:

— Прекрати говорить глупости, Чармейн!

Дэмиен сжал руку жены и процедил:

— Женщина вправе сама решать, где она чувствует себя в безопасности для родов. В данном случае, я соглашусь с ней. В лесу я смогу защитить ее от осложнений, с которыми не справится и лучший врач Вирхольма.

Чармейн с благодарностью прильнула к плечу мужа.

Отец встал и нервно заходил по комнате.

— Ты разбиваешь нам сердце, — сказала мать. — Мы только и мечтаем подержать в руках внука. С тех пор как я лишилась сына, то ничего так не хотела. Если ты хоть капельку любишь меня...

— Мама...

— Мы вас услышали, — остановил их Дэмиен. — И должны спросить решения у Хозяина леса.

На этот аргумент не нашлось ответа и отец поджал губы, подыскивая, чтобы попросить взамен. Чармейн по своему жалела его, и совсем запуталась, стараясь найти наилучшее решение. Проблема в том, что она не доверяла родителям. Сейчас они выглядели искренне заинтересованными во внуке, но стоит ему не оправдать их ожиданий... Допустим, родиться с хвостом. Узнать бы, как они поступят тогда! Отец может быть жестоким...

На улице прогремел гром и внезапно сплошной стеной пошел проливной ливень.

— Теперь мы не сможем собрать молодежь на площади, — довольно сообщил отец.

— Пусть ждут нас в церкви. Необходимо выбрать лесничего сегодня.

— Дэмиен, не легче ли переждать грозу? Присядьте, согрейтесь у камина.

— В лесу был пожар, — пояснил Дэмиен. — Дождь будет идти пока не потухнет последняя головешка. Нет смысла ждать.

— Я больше не буду спорить. Вы, наши хранители и ваша воля мой закон, а не наоборот, — сказал отец и Дэмиен с облегчением улыбнулся.

Чармейн внимательно наблюдала за отцом со стороны. Она хотела тоже выучиться проигрывать с достоинством. Дэмиен доволен, что настоял на своем, но оба знают — за лесничим должок мэру Вирхольма. Отец еще свое требует.

Через час они уже стояли пот стрельчатыми сводами церкви. За цветными витражами шумел дождь, по церкви гулял сквозняк и люди плотнее запахивали шали и куртки.

Дэмиен и Чармейн стояли напротив молодых людей Вирхольма, расположившихся на передних деревянных скамьях. На задних молча наблюдали за выбором родители. Зал церкви спешно украсили еловыми ветвями, пахло шишками и воском от горящих свечей.

— Что мы должны сделать? — шепотом спросила Чармейн.

— Смотри внимательно, — сказал Дэмиен.

В Вирхольме жило десять тысяч человек. Каждый год рождалось триста детей. Чуть больше, если кто-то уходил за черту, почти никогда не меньше. Численность Вирхольма не менялась уже сотни лет. Город находился в абсолютном равновесии. В лесничие могли подойти молодые люди в возрасте от пятнадцати до тридцати лет. Чармейн прикинула на глаз — тысяча человек, из которых следовало выбрать одного подходящего. В церкви было не протолкнуться и все же царила тишина, можно было слышать мерный гул капель дождя на стеклах.

Почти всех Чармейн знала довольно хорошо, если не по личному знакомству, то по многочисленным сплетням. Город маленький, люди знают друг про друга всю подноготную. Кого она должна выбрать? Тех, кто проявляли склонность уважать природу, или брать в расчет личные качества?

Сквозь открытые двери влетела черная тень. Сделала вираж под потолком и села черным вороном Чармейн на руку. На голове у птицы было два золотых пера на висках.

Кто это? Одно из облиций Хозяина леса? Но по холодному блеску глаз птицы, по тому как по хозяйски черные коготки впились в руку Чармейн угадала Тейла. А золотые перья символизируют корону, значит. Ну-ну.

Вирхольмцы тоже оценили появление крупного ворона. На передних рядах молодые замерли под пристальным взглядом черных бусинок глаз, сзади родители перешептывались, решая на кого посмотрела птица.

Дэмиен сделал Чармейн знак рукой и она принялась медленно ходить между рядов.

Поначалу Чармейн нервничала — она так и не поговорила с Дэмиеной и не знала, какие признаки искать в возможном претенденте. Полагаться на выбор Тейла не хотелось. Чармейн боялась ошибиться, и все же она хотела иметь право голоса.

В первом ряду сидел названный матерью Демиена, Ирвайн. Смотрел широко распахнутыми глазами из под непослушной челки и всем сердцем желал, чтобы выбрали его. Чармейн остановилась напротив Ирвайна, уже повернулась подозвать Дэмиена, как паренек опустил взгляд.

«Не может оставить мать, — поняла Чармейн. — У нее болит спина в холодную погоду и не кому кроме него помочь по дому.»

Кто-то планировал уйти за черту когда вырастет, другой слишком увлекался ювелирным делом, третий мечтал стать целителем, а не лесничим.

Большинство детей в Вирхольме росли в любви и довольстве. Семьи, подобные Чармейн, где к детям относились не слишком хорошо, были скорей исключением из правил. Вирхольмцы отличались добродушием. Чармейн всегда считала себя отделенной прозрачной стеной от веселящихся друзей. А теперь они сидели притихшие на своих скамьях, наблюдали за ней одними глазами. Ждали приговора. И преграды между ними больше не было. Чармейн сердцем слышала их желания и помыслы.

«Прости, Хелена, ты хочешь стать лесничей, но слишком привыкла к домашним удобствам.»

«Нет Вард, ты давно влюблен в Эрику. Почему до сих пор не разобрались не знаю, она с тебя глаз не сводит.»

Чармейн как в трансе шла между рядами. Ворон спокойно сидел на ее руке. Ни разу не встрепенулся, не подал знака пронзительным карканьем. Чармейн посадила его себе на плечо — рука стала затекать.

Новый ряд, пузырьками плывет по крови надежда найти в нем будущего лесничего. И пустота. Ни один не подходит. Каждый по своим причинам.

Чармейн и Дэмиен встретились далеко у заднего ряда. Прочитали во взгляде друг друга разочарование. Не может быть, чтобы они вернулись без никого.

— Плохо смотрели, — сказала Чармейн.

— Можно проверить еще раз.

Дэмиен подошел к мэру, попросил составить список всех, кто по какой либо причине в церковь прийти не смог.

Второй обход кончился с тем же результатом. У Чармейн гудели ноги, голова болела от обилия чужих желаний. Ворон первый показал, как ему

надоело тратить свое драгоценное время. Взмыл в воздух, сделал круг по церкви и вылетел через открытое окно.

— Переночуйте у нас, завтра попробуйте вновь, — предложил отец.

Чармейн глянула на улицу. Дождь прекратился так же внезапно как и начался. Солнце золотило небо последними лучами. Если выйдут сейчас, то успеют к ночи добраться до хижины.

— Лес ждет нас, — коротко сказал Дэмиен. — Я выберусь в следующий раз сам. Дам знать о приходе по шесту на нашей поляне. Прошу собрать всех вновь, включая отсутствующих.

— Будет сделано, — отец коротко кивнул Дэмиену и направился к алтарю, чтобы объяснить Вирхольмцам происшедшее.

Чармейн и Дэмиен молча вышли на улицу и, больше не заглядывая никуда, направились домой.

— Может не стоит огорчаться? — робко сказала Чармейн. — Может так предначертано и лес обо всем позаботится?

— Милая, — серьезно сказал Дэмиен. — Ты лесничая и моя ученица, поэтому не буду подслащивать пилюлю. Лес требует ухода и он свое возьмет. Любой ценой. Не очеловечивай его, не превращай в божество. Ошибка будет многого стоить.

— Я поняла, — прошептала Чармейн и между ними воцарилась тишина.

Совсем скоро она станет тяжелой и неуклюжей, вся ноша ухода за волшебным лесом ляжет на Дэмиена. А значит, она останется в хижине одна. И будет рожать одна.

Невеселая перспектива. Роды это страх и боль. А еще смертельная опасность. Чармейн поежилась.

Солнце клонилось к горизонту, им следовало спешить. Дэмиен от досады шагал быстро, Чармейн еле поспешала за ним.

За городом на дороге они увидели одинокую фигуру. Молодая девушка возвращалась со стороны полей, в руках корзина полная ягод калины и брусники. Чармейн узнала Милисент. Какая жалость, что и в этот раз не удастся с ней поговорить и разузнать о Юстасе. Им нужно дойти домой до крошечной зимней тьмы.

Милисент остановилась, поджидая лесничих. Приветственно кивнула, внимательно разглядывая Чармейн, особым вниманием оделила живот. На него все в Вирхольме засматривались и расплывались в улыбке. А Милисент смотрела с затаенной тоской.

Чармейн сделала знак мужу и помахала Милисент.

— Добрый вечер.

— И вам того же. Уже обратно в лес? — спросила Милисент и наклонила черную головку.

«Вот бы мне жить среди вековых деревьев и ничего не бояться!»

— Подожди, Дэмиен... — сказала Чармейн, но муж уже сам остановился, разглядывая Милисент.

Стройная миниатюрная девушка с черной гривой и неестественно белой кожей, с темными кругами под глазами. Пугливая как олененок. Тоже всю жизнь сторонилась людских сборищ. Считалась странной. Юстасу не составило труда убедить Вирхольмцев, что Милисент все придумала.

Слишком слаба, чтобы стать лесничей. Худенькая как пруттик, от дуновения ветра сломается.

С ближайшего дуба сорвался ворон, на лету пронзительно каркая. Уселся на придорожном камне, уставился на Милисент, посверкивая золотыми перьями на висках.

Милисент перевела на него внимательный взгляд. Плавным движением сняла корзину с руки и подвинула к ворону.

— Ешь, не стесняйся.

Красная калина, черные перья ворона, белый снег. Мир поплыл, Чармейн показалось, что этот самый момент уже был когда-то и теперь повторяется, исполняя древнее пророчество.

Милисент присела на колени перед вороном, тот проигнорировал ягоды и перелетел прямо на предплечье девушки. Она не испугалась, зачарованно смотрела на крупную птицу. Освободила тонкую кисть от варежки и стала гладить перья на груди ворона.

Дэмиен облегченно вздохнул, повернулся к Чармейн и крепко обнял жену. Поцеловал в висок, погладил живот.

— Она? — коротко спросил, проверяя ее мнение.

Чармейн кивнула, а потом подтвердила вслух:

— Она. Лесничая.

Милисент что-то шептала птице, замороженная гордой посадкой головы и умным взглядом.

Дэмиен кашлянул привлекая ее внимание.

— Милисент, хотела бы ты отправиться с нами?

Она медленно повернулась и по выражению лица девушки, Чармейн поняла как сильно она ждала услышать эти слова.

— Мне разрешается зайти в лес?

— И не только зайти, стать лесничей. Ты можешь посоветоваться с отцом, подумать как следует...

— Нет, нечего думать. Я согласна. Уйти в лес единственный выход.

Дэмиен и Чармейн молча переглянулись. Девушка не простая, но учитывая ее прошлое, следовало ожидать непростой характер. Главное, согласие получено, можно вычеркнуть из списка повод для беспокойства.

— Милисент, — сказал Дэмиен. — Некуда спешить. Возвращайся домой, собери вещи, расскажи отцу о новостях. Я приду завтра с самого утра.

— Хорошо, — покладисто согласилась Милисент, опустив взгляд.

Ворон каркнул, нетерпеливо подпрыгнул на месте.

— Нам пора, — сказала Чармейн. — Ничего не бойся, ты всему научишься постепенно.

— Я боюсь одного: что завтра вы позабудете обо мне.

Чармейн засмеялась.

— Нет Милисент, все определено. Если и откажешься, то только по собственному желанию.

Глава 11

Глава 11

С самым рассветом Дэмиен направился за Милисент. Чармейн осталась в доме одна. Пока не поступило новое задание следовало переделать домашние обязанности.

В беременности наступает момент, когда в голове щелкает выключатель, и казавшиеся второстепенными мелочи приобретают вселенскую важность. Чармейн повязала платком голову, вооружилась шваброй и осматривала хижину, прикидывая, как бы сделать ее более уютной.

Паутина с потолка сметена, на полках блестит череда вычищенных горшочков и тарелок. Половик жестоко выбит, лежит чистенький у входа. На столе вышитая красными цветами скатерть. Чистота и уют.

Но столько всего еще не переделано! Нужна колыбельная, следует достать десяток пеленок, заняться одежкой для малыша... Он уже не мифическая вероятность, а живой, бьющийся внутри, желанный мальчишка.

О, как Чармейн его хотела! Целовать маленькие пальчики на ножках, петь песенки, прижимать к себе теплое тельце. Она будет любить его, дарить заботу и нежность. Он никогда не будет нуждаться в материнской любви. Той будет через край.

Ближе к полудню вернулся Дэмиен в сопровождении Милисент. Она переступила через порог, откинула капюшон дав черным волосам рассыпаться по спине. На лице читался чистый восторг. Девушка ошалевшими глазами смотрела по сторонам, стараясь впитать как можно больше.

Дэмиен опустил на пол большой сверток, пожитки Милисент. Огляделся вокруг:

— Чармейн милая, когда ты только успела? Подождала бы меня, я бы помог.

— Ничего не могла с собой поделатъ. Накрыло сумасшествие, вдруг испугалась, что малыш появится, а в доме не убрано. Очнулась только когда все закончила.

— Теперь отдыхай, я устрою гостью.

Дэмиен подошел к ней, коснулся губ легким поцелуем. Чармейн

перевела взгляд на Милисент, та стояла опустив голову, старалась не смущать хозяев.

Чармейн целый день занималась уборкой и ей не пришло в голову, что новую лесничую придется где-нибудь разместить. У них нет кровати для гостей, нужно смастерить новую. Отдельной комнаты тоже нет, все будут ютиться в одном помещении, благо хижина просторна. И привыкнуть к мысли, что в доме постоянно будет третий.

Милисент присела на самом краю стула. Чармейн сполоснула руки, поставила на огонь котелок с водой. Предложила желтые яблоки, невероятно сладкие, с чуть сморщенной кожурой. Милисент из вежливости взяла одно, откусила для виду да так и застыла.

— Скоро будет обед, — пообещала Чармейн.

Дэмиен вышел принести еще дров из подсобки. Милисент смотрела на единственное ложе в комнате.

— Сегодня Дэмиен поспит на лавке, но уже к завтрашнему дню будет тебе где переночевать.

— Спасибо за доброту, Чармейн. Но прости, не хочу жить с вами. По натуре я одиночка, тем более, скоро появиться ребенок и уж точно не нужен третий лишний. И еще... Можно я не буду сидеть сложа руки? Позволь, хоть нарежу картошку.

Милисент встала, забрала из рук Чармейн нож, деловитыми движениями заработала лезвием. На доску ложились тонкие полупрозрачные ломтики. Чармейн обычно резала картошку соломкой.

Вот так. Пусть хрупкая внешне, но умеет настоять на своем. Важное качество для лесничей. Чармейн вздохнула, и направилась за грибами. У порога под половиком прятался вход в прохладный погреб. В нем хранились месяцами летние припасы не меняясь, будто погруженные в спячку. В последнее время Чармейн сносила туда и готовые блюда, потому что лесничество брало свою дань, не позволяя посвящать время домашним работам.

Когда она вернулась картошка уже шипела на обмазанной жиром сковородке. Милисент сервировала стол, доставая по одной тарелки с высокой полки.

Чармейн вспомнила, что прятала на полке между горшочков в синей бархатной шкатулке и похолодела. Интересно посмотреть на лицо Милисент, когда та возьмет в руки черную суставчатую трубку и легкий дротик. И какую ложь придется придумать Чармейн...

Она подавила нервный смешок. Хороша лесничая, нарушающая договор с лесом!

Милисент подняла взгляд и наткнулась на смущенную Чармейн, пойманную на месте преступления с пылающими щеками. Милисент почувствовала витающую в воздухе неискренность и сразу захлопнулась как раковина.

Вернувшийся с холода Дэмиен в облаке пара мгновенно оценил изменившуюся обстановку. Закаменевшую гостью и смущенную жену. Он не удивился: учитывая изгнание Юстаса и усилия мэра очернить Милисент, столкновения между девушками неизбежны.

Он добавил дров в очаг, подул на заочневшие пальцы и широко улыбнулся обеим. Девушки молча закончили приготовления к ужину и все уселись за стол.

Дэмиен спросил гостью о самочувствие. Приоткрыл немногие из секретов леса, пообещал показать море позади песчаных барханов дюн, где всегда солнечно и дует душистый ветерок. Милисент слушала открыв рот, позабыв о недавнем смущении, а Чармейн послала мужу лукавый взгляд. Таким же голосом Дэмиен заговаривал раненых зверей. Он умел заставить думать о другом.

— Мы тебя не торопим, — Дэмиен отправил в рот наколотый на вилку гриб. — Осмотрись сначала, и дай лесу тебя узнать.

— Я бы хотела следовать за вами, — Милисент потупила глаза. Гостя очнулась от чарующего голоса Дэмиена и стало заметно, как сильно она смущается в его присутствии. — Я сильная и привыкла далеко ходить.

— Тебе придется выбрать учителя. Лес требует заботы сразу в двух местах и нам приходится разделяться, — Дэмиен поднял палец останавливая уже открывшую рот Милисент, чем еще больше смутил девушку. — Я бы посоветовал набраться мудрости у Чармейн, пока ее положение позволяет. Она совсем недавно сама постигала премудрость лесничества и ей будет легче объяснить то, для чего я часто не нахожу слов.

Милисент кивнула, погруженная в свои мысли. Чармейн накрыла ее ладонь своею и сказала:

— Я буду очень рада твоему обществу.

— Спасибо. Я благодарна вам обоим, просто не могу поверить, что все это происходит на самом деле. Простите за настойчивость, но мне бы хотелось стеснять вас как можно меньше. Неудобно просить, возможно ли построить для меня свой уголок?

— Это легко устроить. Пещера бывшего лесничего пуста и в твоём полном распоряжении с завтрашнего дня. А сегодня для нас честь привечать тебя.

Ночью Чармейн спала как убитая, благодаря беременности. Она еще не была настолько тяжелой, чтобы ворочаться на постели всю ночь в поиске удобной позиции, но уже сил на все уходило больше обычного, и к вечеру она не чувствовала под собой ног.

Когда Чармейн открыла глаза Милисент с великой осторожностью открывала дверь, чтобы занести ведро с чистой водой. Постеленная на ночь на лавке постель высилась аккуратно сложенной кучкой. В очаге весело трещало пламя.

Милисент подошла к столу, вылила в котелок свежую воду и подвесила над огнем. Она выглядела еще более бледной и осунувшейся. Скорей всего всю ночь не сомкнула глаз на новом месте.

Гостье действительно неуютно с ними. Чармейн еще не могла понять в чем причина — может она смотрит на нее и видит Юстаса, или же дело совсем в другом...

Чармейн погладила взбрыкнувшего малыша, спустила ноги на пол. Обернулась на Дэмиена — он крепко спал, волосы разметались по подушке, красиво очерченный рот расслаблен. Чармейн не удержалась и легко поцеловала его в мягкие губы. Муж глубоко вздохнул и перевернулся на бок.

Чармейн помогла Милисент и через несколько мгновений они уже сидели вдвоем за столом и пили горячий отвар с медовым печеньем. Чармейн очень хотела спросить о Юстасе, но не знала с чего начать разговор и между ними воцарилось неловкое молчание, нарушаемое резким чириканьем ранних птах за окном.

— Милисент...

— Чармейн...

Обе заговорили одновременно. Посмотрели друг на друга и рассмеялись, разряжая обстановку.

— Я хочу попросить прощение за поступок брата, но еще больше за то, как моя семья отнеслась к тебе после этого.

— Почему ты просишь прощения? Ты ни в чем не виновата...

— Это не совсем так. Я делала вид, что поддерживаю версию отца, хотя на самом деле... Я боялась сказать правду.

Милисент хмыкнула, отпила маленький глоток.

— Тогда мы в одной лодке. Я ведь тоже молчала все это время.

— Так расскажи. Я тут, слушаю.

— С чего бы это ты захотела узнать, что со мной случилось? Неужели решила воспользоваться моей доверчивостью и выпытать еще детали, чтобы потом весь Вирхольм их с удовольствием перемалывал? Я уж

поверила, что на самом деле в лесу нужен лесничий, а самом деле все ваша семейка Пауерс не дает мне покоя.

— Прекрати Милисент! Если не хочешь, не говори, это действительно не мое дело. Но не смей ставить под сомнение слово Дэмиена! Он бы никому не позволил причинить тебе вред.

— Мужчины слепы по отношению к желанной женщине.

— Не Дэмиен, он любит с открытыми глазами.

Мужской голос со стороны кровати прекратил их перепалку.

— Девушки, меня не стоит обсуждать с самого утра, да еще на повышенных тонах. Милисент, закон гостеприимства в лесу еще никто не отменял. Неужели ты думаешь, что лес позволил бы тебе войти за черту договора ради глупых сплетен? Чармейн, милая, твои слова лестны, но я в защите не нуждаюсь.

Дэмиен встал с кровати. Из-за присутствия посторонней он был в чистой дневной одежде, хотя обычно предпочитал спать нагишом. Дэмиен не понимал пристрастия Чармейн ночевать в уютной ситцевой сорочке в пол. Когда он обнимал ее перед сном, то всегда тихо ругался, пока поднимал складки, чтобы добраться до горячего тела жены.

Милисент потупилась, как всегда в присутствии Дэмиена. Ее вспышка прошла, щеки окрасились румянцем. Чармейн поймала себя на ревности — Дэмиен мог действовать на душевно раненых девушек как наркотик, она знала это на собственном опыте. Кажется Милисент подпала под чары искренней заботы исходящей от хозяина дома. Лучше ей не жить под одной крышей с женатой парой.

Милисент чувствовала себя потерянной. Ей казалось уйти в лес от людей, значит сбежать от гложащей тоски. Но и в хижине лесничего она столкнулась с той же острой невозможностью принять себя и других. Может Чармейн действительно спросила из участия, но Милисент давно не верила в добрые намерения людей, тем более из семьи Пауерс.

Может быть тут на природе она сумеет забыться целительным сном, не просыпаться от кошмаров, не вздрагивать от резких звуков. Милисент сама еле выносила то раздражительное злое существо, в которое превратилась в последнее время. Ей нужно в свою забиться в свою щель, ни с кем не общаться и уже тем более не мозолить глаза слащаво-милующейся семейной паре.

После завтрака Чармейн и Дэмиен понимающе переглянулись, будто они знают что-то, не доступное Милисент. Она чувствовала себя чужой,

виноватой, да еще будто жгло под ребрами с левой стороны. И больно и будто тянет куда-то. Милисент и так ощущала себя не на своем месте, а сейчас с трудом сдерживала слезы и от этого становилась еще злее.

Чармейн наспех заплела волосы медового цвета и Милисент заметила рыжую поросль на ушах девушки. Она должна была испугаться, но наоборот успокоилась. Если Чармейн стала похожей на фейри из легенд, то значит в ней осталось меньше человеческого. Может, ей и вправду не нужно разжигать городские сплетни.

Уши Милисент запомнила. Шерсть на ушах это оружие. Полезно отмечать то, что окружающие стараются скрыть.

— Давай ты, — сказал Дэмиен и Чармейн согласно кивнула. Повернулась к Милисент и спросила.

— Готова к первому заданию?

Чармейн потянулась за котомкой, Дэмиен помог ей одеть лямки на плечи. Из-за тяжелого живота Чармейн было неудобно наклоняться к полу.

— Готова, конечно, — ответила Милисент, стараясь сдержать дрожь в голосе. — А что за задание?

И началось. Быстрый бег по оледеневшей траве. Чармейн вовсе не запыхалась, только щеки порозовели, даром, что живот должен был сделать ее неповоротливой. Милисент часто дышала, направив все силы, что бы не отставать. Хоть жжение под ребрами стало полегче.

Чармейн бежала по ведомому ее курсу, ныряя под кустарник, сворачивая к каменистому берегу реки. Иногда она замирала, прислушиваясь, затем жестом указывала Милисент дорогу.

— Посмотри! — Милисент не удалось сдержать удивленный крик.

Они как раз проходили мимо векового дуба, нынче щедро украшенного покрывалом инея. На нижней ветви в ледяных туфельках стояла юная девушка в одеянии из белоснежных перьев, сверкающих снежинками. Милисент забыла обо всем на свете, разглядывая тонкие черты девушки (или фейри?), белые волосы до пят, развевающиеся на ветру, большие глаза цвета незабудок. И рога, ветвистые, оленьи, короной венчавшие головку. Девушка разглядывала их сверху, ничем не выдавая своего присутствия. Если бы Милисент не задирала голову, стараясь вобрать в себя как можно больше окружающих чудес, они бы ее никогда не заметили.

Чармейн тоже остановилась как вкопанная.

— Я ее не знаю, — прошептала она в изумлении.

Белокурая фейри в ветвях повернулась к Милисент, погрозила ей пальцем. Проворно перебирая ногами, залезла на вершину дуба и там ее будто сдуло ветром. Милисент готова была поклясться, что фейри

превратилась в туман.

— Кто она?

Чармейн пожала плечами.

— Мы опаздываем, скорей.

Но от Милисент не укрылся нервно подрагивающий уголок губ и неуверенность во взгляде лесничей. Милисент остро чувствовала чужую перемену в настроении. Она отметила для себя скрытность Чармейн, поставила галочку в отрицательной графе, вместе с утренними допросами. Похоже подругами им не стать. Что ж, Милисент ищет не подругу, а спасительное одиночество.

Они прошли мимо трухлявой липы с большим дуплом. Чармейн заглянула в него и нахмурилась.

— Посмотри, тут был лаз, но он недавно обрушился.

Дерево изнутри было полым, на месте лаза действительно виднелась свежая земля. Под ребрами невероятно кололо и зудело, Милисент почесала бок.

— Уже начала чувствовать огонек? — спросила Чармейн. — Пока прислушивайся к зову, потихоньку начнешь его понимать. Совсем рядом, смотри во все глаза.

Они вышли к обрыву. Под весом снега случился оползень, внизу лежали вперемешку лед и свежая порода.

Чармейн увидела что-то на склоне, подвязала юбку, чтобы не путалась в ногах и принялась спускаться вниз. Милисент повторила ее движения, стараясь не дышать глубоко, так как боль в боку стала почти невыносимой. Ее всю жгло, приказывало поторопиться.

Прямо на склоне оврага чернел вход в нору, не видный сверху. Когда Милисент добралась до него она уже вся пылала. Боль поутихла вместо нее нахлынула бешеная жажда действия. Мышцы дрожали от напряжения, по жилам тек жидкий огонь.

Нору завалило при обвале. Чармейн одной рукой ухватилась за корень, торчащий из земли, второй кинула Милисент котомку.

— Достань лопату, — попросила она сквозь зубы. Видно, ей тоже приходилось нелегко.

Пока Милисент возилась с котомкой, Чармейн принялась неистово копать. Черные комья летели вниз, лесничая изловчилась и нашла удобную точку опоры, чтобы работать двумя руками. Земля была мягкая, работа спорилась. Пока Милисент разбиралась с содержимым котомки, Чармейн уже наполовину скрылась в норе, а потом достала оттуда нечто живое, похожее на собаку с длинным хвостом. Вся в черной грязи и пыли, собака

извивалась, тьякала, чихала и бешено крутила хвостом как мельничьим колесом. Милисент пригляделась и узнала в животном лису.

Чармейн сквозь зубы пыталась напеть заунывный мотивчик из трех нот, но то и дело отплевывалась от хвоста, хлестающего по лицу и от комков земли, летящих от очумевшего животного. Лиса извернулась и тяпнула Чармейн за предплечье, потом взбрыкнула и невероятным прыжком запрыгнула на кромку оврага. Оттуда обижено тьякнула опять без тени благодарности, затем припадая на заднюю ногу отправилась восвояси.

— Так это ты, неблагодарная тварь? — закричала ей вслед Чармейн. — Второй раз спасаю, дуру! В третий раз не попадайся мне!

Предплечье кровоточило и Чармейн с расстроенным вздохом расправила порванный рукав.

Милисент смотрела на нее с неприкрытым восторгом. Она вдруг увидела перед собой совсем другого человека — не скрытную красавицу с двойным дном, а человека, не гнушающегося тяжелой работы, сильного и смелого. Чармейн поползла вверх по склону, не обращая внимания на рану, не делая себе скидку на беременность. Милисент последовала за ней и уже на вершине обнаружила, что жжение исчезло.

— Чармейн, дай я перевяжу тебе плечо, — робко сказала она. В котомке лопату она так и не нашла, видимо она лежала где-то внизу. Зато наткнулась на чистую тряпицу и мазь.

— Что? Не надо, оно уже почти прошло, — Чармейн задумчиво глядела в сторону убежавшего животного. — Может у лис тоже девять жизней, как и у котов?

Милисент подняла заляпанный кровью рукав. На месте укуса виднелась чистая белая кожа, без следа ран. Под ней вниз уходили две кровавые дорожки. Милисент осталось только перевязать место тряпицей, чтобы Чармейн не мерзла.

Надо же. А на вид обычная девушка.

— Прости, что сорвала тебя с места утром. Теперь нужно сделать крюк, забрать пожитки и отправиться на новое место. У Альфреда была очень уютная пещера, надеюсь тебе понравится. Главное чувствуй себя хозяйкой, расставь все, как тебе нравится. Я буду к тебе заглядывать и брать на задания.

Чармейн щебетала о том, как удобней всего обставить пещеру, а Милисент пыталась понять, как она может говорить о глупостях, когда только что случилось невероятное. Но, наверное, такова человеческая природа — практичная часть берет верх над вечным. Ей действительно нужно обставить новый дом, будь то в волшебном лесу или на луне.

Милисент пришлось по душе пещера бывшего лесничего Ахтхольма. Она будто находилась в другом измерении — странный пейзаж из красных груд камней и деревьев, похожих на зазеленевшие канделябры. Тут было намного теплее, чем подле хижины Чармейн и Дэмиена. Никакого снега, только морозный воздух и небо, застланное сплошной пеленой серых туч.

Вход в пещеру перегораживала тяжелая кованая дверь, та тоже нашла особое место в сердце Милисент, так как новая лесничая плохо спала, просыпаясь в холодном поту по ночам. В этом была истинная причина просьбы жить отдельно. Ей не хотелось будит хозяев истерикой и плачем в пред утренние часы. Она привыкла скрывать свою слабость, превращать ее в злость к окружающим. Поэтому в Вирхольме ее опасались и она могла жить в относительном спокойствии.

Кажется, лесничие предложили ей более роскошное жилище. В просторной комнате оказался даже камин с ажурной решеткой. Пол украшал ковер с затейливым узором, высокий потолок пещеры не давил каменной грудой. Милисент почувствовала себя в знакомом и безопасном месте.

Она надеялась расспросить Чармейн о девушке на дереве, о заданиях и об огоньке под ребрами, но тот зажегся вновь и им стало не до разговоров. Весь день прошел в беготне по Ахтхольмской части леса, как объяснила Чармейн. Они расчищали русла ручьев, спасали попавших в беду животных, убирали сгнившие стволы деревьев. Изнеженная Чармейн ни разу не пожаловалась, а вот Милисент пришлось нелегко. Пусть так, пусть руки будут заняты, а тело ломит от усталости. Ей необходима передышка от круговорота мыслей. Сегодня первый день, когда Милисент перестала чувствовать себя никчемной.

Они так и не успели обсудить ничего важного. При заходе солнца Чармейн спешно попрощалась и обещала вернуться завтра. Милисент попыталась уговорить ее проводить, но Чармейн пробормотала что-то невнятное, настояв на своем. Милисент резко реагировала, когда окружающие ее отталкивали вот и сейчас, движимая обидой развернулась по направлению к пещере. А потом подумала, что беременной женщине, уставшей после длинного дня грех не помочь, не смотря на ее протесты.

Милисент выбежала наружу, пробежала по проходу между скалами, но лесничей нигде не было. Она звала ее и звала, пока горло не охрипло, но Чармейн не отвечала. После захода солнца сумерки продержались недолго, ночь наступила почти мгновенно, но Милисент еще долго бродила при свете звезд, в страхе разглядывая овраг под скалами, надеясь не увидеть темный силуэт внизу. Нет, было еще светло, Чармейн не могла упасть.

Милисент решила, что поиски бесполезны. Она вернулась ко входу в пещеру, облокотилась о ледяной камень и внезапно поняла, насколько одинока в молчаливой чужой ночи. С уходом солнца стало заметно прохладней.

— Не переживай, новенькая. Чармейн давно дома, в безопасности.

Из теней выступил мужской силуэт. Милисент вся сжалась в комок в приступе паники. Вечер на мельнице, стальные руки Юстаса на ее запястьях, попытка вырваться и оплеуха, обжегшая щеку. И боль, от его движений, от выкриков «сама виновата».

— Прости, желание удивить внушительным появлением испугало тебя... Я всего лишь лесной слуга из народа фейри. Милисент, нечего меня опасаться. Я тот, кто выгнал твоего обидчика за полог.

— Лесной король, — выдохнула Милисент. — Теперь я обрела право общаться с вами?

— У тебя оно было всегда. Это мы не вмешиваемся в человеческие дела до нарушения договора.

— Я столько хочу узнать...

— О нет, учить новичков не мой удел. Дождись завтрашнего утра. Я всего лишь сжалился, видя твои попытки отыскать бездыханное тело Чармейн, и решил успокоить. За сим откланяюсь.

Милисент так и не удалось разглядеть нежданного гостя. Она видела только лунные блики на пряжке у горла, да силуэт короны на фоне ночного неба. Не смотря на голос, подобный журчанию ручья, звонкий и успокаивающий, она знатно испугалась его, и потом еще долго сидела у камина, пыталась успокоиться. Ей на колени вспрыгнул крупный черный кот, появившийся ниоткуда, без единого светлого пятнышка. Милисент прижалась к теплой шерсти, растворилась в мерном мурлыканье. Кот пристроил голову у нее на груди, обвил хвостом талию. Она так и не выпустила его когда легла спать. Заснула под мерцание кошачьих глаз в сумраке комнаты, в первый раз без кошмаров.

Глава 12

Глава 12

Чармейн в первый раз проснулась ночью от ощутимых толчков в животе. Если раньше они ощущались щекоткой, или крыльями бабочек, то теперь живот ходил ходуном, а боль выдернула из ласковых объятий сна. Малыш пинался будто у него не четыре конечности, а целых шесть. Учитывая наследственность отца вполне могло быть, что Чармейн носит маленького кентавра. Она ужаснулась мысли, представив роды и крепко решила, что сын просто здоровый, ему тесно, вот он и разминается.

Дэмиен спал очень чутко, вот и сейчас открыл глаза и увидел сидящую жену.

— Что случилось, милая?

— Ничего, спи, малыш разыгрался.

И, воспользовавшись случаем, подставила ему живот для поглаживания. Дэмиен усмехнулся и бережно положил ладонь над пупком, тут же получил по ней прицельный удар.

— Вот разбойник! Чую когда родится тоже не будет давать глаз сомкнуть в предрассветный час, когда сон слаще всего. Иди ко мне под бок, бельчонок, я мигом его успокою.

Она с готовностью залезла под теплый бок мужа. Последние месяцы и общее дело внесли в отношения между ними необратимые перемены. С того дня, когда Дэмиен обнаружил обман, а они оказались на грани разрыва, не случилось великих трагедий или радостей. Но не сравнить с первыми днями брака прелесть ночных разговоров или физическое удовольствие, которое Чармейн испытывает от прикосновений мужа.

Прозрачная стена первых дней после обмана постепенно растаяла. Теперь они понимали друг друга лучше всех на свете. А еще в нить, протянувшуюся между ними, вплелась любовь. Она вошла без фанфар, не обозначив свое присутствие нервной дрожью и огненными волнами. Любовь прокралась уличной кошкой на гостеприимный огонек. Вонзила свои когти до самых потаенных струнок сердца. Любить Дэмиена стало для Чармейн частью ее самой.

Она восхищалась его способностью преодолеть себя. Однажды обожжённая, как драгоценный дар ценила верность и постоянство мужа. Ей не нужно было претворяться, чтобы завоевать его привязанность, как она

делала в начале брака. Наоборот, стоило осмелиться сорвать маску, и Чармейн стала замечать желание во взгляде Дэмиена.

Вот и сейчас невинное поглаживание живота, переросло в чувственные ласки. Рука Дэмиена поднялась, сжала грудь. Чармейн резко выдохнула и извернулась за поцелуем. Дэмиен оброс жесткой щетиной, она колола губы, от этого по спине пробежали мурашки, а ощущения его мягкого рта казались еще слаще. Он властным жестом развернул ее на бок, потом они соединились и было это жарко, страстно и чудесно. Затем разморенная Чармейн сладко заснула до самого утра.

Чармейн знала, что ее время истекает, поэтому старалась научить Милисент как можно большему, пока мир не сузился до нужд маленького и беспомощного существа.

Как бы Милисент не хотела обмануть окружающих напускной сердитостью, Чармейн слишком хорошо умела читать мелкие знаки. Ей не нужно было ни о чем спрашивать девушку, Чармейн и так видела своими глазами, что за уродливый незаживающий шрам оставил Юстас на душе новой лесничей.

При резком звуке Милисент вздрагивала всем телом. Если не получалось с первого раза перенять нужный для лесничества навык, она и мучилась безмерно и считала себя никчемным существом. У Милисент выработались странные ритуалы — она повсюду носила за собой в кармане увесистый камень. Чармейн догадывалась, для чего он предназначен.

Она видела в Милисент отражение своего несчастья, испытывала к ней теплые, почти материнские чувства. Над Чармейн прошлое давно перестало клубиться сизой тучей, а чувства к Тейлу потихоньку перегорели. И любовь и ненависть. Милисент все так же жила в оковах поступка Юстаса, тот тенью следовал за ней, заставлял вспоминать о себе десятки раз за день и всю ночь напролет.

Не смотря на искреннюю симпатию, Чармейн не сумела найти к Милисент подход. Начинать прямой разговор не хотелось, уж слишком строгую отповедь она получила в прошлый раз. Рассказать о своем опыте с Тейлом казалось глупым и наигранным: Милисент подумает, будто Чармейн специально придумала похожую историю.

Интересно, лес свел их вместе по случайности, или существуют потаенные причины?

На последнем месяце Чармейн стала страдать от болей в пояснице и частых схваток. Она плохо спала, так как в любом положении что-то давило

или тянуло. Ей уже давно хотелось избавиться от бремени, получить вместо огромного живота теплого ребеночка у груди.

— Вот тогда выплусь! — говорила она Дэмиену, тяжело перекатываясь с боку на бок.

Тот лишь иронично улыбался приподнимая бровь. Когда это младенцы давали роздых родителям?

Чармейн возмущенно одернула мужа.

— Что? Разве ты не будешь иногда укачивать его вместо меня?

— Смешной бельчонок. Я готов помогать тебе во всем, но кормить грудью ребенка ты будешь сама.

Чармейн покраснела. В последние дни грудь налилась, а в платяя пришлось класть тряпицу чтобы лиф не становился влажным.

— Дэмиен, — плаксиво сказала она. — Может все-таки мне стоит вернуться в Вирхольм? Я не хочу рожать одна.

— Ты не будешь одна. Я буду рядом и помогу во всем.

— Разве ты умеешь принимать роды? Я слышала ужасные истории о море крови и ужасных криках, — она скорбно поджала губы. — Боюсь, тебе не стоит это видеть.

— По-поводу первого возражения: да, Чармейн, я умею принимать роды и делал это не раз. А во-вторых, позволь мне решать самому, что я хочу или не хочу видеть. Я ни в коем случае не оставлю тебя одну в такой момент. Особенно на попечительство наших родителей.

Чармейн подумала о своем и усмехнулась.

— Моя мама позовет лучших врачей, но потом отберет ребенка под любым предлогом.

— А моя в самый ответственный момент зальется слезами и оставит тебя разбираться самой.

Они обменялись невеселыми взглядами. Чармейн вцепилась в мужа и умоляюще попросила:

— Обещай, что все забудешь! Обещай!

— Есть вещи, которые никогда не забываются. Я дам только те обещания, которые не намерен нарушать.

Чармейн крепко обняла мужа. В глубине души она была рада, что именно он будет рядом в ответственный момент. Никому другому она не доверяла. А Дэмиен почувствует, если что-то пойдет не по плану, сможет попросить помощи у леса или воспользоваться своей магией, о которой он почти не упоминает в повседневной жизни. Как хорошо, что она может рассчитывать на него.

Милисент вживалась в лесничество с мучением. Пока Чармейн была рядом она еще как-то справлялась. Всегда можно было посмотреть на нее и спросить совета. Милисент не хотелось брать на себя ответственность за благополучие целого города. Эта ноша была слишком тяжела. Стоило подумать о неведомом Ахтхольме, как руки начинали дрожать, а к сердцу подкатывалась паника. В эти моменты Чармейн отстраняла новую лесничую в сторону и все делала сама.

Милисент не могла решить для себя — Чармейн справляется, потому что не думает о других или настолько уверена в своих силах?

Теперь Чармейн дома, готовится стать матерью. Милисент подавила недостойное чувство зависти. Так и должно быть. Счастливые люди существуют рядом с несчастными. Не всем достается поровну земных благ и с этим нужно научиться жить.

Чармейн красавица, дочь мэра, живет в счастливом браке. Она, наверное, не знала настоящего горя в своей жизни. Да, говорили в городе, что с ней что-то случилось, раз она подурнела и осунулась, но видимо ничего серьезного, ведь сейчас она вновь весела как певчая птичка. Хотя Милисент, право, позорно засматриваться в замочную скважину на чужую семью.

Огонек под ребрами настоятельно горел, гнал ее вперед, но Милисент не могла понять куда и от этого чуть не плакала. Она кружила по тропам, продиралась сквозь кусты, брела по ручью, но пламя не становилось сильнее.

«Никчемное существо,» — окрестила она себя и опустилась без сил под красноватой глыбой. На чистом небе светило солнце, воздух был морозным и чистым. Задание свербело, не давая забыть о себе. Милисент глотала злые слезы. Наконец она запрокинула лицо к солнцу, глубоко вздохнула.

«И воздуха не возникнет спаситель, готовый сделать работу за меня. Годна или никчемна, у Ахтхольма другой нет.»

Она побрела дальше, уверенная, что идет в неправильном направлении. Ноги гудели, но это было мелочь по сравнению с угрызениями совести.

«Чармейн советовала в этих случаях обнять дерево. Мне терять нечего, можно попробовать.»

Милисент обняла колючее дерево-канделябр. Его ствол покрывали как

шерстью плотные игольчатые листья направленные вниз. Они не кололись, и Милисент плотно прижалась к дереву щекой.

Ей стало тепло. В голове зашумело, страх и тревога отступили, а перед глазами жжение под ребрами оформилось в осознанное направление.

«Глупышка, — сказало дерево не словами, а шуршанием ветвей. — Больше доверяй себе.»

«Доверять себе,» — повторила Милисент. Как же тяжело, как же это чертовски тяжело! Я ведь одна, одна!

«Ты не одна, — обняло дерево своими жесткими листьями. — Мы всегда с тобой.»

Она выдохнула, открыла глаза. Побежала вперед, стараясь держать мысли в узде, движимая одними чувствами. Огонек горел все ярче, подбадривая Милисент.

Добралась. Что теперь? Неуверенность и паника вновь стали раскручиваться ураганом под грудью, поднимаясь все выше и Милисент метнулась обнять ближайшее дерево.

«Мы с тобой,» — шепнуло оно и Милисент сразу успокоилась.

Завал камней загородил русло ручейка, может в нем дело? Выглядит довольно свежим, вода только-только разлилась болотцем. Можно попробовать разобрать.

Каждый шаг давался с трудом. Милисент боролась сама с собой, стараясь не думать о последствиях собственной ошибки.

Лес мог найти себе зрителя получше, а вот Милисент нуждалась в нем как утопающий в спасительной веревке. Она знала: чтобы стать лесничей ей придется одержать верх над своим давним противником — страхом. Ради себя она бы не вступила в бой, а вот ради леса...

Милисент ошибалась. Лес не мог найти себе лучшего зрителя.

У Чармейн начались схватки. Такое бывало и раньше — живот становился каменным, тянуло спину и становилось тяжело дышать. Стоило выпить воды вдосталь или немного походить, то схватки стихали. Сейчас Чармейн опустила голову, положила руку на твердый живот и ушла в себя, переживая боль в пояснице. Когда живот отпустило, вернулась, как ни в чем не бывало, к лоскутному одеяльцу, которое спешила закончить к родам.

Она разрешила свое парадное зеленое платье и ничуть не жалела. Ткань мягкая, так и льнет к телу, малышу будет сладко под ним спать. С тех пор, как Милисент стала лесничей Чармейн успела подготовить стопочку

распашонок и пеленок. В ход пошла вся лишняя одежда. Для Дэмиена был составлен подробный список, что захватить из города. Подобрать время для быстрой ходьбы в деревню муж никак не мог — Милисент справлялась со своими заданиями очень медленно и не всегда хорошо.

Чармейн опять скрутили схватки. Делать нечего, придется отправиться на прогулку. Чармейн отставила в сторону рукоделие, боком поднялась со стула и согнулась в три погибели от боли. Подошла к столу и налила себе воды из кувшина.

— Чегой принести тебе, хозяйюшка? — спросил заботливый брауни в смешной шапочке, почесывая лоб.

— Сейчас, — прохрипела она, а потом, когда отпустило, добавила веселым голосом. — Ничего не надо дедушко. Ты присмотри за домом, пока я пройдуь немного.

— Все сделаю, подмету хорошенько. Ни о чем не беспокойся.

Чармейн благодарно кивнула, закуталась в пушистый платок, накинула тулуп, который уже на животе не закрывался, и вышла наружу. Прошлась по тропинке к берегу озера. Чармейн задумчиво смотрела на спокойную гладь воды и будто ждала чего-то. Она беспокойно прошла по берегу до самых мостков на которых обычно стирала. Спустилась к обледеневшим доскам, посмотрела на мелкую рябь.

И тут она поняла кого ждала — Кувшинку. Чармейн не видела ее уже пару месяцев. В последний раз, кажется, при пожаре. Тогда она была в платье, расходящимся воланами из под груди как у греческих воительниц. С тех пор пропала, а ведь помнится до того тенью следовала за Чармейн.

Тейл никуда не делся, он все так же время от времени пытался наладить отношения, но Чармейн была к нему абсолютно равнодушна. Ни ненависти ни жалости он у нее больше не вызывал. А вот отсутствие Кувшинки весьма насторожила. Куда она пропала?

Тут же вспомнилась рогатая фейри на дереве. Чармейн почувствовала себя совсем глупой девчонкой. Ей раньше казалось, что она сумела разгадать все тайны фейри. Из целого народа их осталось двое, поэтому Тейлу пришлось отправиться в город на поиски суженой. Так она думала раньше, но оказывается существует и третья фейри, золотая и звонкая как стрела. Дэмиен ее тоже доселе никогда не встречал. Кто она и как может повлиять на семью Чармейн?

Ее вновь настигла боль от каменного живота. Чармейн нагнулась вперед, еле дыша. На этот раз схватка была более продолжительна и болезненна. Наверное нужно двигаться, а не стоять на месте. Чармейн двинулась дальше по направлению к огороду. Не смотря на холод, тот

зеленел. Лес держал почву теплой, К тому же над растениями витала невидимая пленка, которая не давала убежать теплу. Чармейн радовалась свежей зелени и невиданным овощам, созревающим под зимним солнцем. Особенно ей нравился продолговатый картофель рыжего цвета и сладкий на вкус. Он особенно хорош был печеный до хруста. Дэмиен его недолюбливал, а вот Чармейн лакомялась с удовольствием.

Вновь схватка. Хватая воздух ртом Чармейн поняла, что следует звать мужа. Слишком больно, слишком регулярно. Это оно самое. У нее начались роды.

Как страшно, как волнительно! Лишь бы его ничего не задержало в лесу. Вот бы Дэмиен появился поскорее. Чармейн обняла ближайшее дерево и страстно захотела увидеть мужа. Он услышит, обязательно. На него можно положиться, это же Дэмиен!

Он появился почти сразу, выбежал из леса к ней, заглянул в лицо, услышал протяжный стон и сразу обнял сзади, положил руки на поясницу, туда где болело больше всего.

— Началось? — прошептал он, в его голосе слышалось предвкушение.

— Я не хочу рожать, — тонким голосом ответила Чармейн. — Не буду и все!

Она сама понимала, что говорит глупости, но ей было очень страшно. Сил притворяться сильной не было, а рядом с Дэмиено можно было побыть собой без прикрас.

— Хорошо, хорошо, я тебя рожать не заставляю. Давай гулять пока есть силы, а потом посмотрим, что случится.

Она сразу поверила, прижалась к нему, обняла за шею и зарылась щекой в мокрую ткань тулупа. Прогулка то и дело прерывалась схватками, тогда Чармейн стонала, а Дэмиен стоял рядом, поддерживал за руку, не одергивая даже когда Чармейн изо всех сил сжимала пальцы. Между приступами боли она могла идти дальше, даже улыбалась и лгнула к мужу.

Они гуляли, пока у нее не начали заплетаться ноги и не заоченели пальцы.

— Тебя необходимо напоить горячим настоем, — нахмурился Дэмиен.

Он задернул шторы на окне, на камин поставил заслонку. Комната погрузилась в полумрак. Дэмиен спустился в погреб, принес оттуда свежей мяты, запах которой Чармейн предпочитала всем остальным. За это время она пережила еще две схватки, тихонько поскуливая. Ей хотелось, чтобы муж поскорее закончил с приготовлениями и вновь гладил поясницу.

— Дэмиен, мне страшно, — снова сказала она. — Когда приходит схватка боль страшная, я не выдержу, если будет еще хуже.

— Я рядом, бельчонок. Если что, держись за меня.

— Ты поймешь, когда мне следует лечь на кровать?

Чармейн смутно помнила, что в Вирхольме рожали именно так. На кровати с помощью уважаемой повитухи и двух помощниц.

— Милая, за время лесничества я принимал роды у диких кошек. Они находят темное знакомое место, чтобы затаиться и произвести потомство. Посмотри, ты у себя дома, рядом родной человек. Сейчас твоя очередь прислушаться к себе и понять, что тебе нужно в данный момент. Ну же! Ты же слышащая, лесничая!

Чармейн согнулась в схватке и жалобно закричала. На сей раз было особенно тянуло живот, будто давило увесистой скалой.

— Мне нужно за что-то ухватиться, — попросила она. — И пожалуйста, разомни мне спину.

Дэмиен ловко умудрился выполнить сразу оба пожелания. Подвел к задней стене, которой был дубовый ствол, перекинул через нижнюю ветвь свой пояс и вручил в руки жене. Сам встал сзади и гладил спину.

Между тем Чармейн перестала воспринимать окружающий мир. Сейчас начались настоящие схватки, не чета тем во время прогулки. Они накатывали одна за другой, как беспощадные волны. Сбивали с ног, прибивали к земле. Ее тошнило от боли, она сорвала голос от крика. Передышки становились все короче, еле давали возможность прикинуть губами к чашке воды.

Дэмиен посерел, его глаза запали. Он шептал успокаивающие слова и срывающимся голосом говорил, как сильно ее любит.

— Прости, бельчонок, не могу лечить тебя. Нельзя вмешиваться, все ты сама да малыш. Ты справишься, ты сильная.

Чармейн кричала в ответ, что больше не может. Что все, она прекращает это издевательство. Схватки настигали с регулярностью, не смотря на сопротивление роженицы. Тогда она изо всех сил вцеплялась в ремень, накатываясь на него всем своим весом, а Дэмиен напоминал, что нужно дышать.

Потом она потеряла связь с реальностью и позже не могла пересказать, что же с ней случилось дальше. Очнулась только когда Дэмиен протянул ей ребеночка с зажмуренными глазками. Она прижала его, такого теплого, жалобно кричащего в своем теле. Сердце пылало чистым, незамутненным восторгом. Он прижался к ней и затих, а Дэмиен принес чистую простыню прикрыть роженицу и ребенка. Так они и лежали всей семьей, тихие и счастливые в тишине хижины.

Чармейн заснула от усталости. Малыш заворочался, сморщил лоб и

заплакал тоненьким голоском. Дэмиен поцеловал жену в губы и приоткрыл одеяло, чтобы успокоить ребенка.

Тот был еще совсем синий, со слипшимися волосами, голый и беспомощный. Дэмиен взял его теплое тельце своими, столь грубыми по сравнению с его нежной кожей, ладонями и только сейчас увидел: действительно, мальчик. Как Чармейн и предполагала. Голова малыша свесилась на бок, Дэмиен спешно положил его на сгиб руки.

Лицо грязное и сморщенное, непонятно на кого похож. Глазки свинцового цвета, свойственного новорожденными. Кажется рассматривает лицо склонившегося над ним взрослого.

Дэмиен разглядывал уютно устроившегося на локте малыша. Чувствовал его быстрое дыхание. Внезапно подумалось, что его лицо это первое, что ребенок увидел в своей жизни. В хижине царила тишина, ужасная мука смотреть на боль жены во время родов кончилась, на сердце было легко и это самое сердце видимо пустовало, потому что маленькое существо проникло в него и заполнило всего Дэмиена.

Так они и разглядывали друг друга с жадностью и изумлением. Потом Дэмиен опомнился, решил, что маленького следует обмыть и запеленать. Горячей воды было вдосталь: заготовлена заранее как раз для такого случая. Дэмиен осторожно положил ребенка в лохань, поддерживая одной рукой, принялся поливать живот, с великой осторожностью очищать голову. Малыш хмурился, но не подавал знаки возмущения. Дэмиен осмелел, перевернул его на живот, чтобы обмыть спину и обомлел. Над лопатками торчали подрагивающие отростки, облепленные слипшимися перьями серого цвета.

— Крылатый, — восхищенно прошептал Дэмиен. — Я, кажется, уже давно знаком с тобой маленький птенец. У меня есть предчувствие, что мы с тобой подружимся.

За окном Тейл шурился и напрасно пытался увидеть искомое через переливчатые стрекозиные крылья, закрывающие окно. Как назло ребенка видно совсем не было, зато во всех деталях можно было разглядеть склоненное к нему лицо Дэмиена и его сияющие глаза, направленные на самое дорогое для Тейла существо.

Не смотря на дикую жажду хоть глазком взглянуть на сына, любоваться счастливым Дэмиеном было выше его сил. Тейл заставил себя прекратить пытку. Уйти от дома, где он не нужен.

До свадьбы с предательницей, эльф и лесничий говорили обо всем на свете. Тейл понимал, что Дэмиен не мог знать о том, что увел у друга суженую, эльфы никогда не называют имена дорогих людей, поэтому Тейл ни разу не упомянул имени Чармейн. Глупо таить на лесничего обиду. Что эльф ожидал от человека? Чтобы тот отказался от женщины ради дружбы с чуждым существом? Чтобы указал жене, что негоже отбирать ребенка у отца?

Люди не имеют понятия о чести, поэтому не стоит мучиться угрызениями совести от осознания того, что и Тейл собирается поступить с ними недостойно.

Глава 13

Глава 13

Ветерок лежал на животе на расстеленном лоскутном одеяле — ручки вытянуты вперед, голова гордо задрана. То и дело потешно заваливался на бок, останавливая себя дрыганьем всех конечностей, а на спине хлопала пара голых розовых крылышек.

Чармейн убедилась, что Ветерку, так называли сына, ничего не угрожает на зеленой траве и отступила к глади озера, не сводя глаз с малыша. Такова была новая жизнь — она больше не могла позволить купаться в уединении. Чармейн не мешало полоскаться, наблюдая за сыном — сейчас он увлеченно разглядывал травинки. Она и не могла бы оставить его в доме одного, даже спящего в кроватке, и улизнуть к озеру.

Интересно, где все-таки Кувшинка, не случилось ли с ней чего? Она любопытна по природе и не пропустила бы интересного зрелища. Значит заболела или чего хуже.

Чармейн прищурилась, разглядывая бликующую гладь озера. Зеленой головы не видно. Эх, неужели Тейл остался последним фейри в лесу?

Ветерку уже три недели и все они слились в один период разделенный отрезками сна и бодрствования малыша. Чармейн любовалась им и в тайне гордилась, что это чудесное существо полностью создано из нее — творец и кормилица в одном лице.

Хотя характер чувствуется уже в первые дни. Почему-то у самой Чармейн плохо получалось успокаивать резкий требовательный плач. А вот у Дэмиена на плече Ветерок тут же утихал и издавал удовлетворенный вздох. Поэтому Дэмиен спешил домой после заданий как угорелый, да и лес старался не вызывать его по мелочам. Муж хотел как можно больше проводить времени с Ветерком. Есть у малышей такая особенность — чем больше уделять им внимания, тем прочнее привязываешься.

Милисент тоже заглядывала так часто как могла. Ее часть леса находилась в целом дне пути, а оборачиваться она еще не могла, но Милисент нашла выход — она бежала. Бежала без устали, как горная козочка, не сбавляя шага и перепрыгивая через преграды. Появлялась вся красная, со сбитым дыханием, но быстро отходила, споласкивалась в холодной воде, а потом носила Ветерка на руках или помогала в доме.

Сказывалось Вирхольмское воспитание — ребенок в доме событие,

ради которого откладываешь в стороны прошлые раздоры. Чармейн была несказанно рада визитам Милисент, она и не подозревала как сильно можно устать, если не спать больше пару часов кряду несколько недель.

Ветерой сильно пыхтел, сопел ночью и дышал неровно. Чармейн вскакивала при малейшем шуме, шла проверять колыбельку. И ничего не могла с собой поделаться — слишком переживала за сына. А еще она боялась проспать, обнаружить пустую кроватку, без родной кровиночки. Дэмиену в этом страхе она признаваться не хотела. Старалась, чтобы он не знал о ее ночных бдениях. Так и ходила с тяжелой головой. Иногда, казалось, что она плохо разбирает где сон, где явь, совсем как в полете.

Поэтому при визитах Милисент Чармейн ложилась на кровать и проваливалась в небытие.

Чармейн закончила быстрое купание, обтерлась полотенцем, накинула свободное платье времен беременности. Ветерок устал, так и рухнул на одеяльце носиком вниз.

— Иди ко мне, мой хороший, — проворковала Чармейн.

Взяла его крепкое тельце, уложила на чистую пеленку. Вместе с родами пришла весна, выдался на удивление теплый день, поэтому она позволила сыну солнечную ванну. Крепко спеленала его в тугой комочек. Пришло время его трапезы, а потом спать.

Чармейн покормила Ветерка сидя на лоскутном одеяле на берегу озера. Сын сыто вздохнул и, прикрыв глаза, откинулся на локоть.

— Идем домой, маленький?

Она встала, одной рукой поддерживая сверток, а другой поднимая одеяло. Обернулась и увидела за собой Тейла. Он появился неслышимый, в первый раз после родов. Чармейн инстинктивно закрыла Ветерка зеленым одеялом.

— Ты не покажешь мне сына? — спросил эльф и в его голосе послышалась пополам боль и угроза.

Первым порывом Чармейн было отказать. Есть у малышей такая особенность — чем меньше уделять им внимания, тем легче быть к ним безразличным. Потом ей стало стыдно перед Тейлом и она убрала край одеяла, показывая пухлое лицо Ветерка с закрытыми глазками и вздернутой пуговкой носа.

Тейл смотрел не дыша, замерев всем телом, будто ничего другого в мире не существует. А потом повернулся спиной и растворился между стволов не попрощавшись. Оставил Чармейн глотать воздух в приступе паники. Боже! Какую ошибку она совершила. Постеснялась отказать в просьбе здесь и сейчас... Дура! Он же теперь не откажется от Ветерка, ни

за что на свете. Ради него все было задумано!

Что ей делать? Как защитить?

Единственный выход это взять сына в охапку и сбежать за черту прочь от фейри и волшебного леса. Просить милости у Юстаса, раз он хорошо устроился. И никогда не видеть Дэмиена... Пожалуй она не готова заплатить такую цену.

Тише, все это продумывалось не раз. Как бы Тейл не хотел ребенка, он не может его забрать против воли. Он, наверное, будет ждать, когда Чармейн ослабит бдительность. И не дождется.

Чармейн вернулась в хижину и принялась собирать котомку. Пришло время нанести визит родителям. Крылья сына она спрячет, в тугом свертке с щечками наружу их не видно. Ей необходимо поменять обстановку, увидеть мать. Сколько бы их не разделяло недомолвок, как бы не была высока стена непонимания, но становясь матерью понимаешь, как нужна поддержка той, что дала тебе жизнь. Как много ей надо спросить, чтобы не бояться ежеминутно совершить ошибку и навредить Ветерку. Можно ли откусывать ему ногти или следует приобрести крохотные ножницы? Что значит его плач ближе к вечеру, когда ничего не помогает, только присутствие Дэмиена? Чармейн сходит с ума, когда мужа нет.

И да, ей нужно узнать новости о Юстасе, только, чтобы прояснить картину. Убегать она не будет, но полезно узнать, возможен ли такой выход, если угроза Ветерку станет невыносимой.

Чармейн полностью собралась и принялась дожидаться Дэмиена, нервно прохаживаясь по комнате с ребенком на руках.

Когда муж вернулся домой и узнал о намерении навестить родных, то не стал задерживать. Захватил перекусить ломоть хлеба, забрал из рук Ветерка и только попросил:

— Возвращайся поскорей, хорошо? Дома так пусто без вас.

И Чармейн сразу забыла обо всех невзгодах, потянулась к нему за поцелуем. Коснулась его губ, провела щекой по щетине, окунулась в привычный запах хвои и мускуса. Дэмиен обнял ее одной рукой, а второй баюкал Ветерка. Чармейн положила голову на грудь мужа, слушала стук его сердца и пыхтение малыша.

— Я сама долго без тебя не выдержу. Хоть выспишься как следует.

— Знаешь, бельчонок теперь уж не так сладко спать, когда тебя нет рядом. Приручила.

— И ты меня.

В Вирхольм она пришла с легкой душой. Дэмиен проводил Чармейн до дома родителей, так и не выпуская Ветерка. Отдавал его жене только для

кормления. Она не могла сдержать улыбки, глядя на их связь — Ветерок тоже был без ума от Дэмиена. Лежал у него на руках как сказочный властитель из южных стран, развалившись в расслабленной неге, с мечтательным выражением на лице. А потом и вовсе заснул.

Жителей города Дэмиен вежливо осаживал, никому не дал подойти «посмотреть одним глазком» на спящего Ветерка.

— Ребенка будить нельзя, — говорил он встречным твердым голосом и те спешно уходили с пути.

Подле родительского дома Дэмиен поцеловал ее крепко в губы, нехотя передал Ветерка, напоследок потершись щекой о пушистую головку и заторопился домой.

Отец и мать уже стояли у порога со счастливым и ошалевшим выражением в глазах. Отец сказал короткую и прочувственную речь о счастье его семьи, пообещал праздник для всего города. Тем временем мать тронула Чармейн за рукав, поманила домой.

— Ты не должна стоять с ребенком на руках, пока отец разливается перед горожанами. Ну как, дашь посмотреть?

Чармейн усадила мать на диван, осторожно передала сверток. Ветерок проснулся и недовольно ерзал, пока не подавая голос. По хорошему, его давно пора покормить.

Мать восторженно рассматривала его нахмуренное личико. Чармейн невольно отметила, что она держит его странно — плечи напряжены, локоть под неудобным углом. Неужели так быстро забывается наука ухаживать за младенцами?

— Несла его всю дорогу, Чармейн? Как же о шапочке не озаботилась?

Чармейн вздрогнула и поспешила оправдаться:

— Посмотри как хорошо он укрыт одеялом и носик тепленький, я проверяла!

Ветерок просительно заворчал, тоненько захныкал, прося еды. В лифе стало тесно и подложенный за ворот платок весь промок от прилива молока. Чармейн больше не могла ждать, забрала сына у матери и по привычке побежала наверх в свою комнату, чтобы там в уединении всласть покормить Ветерка.

Как удивительно смотреть на стены комнаты, в которой выросла из крохи, и держать на руках собственного сына!

Чармейн бросилась в глаза картина во всю стену, на которой она юная и прекрасная качалась на качелях, посреди цветущего сада. Художник был в нее немного влюблен, это чувствовалось в том, как платье облегало тонкий стан, как развевались шоколадные кудри на ветру. Чармейн со

стены смотрела игриво, с вызовом в глазах. Кормящей Чармейн, уставшей и погруженной в заботу о беспомощном существе, казалось на стене изображен совсем другой человек.

Мальш наелся и заснул, утомленный дорогой. Чармейн снесла его вниз к родителям. Те долго умилялись его красотой. Мальчик получился загляденье: пусть все дети похожи друг на друга, но Ветерок прям ангелочек с картин возрождения с белым пухом на макушке, с огромными глазами пока непонятного свинцового цвета.

Чармейн позволила себе отдохнуть. Сидеть в глубоком кресле, подложив ноги на мягкий пуфик, пить яблочный сок в прикуску с ломтем хлеба, щедро намазанный маслом, чтобы молоко было пожирней. И смотреть, как бережно отец прикасается к внуку, как смотрит на нее совсем по другому, будто наконец нашел повод гордиться дочерью.

Идиллия длилась не долго — в дверь постучали. На пороге стояла мать Дэмиена, тот заглянул к ней по дороге в лес, сказал, что внук в городе. Она не выдержала, побежала к мэру посмотреть на Ветерка одним глазком.

— Кэрон! Заходи скорей, посмотри, каких гостей привечаем. Воистину королевских кровей!

Отец поднял Ветерка в воздух, Чармейн занервничала.

— Простите, без приглашения, мне очень неудобно, — забормотала мать Дэмиена глядя то в пол, то, щурясь, на малыша.

За ее спиной стояла лавочница Агнесса с подарком в руках, завернутом в красную яркую бумагу с золотым бантом. Передала его в руки матери и откланялась, а Кэрон вся красная от смущения прошла и села на диванчик подле Чармейн.

Кэрон подержать Ветерка не дали. Родители Чармейн знали, что дочь пришла всего лишь погостить и пользовались своим правом хозяев, не спуская внука с рук. Во время роскошного ужина отец то и дело отлучался принимать подарки от горожан. Несли одежду, игрушки, изысканные лакомства, которые по традиции кушали кормящие матери — хрустящие стебли аспарагуса, передаваемые из-за завесы на вес золота.

Когда Чармейн поднималась наверх покормить Ветерка, то позвала за собой мать Дэмиена, под предлогом помощи с застежкой на платье. В комнате дала ей на руки ребенка после кормежки.

Кэрон прижала к себе Ветерка, тот удобно устроился у нее на руках.

— Как он пахнет молоком! Вечно сидела бы тут и млела, глядя в эти чудесные глазки.

Чармейн ждала, скажет ли мать Дэмиена на кого похож Ветерок, но та молчала. Вот и хорошо.

— Давай не будем тут долго засиживаться. Твоя матушка верно ждет внизу и ревнует, что ты позвала меня, а не ее. Я благодарна, Чармейн, но нельзя злоупотреблять гостеприимством

А и верно! Чармейн не подумала, но Кэрол права — скорей всего мать стоит внизу, оскорбленная пренебрежением дочери и не смеющая самовольно вломиться к кормящей матери.

Чармейн попросила у Кэрол спуститься первой вниз, передать, что они с Ветерком скоро будут. На скорую руку перепеленала сына, жалея, что нельзя дать ему свободу подрывать ногами в свое удовольствие.

Мать действительно стояла под лестницей. Чармейн передала ей Ветерка, со смиренным видом направилась в гостиную. Кэрол уже стояла в дверях, прощаясь с отцом. Повернулась помахать невестке, улыбнулась — Чармейн померещилась горечь в улыбке? — и исчезла в ночи.

Отец устало сел на диван и предложил дочери место подле себя.

— Скажи Чармейн, удалось ли тебе узнать что-то новое для Юстаса?

— Н-нет отец. Я была в тяжести и мало ходила по лесу, — соврала она.

— Он передал тебе еще одно письмо. Это просил не открывать, только для твоих глаз.

Чармейн приняла желтый конверт, запечатанный сургучом с затейливой печаткой волчьей лапы. Чармейн гладила воск пальцем, не решаясь сломать печать.

— Юстас очень плох, дочка. Я понимаю, ты была в тягости и не могла уделить время его просьбе. Теперь, разрешившись бременем можешь подумать о брате.

«Вот, все, что ему нужно от меня!» — с горечью отметила Чармейн.

— Теперь у тебя свой ребенок, может поймешь со временем, что значит днем и ночью думать о его благополучии.

— Отец, ты ведь понимаешь, что толкаешь меня на преступление против леса?

— Понимаю. Поверь, мы с матушкой беспокоимся и о тебе. Никому не пожелаю выбирать между своими детьми. Прости, может я ошибался, но мне казалось ты сама радеешь о судьбе брата.

Чармейн промолчала в ответ. Она чувствовала себя виноватой перед Юстасом. Полагалось его любить, но ничего похожего она в себе не ощущала. Ей было все равно, жив Юстас или мертв. Ей стало стыдно и она опустила голову.

Отец посчитал это положительным ответом. Одобрительно положил тяжелую руку на плечо и вышел из комнаты, оставив наедине с письмом.

Чармейн выдохнула и вскрыла его.

«Возлюбленная сестра,

Моя судьба в твоей власти. Родители передали весть о мужестве и силе воли младшей сестренки. Горжусь тобой, милая Чармейн. Я не смел надеяться на твою руку, протянутую в беде. Когда просыпаюсь ночью, осознавая свое дикое одиночество, то вспоминаю, что сестренке не безразличен брат и мне становится чуть легче дышать. Я кашляю кровью, Чармейн. Это начало конца.

Уже несколько месяцев слежу за пещерой на границе, и уверился окончательно — белокурый фейри стоит на страже полога. В самом начале я видел еще и зеленовласую, но она видимо больна, так как еле ходила, а потом и вовсе пропала. Чармейн, будь уверена, фейри уязвимы. Я передал через родителей серебряные стрелы. Надеюсь, ты достаточно тренировалась и сможешь попасть в туловище, буде представится такой шанс.

О последствиях не беспокойся. Я буду ждать тебя, сестра. Я богат, в твоём распоряжении будет трехэтажная усадьба, не чета Вирхольмским домишкам. О малейшей прихоти позаботятся специальные люди, работающие на меня, зовущиеся слугами. Вся их забота, Чармейн, о твоём благополучии. Беги смело через черту с малышом.

И помни, твое промедление — мой приговор. Тебе не следует сомневаться сестренка, потому что в случае моей смерти, и тебе жизни не будет.

*С надеждой и любовью
Твой брат, Юстас»*

Чармейн скомкала белый лист бумаги исписанный ровным почерком. Буквы показались шипящими змейками, а уж содержание!

Будто Юстас прочитал ее тайные и недостойные мысли. Будто ему обо всем прекрасно известно: предлагает избавиться от Тейла и найти убежище в прекрасном особняке на три этажа.

А вот нет! Не будет она этого делать! И пусть он уже приготовил для нее какую-то гадость — недаром закончил письмо угрозой, — Чармейн брата не боится.

Следует обо всем рассказать Дэмиену. Кажется, у Юстаса связь не только с родителями, а с кем-то еще в Вирхольме. Скорей всего он взял под контроль пещеру обмена и таким образом влияет на дела в городе. Значит стоит подрезать ему крылья — рассказать Тейлу, пусть усилит таможенный

контроль. Юстас не обрадуется, но сейчас Чармейн его больше боялась, чем жалела.

Расстроенная, она отправилась искать мать с Ветерком, чтобы уткнуться в его макушку, пахнущую молоком и забыть обо всем на свете. Нашла их в зеленой гостиной, мать качала его на руках, а Ветерок не то возмущался, не то жаловался.

— Он недавно поел, — объяснила Чармейн забирая сына. — Скорей всего его нужно поменять. Я сейчас.

Она побежала наверх, движимая желанием остаться один на один с сыном. Будет ли она любить его, даже если он вырастет жестоким?

«Буду».

Заставит ли она сестру Ветерка идти на преступление ради него?

«Невозможно решить, слишком тяжелый выбор. Одно ясно, судить родителей я не могу. Они делаюсь все возможное ради Юстаса, даже если цена — давить на меня. Что за ошибку совершили родители, раз выросли два чудовища, я да Юстас? Один предлагает убить фейри, вторая думала об этом. Брат не знает о тебе, Ветерок, вот в чем ошибка Юстаса. Я не могу поднять руку на тех, кто плоть от моей плоти».

Чармейн достала чистую пеленку, уложила Ветерка на диванчик и принялась за дело. Малыш сразу успокоился и теперь агукал звучным голосом на всю комнату и с удивлением смотрел на собственные кулачки.

Он был такой потешный и наивный. Мутные мысли рассеялись.

«Я буду любить сына как умею, хоть Ветерок достоин лучшей матери. Постараюсь дать все, что смогу. Вырастет, кем вырастет».

Чармейн увлеклась вытиранием попы и не заметила, что малыш освоил новый трюк. Рывок, и Ветерок изящным маневром перевернулся на живот, гордо расправив куцые крылья и задрал голову.

И тут послышался... Даже не стук, поворот дверной ручки. Чармейн в панике обернулась, увидела лицо входящей матери и всем телом бросилась на Ветерка в тщетной попытке укрыть сына.

— Не пугайся так, Чармейн, дай посмотреть на него хорошенько.

Мать проскочила в комнату плавным движением, повернулась, достала из кармана сверкнувший ключ и заперла дверь. Ах если бы этот ключ попал к Чармейн чуть раньше. Что теперь будет!

Чармейн настороженно наблюдала за матерью, готовая в любой момент броситься на защиту сына. И удивилась, увидев, как мать с мечтательным выражением наблюдает за трепыханием оципанных куриных крылышек.

— Перед фейри не устоять, поверь я это знаю по собственному опыту.

Только не понимаю, почему Дэмиен нежно относится к ребенку? Мой муж так и не смог тебя полюбить...

У Чармейн задрожали губы.

— О чем ты говоришь?

— Не знала? Я то думала, давно догадалась... Твои успехи в лесничестве... Чем из объяснить, как не щедрой дозой крови фейри?

— Кто? Кто мой отец?

— Я его не видела с твоего рождения. Думала придет посмотреть на тебя в лесу. Никого из фейри не встречала?

Чармейн поперхнулась. Желание узнать о своем происхождении жгло изнутри, но лишь мгновением ранее она сказала отцу (или как его называть теперь. Мэр? Бертерих?) о том, что не видела никого из народа фейри. Сейчас ничего не осталось как подтвердить:

— Нет, не встречала.

— Как может быть?

Мать посерела и осела на пол, отвернувшись от Чармейн в сторону окна.

— Я была уверена, что пусть он не хотел больше видеть меня, но никогда не откажется от дочери. Хотя, что мы знаем о фейри?

— Матушка скажи, поэтому отец, — Чармейн так и не могла называть его по другому, — всю жизнь предпочитал мне Юстаса?

— Ах да, по поводу твоего брата. Чармейн надеюсь на твою благоразумность. Не делай ничего, что может нарушить договор или рассердить лес. У Юстаса созрел безумный план убить защитника границы. Не смей ему потакать. Пусть делает грязную работу сам, раз ему это угодно.

— Неужели отцу меня совсем не жаль?

— Жаль меньше, чем родного сына. Прости, милая, вижу мои слова причиняют тебе боль. Чармейн, я думала ты давно выросла и обрела жизненную хватку. Тебе отлично удалось выйти замуж за одного и родить ребенка от другого. После этого легче-легкого просчитать чувства обманутого мужчины.

— А тебе мама, есть до меня дело?

— Конечно, маленькая. Если и есть в мире, кто будет любить до последнего, то это матушка. Если бы ты знала Чармейн, сколько раз я принимала отцовский гнев на себя, лишь бы тебе не досталось. Чтобы ты росла в спокойствии и безопасности?

— И все же кто мой настоящий отец, как мне его узнать?

В дверь постучали. Чармейн мигом принялась пеленать ребенка, а мать

нарочито медленно пошла открывать.

— У него такие же шерстистые уши, — прошептала она дочери напоследок.

У Чармейн запылали щеки и она подняла руку проверить прическу. Волосы надежно прикрывали заостренные, поросшие рыжей шерстью уши.

Мать подмигнула, бросила:

— От глаз матери ничего не скроется, — и открыла дверь. Когда Бертерих зашел в комнату, Ветерок уже зевал, замотанный в плотный кокон.

— Простите, если помешал, — виновато сказал отец. — Внизу без вас пусто и тоскливо. Я уже соскучился по Ветерку.

Он взял его на руки и принялся расхаживать по комнате с непривычно умиротворенным видом, мурлыча под нос колыбельную песенку для ребенка.

Чармейн вспомнила как в детстве родители всеми правдами и неправдами достали из-за черты белокурую куклу. В Вирхольме живут мастера на все руки, но такую сделать не могли — одетую по непривычной моде в узкую спереди юбку с пышным задом, с кокетливой шляпкой на волосах и кружевным зонтиком. Чармейн была от нее в восторге, не расставалась ни днем ни ночью. А потом подхватила от игрушки неизвестную заразу, провалилась в беспамятство и жар, провалялась на грани жизни и смерти чуть ли не месяц. Мать в сердцах выбросила куклу. Когда Чармейн пришла в себя, то была безутешна. А отец отправился в выгребную яму, нашел там куклу, отстирал собственноручно костюм в синюю полоску и вернул дочери. Кукла, кстати, до сих пор лежит в нижней полке комода.

Нет, не Бертерих — отец, настоящий отец, пусть любящий брата чуть больше нее.

А кровный, тот, кого любила мать, так и не пришел посмотреть на дочь. Чармейн боялась думать о причине — с тех пор, как она попала в лес пропала Кувшинка. Не хотелось верить в то, что с ней случилось нечто непоправимое. Чармейн нравилась безмолвная девушка с чешуей на плечах и зелеными волосами. Наверное, она так и не узнает никогда в чем была причина неумолимого любопытства Кувшинки по отношению к Чармейн.

Если, действительно, на свете когда-то был фейри, давший ей жизнь, то его больше нет. И грустно признать, но наверное Тейл остался последний из своего народа. Нет, теперь есть еще Ветерок. И Чармейн следует задуматься, что за беда стерла фейри с лица земли, раз теперь она одна из них, а в сыне и того больше волшебной крови.

Глава 14

Глава 14

За прошедшие два месяца Ветерок округлился, обрадовал первой осознанной улыбкой. Теперь утром Чармейн встречал довольный жизнью малыш с ямочками на щечках. Крылышки обросли белым пухом и весь он стал похож на розовощекого пухлого ангелочка.

Чармейн обожала сына, частенько лежала рядом с ним, на расстеленном на солнце пледе и любовалась складочками на ручках, огромными голубыми глазками, сильными ножками с маленькими пальчиками.

Если бы не усталость и постоянное желание урвать хоть пару часов сна, то Чармейн сказала бы, что эти весенние дни — лучшее, что было в ее жизни.

Она много думала о своем отце. Не о том, кто жил в лесу, а о мэре Вирхольма. Странно, но с тех пор как правда вышла наружу, Чармейн почувствовала себя свободной. Она всю жизнь старалась изо всех сил заслужить его расположение. Быть примерной дочерью, которой можно гордиться — самой красивой и послушной. Все напрасно, что бы она не делала, отцу было недостаточно. Даже о пении, которого собирался слушать весь Вирхольм, он отзывался неодобрительно. Чармейн страдала, остро ощущала несправедливость беспредельной любви родителей к брату и постоянно чувствовала себя ненужной в доме.

Какое облегчение перестать искать в себе причины холодности отца! Теперь она может быть благодарной за все хорошее и не ожидать ничего сверх меры.

Сама же Чармейн мечтала о том, что Дэмиен будет любить Ветерка как родного. Не хотелось бы ей повторить судьбу матери, видеть, как муж различает между детьми своими и чужими.

Бывают же в жизни совпадения! Кто бы мог подумать, что Чармейн повторит тягу матери к лесным эльфам. Хотя... может любовь к фейри не странность, а предопределенность: Тейл выбрал Чармейн из-за доли зачарованной крови. Хотел сына, который будет больше фейри, чем человек.

Вот дурочка, она то думала, что приглянулась ему красотой или звонким голосом.

Она вспомнила былое обожание и то, как она млела от одного присутствия эльфа и частенько теряла слова. Посмешище, а не девица. И все же в той давней истории не все сходится : раз Тейлу был нужен ребенок, зачем унижать глупую деревенскую девицу. Зачем мучить ее, давить до такой степени, что Чармейн вышла замуж за Дэмиена, под влиянием порыва?

Раньше она стала бы искать в себе фатальный изъян, но новая веха в отношениях с отцом прибавила житейской мудрости — причина не только в ней самой. Что-то заставило Тейла стать жестоким. Ненависть ко всему человеческому роду, неведомая угроза фейри или связь с Кувшинкой... Вот бы знать наверняка и оставить эту историю в прошлом!

Чармейн не повезло — она слишком болезненно перенесла отвержение. Тейл ударил по самому больному месту. Видимо, он сам не ожидал бунта от покорной и влюбленной Чармейн, а когда опомнился она была давно замужем за другим.

Тот, кто сумел излечить ее, дал возможность поверить в себя выходил сейчас из леса, измазанный в черноземе. Черные волосы рассыпаны по мощным плечам, рубашка расстегнута на груди, штаны плотно сидят на узких бедрах. Чармейн побежала навстречу мужу, поцеловала, забрала тяжелую котомку.

Он с улыбкой погладил ее по спине и поспешил к Ветерку. Одно удовольствие подкидывать мальчишку в воздух — бьет крыльями и все время кажется, что вот-вот взлетит. Крепкий, и уже смеется залившимся смехом, хотя всего месяц назад научился улыбаться.

Чармейн собрала плед и взяла ветерка на руки, пока муж на скорую руку сполоснулся в озере. Дэмиен с наслаждением лил на себя воду, а Чармейн любовалась рельефными мускулами. Рубашка прилипла к телу, подчеркивая рельефные мускулы. Красивый мужчина и любит ее. Что еще нужно в жизни?

Они поужинали пирогом с овощами. Ветерок не слазил с рук Дэмиена и все норовил украсть у того ложку. Дэмиен ловко уклонялся, но увидев, как ребенок скривился от досады, покорился, и ложка мигом перекочевала в рот довольного Ветерка. Чармейн встала, принесла мужу новую, деревянную, расписную. Та показалась малышу более привлекательной и он вновь начал охоту.

После ужина Ветерка раздели наполнили лохань теплой водой. Купаться он любил: счастливо жмурился на руках у Дэмиена, пока Чармейн осторожно поливала из кувшина круглый животик и поросшую пухом голову.

После купания Дэмиен остался поиграть чуть с Ветерком перед сном, а Чармейн вышла на улицу быстро постирать пеленки и повесить сушиться на ночь. На улице поднялся сильный ветер, Чармейн чуть не сбило с ног. Хлестнуло по спине жгучим вихрем, с поднятыми в воздух веточками и песком. Небо застилало облака, пока в рваных разрывах сияли звезды, но сплошная громадина грозовой тучи уже надвигалась с востока.

Чармейн поспешила к озеру успеть застирать пеленки. Вывесить придется дома — скорей всего ночью собирается серьезная буря. Весной они не редкость, но все же стоит спросить Дэмиена как прошли сегодняшние задания.

Чармейн поднялась с мостков с корзиной белья в руках, в глазах потемнело, голову пронзила резкая боль. Недосып сказывается, к вечеру становится совсем тяжело управиться с делами. Чармейн пошатываясь пошла к дому. Ее подхватил на тропинке Дэмиен, забрал корзину с бельем, поддержал под локоть.

— Ветерок уже спит. Ложись и ты, в первую часть ночи он реже просыпается.

— Дэм, солнце только зашло. Мне еще дел сколько переделать по дому...

— Я с бельем справлюсь, а все остальное подождет утра. Только поешь немного, ты за ужином так ни к чему и не притронулась.

— Правда? Я и не заметила.

Они зашли домой тихо как мыши. Ветерок посапывал в своей колыбельке. Он обычно спал очень шумно, часто ворочался, храпел. Малейший шум будил Чармейн. Дэмиен сперва вскакивал вместе с ней, но потихоньку привык и теперь его не будил даже требовательный голодный плач.

Чармейн наслаждалась простым ужином и дымящейся чашкой сладкого отвара. За окном выл ветер и хлестали ветки. Дэмиен вышел запереть ставни, чтобы деревья не повредили ненароком тонкую пленку стрекозиных крыльев.

— Дэм, скажи, в лесу все в порядке?

— Обычный день, ничего особенного. Ты из-за бури спрашиваешь? Может стоит спросить Милисент... Я ее завтра навещу.

Чармейн отставила в сторону полупустую чашку. Ее сильно клонило в сон. Дэмиен задул свечи, оставив одну в дальней части комнаты.

— Спи, белочка, я закончу пару дел и присоединюсь к тебе.

Чармейн переделась в ночную рубашку и легла в мягкую постель. Ветерок мерно дышал в своей колыбельке. По крыше застучали капли

дождя. Ей захотелось попросить Дэмиена занести с улицы плетенный стул, но голова стала слишком тяжелая, а язык неповоротлив. Чармейн провалилась в глубину сна.

Она проснулась от резкого звука. Хлопнула входная дверь. Рядом, повернувшись на бок крепко спал Дэмиен. Из колыбельки слышался шорох, будто сын уже проснулся, но еще не заплакал.

В доме с закрытыми ставнями было темно. Чармейн, протерла глаза и тихо встала с кровати. На полке хранился ящичек со светящейся головешкой как раз для таких случаев.

За окном царил тишина. Гроза утихла, в воздухе разлилась свежесть мокрой листвы.

Чармейн нащупала корзинку, из которой лился слабый зеленоватый свет, достала склянку где мерцала прожитая светящимися грибами коряга.

Грудь распирало от молока, значит она спала довольно долго, да и голова свежая. Нужно покормить Ветерка, он все равно проснулся и с минуты на минуту затребует еды.

Чармейн подошла к колыбельке полюбоваться на сына.

На расшитой цветами простынке лежало нечто, в зеленоватом свете головешки невероятно уродливое. Большая лысая голова, подслеповатые заплывшие слизью глазки, тщедушное тело с по паучьи длинными руками и ногами, на пальца звериные коготки.

— Дэм! Дэм! — закричала Чармейн.

Разбуженный Дэмиен спросонок упал с кровати и тут же вскочил на ноги. Подбежал к белой как простыня жене, замеревшей над колыбелькой зажав ладонями рот.

— Что это? Во что они превратили Ветерка?

Дэм бросил один взгляд на существо в колыбельке, которое заплакало тоненьким еле слышным квакающим голоском. Отступил к стене.

— Не Ветерок. Это подкидыш.

Очнувшись Чармейн рванула к двери, выбежала босиком во двор.

На освещенной луной поляне царил безмолвие. Полная луна серебрила росу на траве, ни листочка не шевелилось на деревьях.

Чармейн бросилась прямо в непролазную чащу не тратя время на поиски подходящей тропинке. Ей почудился в воздухе молочный запах Ветерка.

Сучья и острые камни впивались в голые ступни, но она все бежала напролом.

— Тейл! Верни мне его, Тейл! Ты не можешь его забрать от матери. Он

погибнет без меня, Тейл!

Она спрашивала, обнимая вековые столбы о своем сыне. Просила слезно у Хозяина леса вернуть ей малыша. Ей казалось, что она слышит ответ, ей сообщалось, что обмен произведен по правилам. Законы леса не были нарушены.

— Тейл! Сжался надо мною, Тейл. Ты и так у меня достаточно отобрал...

Чармейн спряталась между толстых корней. Слезы катились сплошным потоком, грудь, каменная от избытка молока, саднила и болела. А где-то там, за покровом леса, наверное прямо сейчас плачет от голода ее сын.

Она вновь встала, слепо побрела вперед, не переставая умолять.

— Чармейн!

Дэмиен окликнул ее, нагнал быстрым шагом. Он нес в руках белый сверток. Чармейн скривилась, поняв, что он взял с собой подкидыша.

— Он же живой, — сказал Дэмиен. — Я не мог оставить его одного.

— Дэм, что мы будем делать?

Она приникла к мужу, зарылась заплаканным лицом в его плечо. Дэмиен усадил Чармейн на траву, приобнял одной рукой, второй поддерживая задохлика.

— Я буду искать Ветерка. И найду, чего бы не стоило.

Чармейн ничего не отвечала. Ее губы предательски дрожали.

— Ты не найдешь его. Нам нет пути туда, где живет народ фейри, к тому же Тейл слишком хотел Ветерка. Они произвели обмен, да? Вырастили в своих тенетах гомункула взамен нашего Ветерка.

— Бельчонок, посмотри внимательно на подкидыша.

Большеголовый уродец тяжело дышал и плакал писклявым голосом. При свете луны его кожа отливала зеленым, кое где на ней блестели прозрачные чешуйки. Тонкие палочки ручек и ножек, выпирающий живот.

— Думаешь это ребенок Кувшинки?

— И Тейла. Он отдал сына за сына, равноценный обмен.

— Похоже ты прав, — хмыкнула Чармейн. — Все сходится. Помнишь тогда во время пожара Кувшинка была в свободном платье, чтобы скрыть живот? А потом, стала прятаться, чтобы я не заподозрила. Так вот куда она пропала... Фу, какая мерзость. Они же брат и сестра, не так ли?

— По крайней мере так говорил Тейл, его словам можно верить.

Оба молча сидели рядом погруженные в горе. Чармейн отчаянно скучала по тяжести сына в руках, но еще больше ее мучила мысль о том, как Ветерку сейчас дышится в чужом доме, среди чужих существ, без

маминого прикосновения и запаха. Он наверное думает, что мать его бросила.

Из тревожных мыслей ее выдернул протяжный вой подкидыша, перешедший на еще более высокую, режущую ухо ноту.

Дэмиен встал, прошелся по поляне, укачивая горестно воющее существо.

— Что с ним такое? Дай посмотреть!

Чармейн со стоном поднялась на ноги, боль в изрезанных ступнях дала о себе знать.

Подкидыш плакал, сморщив личико со слезящимися глазами. Чармейн погладила лысую голову. Эх, не может она смотреть спокойно на страдания беспомощного существа.

— Он, наверное, голоден, — тихо сказала она.

Лишь мгновение поколебавшись, Чармейн решительно поднесла подкидыша к своей груди. Тот мигом присосался и принялся с жадной глотать, вцепившись в Чармейн тоненькой ручкой с длинными пальцами.

— Ты уверена? — тихо спросил Дэмиен.

— Он-то ни в чем не виноват. Мы не можем дать ему умереть от голода.

— Уродливое дитя инцеста еле похожее на человеческое существо?

— А чего ты сам хочешь, Дэм?

Он подошел к ней, обнял за плечи, встал за спиной и прижался к ней всем телом.

— Бельчонок, он никому не нужный, несчастный живой комочек. Даже если бы его подбросили под дверь вдобавок к нашему Ветерку, я бы взял его под свою опеку. Не знаю, что из него вырастет, но не смогу оставить его на произвол судьбы. Лесничество учит ответственности. Я спросил, потому что мне важно знать что думаешь ты.

Чармейн посмотрела на дрожащего от возбуждения уродца у своей груди. Ветерок ел по другому, никогда с такой жадностью, будто не кормленный неделями.

Она бы никогда не смогла отказаться от Ветерка, а этого заморыша выкинули, заменив на более удачную версию. В груди кольнуло сочувствие. Если отринуть приятную внешность, Чармейн всегда считала себя неудавшейся подделкой, такой как отвергнутый ребенок, лежащий в сгибе ее локтя.

— Дэм, мне его жаль до слез. Не знаю, как будут относиться фейри к нашему Ветерку, но подкидыша я не обижу.

— Вот и хорошо, — сказал Дэмиен и поцеловал ее в затылок, а потом

прошептал на ухо. — Я, кажется, люблю тебя еще больше.

— Дэм, я не заслуживаю, — ответила Чармейн. — Я хуже, чем ты обо мне думаешь.

— И я виноват перед тобой. Не уберег нашего сына...

— Все было predetermined.

Да, все разыгралось точно по нотам. Подкидыш одного возраста с Ветерком, значит фейри были готовы к подмене с самого начала. Тейл все это время пытался выпросить у нее встречи с сыном по хорошему. Она три раза ему отказала. Думала, что одержала верх, а на самом деле Тейл давал возможность одуматься.

— Дэм, я даже не знаю как мы сможем выпросить его обратно. Может Хозяин леса?

— Я сделаю все возможное. Идем домой, дождемся утра, возьмем Милисент в союзницы.

Дэмиен разорвал на полосы тонкую рубаху, в которой спал, присел перед Чармейн на колени, обмотал раненые ноги тряпицами.

Подкидыш наелся досыта откинулся на спинку с выражением полного блаженства на мордочке. Дэмиен нес его одной рукой, а второй поддерживал прихрамывающую Чармейн.

Хижина встретила их тишиной, как разграбленное гнездо. Дэмиен уложил подкидыша в кроватку, укрыл зеленым одеяльцем, которое Чармейн сшила для Ветерка.

Спать оба не могли. По привычке принялись наводить порядок. Чармейн застирала, оставленные со вчера отмокать распашонки. Те, что замочить не успела, еще хранившие запах сына отложила в сторону с тихим вздохом.

Она по привычке прислушивалась к доносящимся из колыбели звукам, и невольно вздрагивала, понимая, что там лежит чужой. Подходила, рассматривала спящего подкидыша, отмечала с болью в сердце как резко выпирают ребра, как слезятся закрытые глазки, как тяжело он дышит во сне.

— Как мы назовем его?

Дэмиен услышав вопрос подошел поближе, встал рядом с нею, молча смотря на спящего ребенка. Оба мысленно перебирали имена.

— Не знаю, — наконец шепотом сказал Дэмиен. — Ни одно имя ему не подходит.

— Это правда, — выдохнула Чармейн. — Что-ж придется ему побыть «Подменьшем».

— Его бы выходить, потом подумаем над остальным. Весь он

болезненный, как брошенный котенок. Глаза начнем завтра промывать ромашковым настоем. Со временем наберет вес. Твое молоко сытное, устоявшееся, главное, чтобы не пропало.

— Ест жадно, не пропадет, — Чармейно по привычке взвесила в руке пустую грудь с обеих сторон. Ее кольнула тоска по Ветерку. Придется научиться ее терпеть, как Дэмиен терпел сломанную ногу. Только тоску по сыну не излечить.

При свете дня подменьш оказался не таким страшным как ночью. После промывания глазок чистой тряпицей, вымоченной в отваре ромашки, он с удивлением рассмотрел Чармейн большими синими глазами. Те будто принадлежали другому, прекрасному существу, совершенно не подходили уродливому тельцу. Впрочем, в сочетании голубых глаз и зеленоватой кожи был свой шарм.

В хижину ворвалась запыхавшаяся Милисент.

— Я бежала всю дорогу, как только деревья мне сообщили, что у вас беда. Что случилось?

Она остановилась передохнуть, пригнулась, положив руки на колени.

— Ветерка украли, — сказала Чармейн спокойным голосом, а потом не выдержала и заплакала.

— А кто тогда у тебя на руках?

Милисент подошла поближе, увидела зеленоватого подменьша, укутанного в пеленки. Тот внимательно рассматривал Милисент, а потом взял и улыбнулся во всю широту своего лягушачьего рта.

Милисент отпрянула, зажала ладонью, рвущийся наружу смех.

— Что это за существо?

— Подкидыш. Фейри оставили его вместо нашего сына.

— Простите за смех, он совершенно неуместен, — откашлявшись, сказала Милисент. Понимаю ваше горе, меня застала врасплох улыбка этого существа.

— Мы взяли его под свою опеку, — ответила Чармейн, рассеянно поглаживая лысую голову.

Милисент хмыкнула, налила себе свежей воды из стакана, выпила одним залпом, затем сполоснула лицо.

— Прости, Чармейн, я ничего не понимаю, вы решили отказаться от Ветерка?

— Что ты говоришь, Мили?! Никогда!

— Чармейн, я думала ты знаешь, но видимо тебе этак книга не попадалась в руки. О фейри из леса говорить в Вирхольме запрещено, тем не менее в городской библиотеке хранится книга древних преданий. В ней есть глава и о подкидышах.

— Я не читала эту книгу, — призналась Чармейн.

Дэмиен тоже пожал плечами — уже лет двадцать праздное чтение для него редкое удовольствие.

— Есть несколько способов избавиться от подкидыша. Если хотите — просвещу вас. Но только не в его присутствии.

Муж и жена испуганно переглянулись. Дэмиен кивнул и увлек Милисент за собою наружу. Чармейн положила ребенка в кроватку и направилась за ними, но он подняла такой жуткий вой, что ей пришлось остаться.

Будто понимал, о чем будут говорить.

Милисент шагала по поляне скрестив руки за спиной. Ее губы шевелились, она пыталась вспомнить прочитанное несколько лет назад с наибольшей точностью.

— Слушай внимательно. Есть три способа избавиться от ребенка фейри. Первый — удивить его. В предании кипятили молоко в яичных скорлупках, но мы не едим ни молоко ни яйца, придется вам придумать что-то другое.

— Удивить? Он трехмесячный ребенок, удивить его проще пареной репы. Ветерок однажды чуть до потолка не подскочил, увидев, как я чихаю

— Подразумевается, что под видом подкидыша скрывается мудрое существо, которому как минимум лет триста.

— Это не наш случай, — махнул рукой Дэмиен. — В древних преданиях придуманные фейри, у нас под боком настоящие.

— Как знаешь, мое дело рассказать.

— Конечно, рассказывай. Что там еще было написано?

— Второй способ — испугать. Тогда откроется вторая сущность. Ну а третий — выбросить на верную смерть. Тогда фейри, испугавшись за жизнь подкидыша, вернут вашего ребенка.

— Даже так, — потер переносицу Дэмиен. — Что ж, спасибо, я все передам Чармейн, придется нам обсудить вместе. Думаю, советами древней книги мы не воспользуемся. Я хотел попросить твоей помощи в другом. Нужно сообщить Хозяину леса о несправедливости, попросить его защиты.

— Конечно, я с вами. Сделаю все, что нужно.

— Есть и другой способ, но на него не возлагаю много надежд. Я буду искать холм фейри, место где они прячут Ветерка. Милисент, прошу, ищи и

ты. По звуку плачущего младенца, по изумрудно-зеленой траве, по особым растениям, цветущим на склонах. Что написано в древних книгах?

— Лечь спать на холме, сварив похлебку из тимьяна или положив на глаза веточки тимьяна. Обойти вокруг подозрительного холма три раза против часовой стрелки, по другой версии девять раз. Смотреть на холмы сквозь дырчатый камень, именуемый «куриным глазом».

— А ты много знаешь о фейри...

Милисент кашлянула и потупилась.

— Я с детства мечтала стать достойной войти под сень леса. Старалась, чтобы никто не узнал, но в Вирхольме считали меня странной.

— Видимо, это отличительная черта лесничих. Есть еще одно дело. Не думаю, что узнаем что-то новое, но попробовать стоит. Расспроси Альфреда: может за время лесничества он наткнулся на возможное обиталище фейри?

Милисент смутилась. Провела языком по губам, заправила прядь волос за ухо, затем призналась:

— Я теперь не слишком желанная гостя в Ахтхольме. Похоже, мною не слишком довольны. Расскажу по порядку: Альфред поначалу меня хорошо принял, предложил стать духовным наставником. Тут я не слишком противилась — мне не тяжело высказывать уважение старому человеку, а если не все советы по душе, то в лес ему ходу нет, я могу поступать по своему. Но потом он стал настаивать, чтобы я проводила вместе с ним проповеди в храме, судила провинившихся, придумывала кары за непослушания... Я не смогла.

— Почему ты не пришла к нам за советом?

— У вас родился ребенок, вам самим нужна была помощь, а не чужие проблемы.

— Милисент на будущее запомни — нет ценней чужого опыта. Ты можешь им не воспользоваться, но знать обязана. Иначе будешь делать глупые ошибки. Рассказывай дальше.

— Может кому то другому не мешает стоять напротив толпы, но я привыкла к одиночеству, и совершенно теряюсь, когда на меня смотрят сотни глаз. Я пару раз вспылила, переиначила приговор Альфреда... Все кончилось ссорой. Теперь ко всему в Ахтхольме меня считают ведьмой.

— Мне давно стоило нанести визит вместе с тобой.

— С Ахтхольмом я справлюсь. В конце концов у них есть глаза, они должны видеть урожайные поля... А ты лучше подумай, как найти Ветерка.

Дэмиен резко выдохнул.

— Назначим визит в Ахтхольм на завтра. Я найду за тобой. С

Альфредом давно пора поговорить, моего гнева он испугается. Тут не далеко до дикой охоты... А по поводу Ветерка... Пусть советы из древних книг кажутся странными, но я готов ухватиться за соломинку. Буду смотреть сквозь полые камни, обходить холмы, носить с собой суп с тимьяном. Но подменьша обижать не хочу. Ни пугать, ни бросать на смерть не будем. А вот удивить попробуем прямо сейчас. Чармейн!

Она выбежала с подменьшем на руках, вопросительно глядя на мужа. Дэмиен попросил Чармейн не задавать пока вопросов, а снять пеленки, развернуть подменьша к ним лицом и наблюдать за его поведением.

Милисент встала в стороне, не сводя глаз с дитя фейри. Дэмиен отошел на край поляны, затем с разбега бросился к жене. Когда столкновения, казалось, уже не избежать, Чармейн задрожала, прижала ребенка к себе, отступила, готовая увернуться.

И тут Дэмиен обернулся в сокола и взмыл ввысь. Покружился над поляной, затем опустился напротив Чармейн с подменьшем еще в полете перетекая в человеческую форму.

Подменьш наблюдал за Дэмиеном с широко раскрытыми глазами и округлившимся ртом. Даже розовый язычок свесился наружу. Когда Дэмиен вновь встал ногами на землю он весь замер, а потом вдруг рассмеялся, заливисто, заразительно, дрыгая ножками и ручками. Уставился на Дэмиена, как бы ожидая повторения.

Глядя на него Чармейн тоже не сдержала улыбки, правда на щеках слезы прочертили две дорожки. Слишком смех детеныша фейри напоминал ее сына.

Дэмиен подошел и потрепал подменьша по лысой голове, дал ухватиться за указательный палец.

— Это ребенок, Милисент, а не трехсотлетнее древнее существо. Попытка не пытка, удивить-то мы его сумели. Хоть бы остальные советы из книг не оказались столь же бесполезными.

— Ты учил меня, что стоит в первую очередь доверять себе, своим чувствам. Что вы думаете?

Чармейн расстелила на траве плед, поставила на него голого подменьша. Держать непропорционально большую голову ему было тяжело. Он то и дело уставал, лежал причмокивая ртом, отдыхая перед новой попыткой. Все еще выглядел слабеньким.

— Он ведет себя как Ветерок, — сказала Чармейн. — Мое сердце говорит, что ему всего три месяца, а может и меньше.

— Доверяю твоим суждениям, — Дэмиен отряхнул одежду и развернулся к Милисент. — Завтра нам предстоит визит в Ахтхольм, а

сегодня постараемся поговорить с Хозяином леса. Милисент, ты хотела что-то сказать?

— Когда я тоже научусь так? — смутилась она. — Летать...

— Всему научишься. Сначала следует наладить отношения с твоим городом. Помни, вы одно целое.

Глава 15

Глава 15

Под ноги стелились знакомые тропинки леса. Чармейн шагала вперед, подменьш, укачанный ее мерными шагами спал в переноске, которую Чармейн соорудила из длинного отрезка ткани. Она знала, что в данный момент Дэмиен и Милисент ищут холм, но не могла усидеть дома. Может существует мизерный шанс, что ей повезет и именно она наткнется на заветное жилище фейри.

Прошло уже три дня с тех пор, как украли Ветерка. В первый день Дэмиен пытался достучаться до Хозяина леса. Почему-то лесничему казалось, что на этот раз, осознав важность разговора, Хозяин леса снизойдет появиться в настоящем облики. Ведь нет никакого сомнения, что он существует. Не только наблюдает, но и принимает активное участие в делах леса: раздает задания, помогает в беде, как тогда вырастил лубок для сломанной ноги. Но как бы они не молили о справедливости, Хозяин леса не только не появился, но и ответа от него никакого не поступило. Если не считать знамением отсутствие заданий.

Хозяин леса не собирался призвать фейри к порядку. В своей борьбе лесничие оказались сами по себе.

В Ахтхольме Дэмиена встретили настороженно, а Милисент откровенно игнорировали. В приватном разговоре Альфред жаловался на новую лесничую, намекал Дэмиену на ошибочность выбора. «Женщина слишком хрупка для тяжелой работы. Со склочным характером Милисент ужиться невозможно. Ахтхольм согрешил, был наказан, но Хозяин леса в своей доброте явился во сне и назвал нового кандидата в лесничие». Прочили мальчишку, полностью находящегося под влиянием Альфреда.

Никакую информацию о фейри Альфред давать не желал. На уступки он был готов идти только в обмен на смену кандидатуры.

«Возьми мальчишку временно в лес. Попроси за него как следует и я найду как помочь с твоей просьбой.»

Уступить Дэмиен не желал, в осведомленность Альфреда по поводу нахождения холма не верил, и на данный момент не мог взвалить на себя политическую неразбериху чужого города.

Ушли они ни с чем. Положение Милисент усложнилось еще больше, так как Дэмиен отказал Альфреду во всех одолжениях, как больших так и

малых.

Осталось найти холм своими силами, чем они сейчас и занимались. И Чармейн не могла ждать в четырех стенах приговора. Крах надежды, даже призрачной, больно ударяет по тем, кто потеряли все.

Подменьш не может стать заменой Ветерку. Да, он теплый, живой, его жалко. Чармейн готова заботиться о нем, защищать. Но любовь, особенно материнская не разменная монета, чтобы одаривать ею чужака. Она хотела касаться шелковистой кожи Ветерка, дышать его запахом скисшего молока, целовать в живот и крохотные пальчики на ручках. Она тосковала по его улыбке по утрам.

Но даже не тоска — тревога выгнала ее из дома. Чармейн сходила с ума от беспокойства. Последние три месяца все ее помыслы были направлены на то, чтобы сыну жилось хорошо на свете. Чтобы он ел вдосталь, спал сладко, не страдал от холода или от жары. Чтобы он знал — на любой его крик откликнутся.

Сейчас он во власти таинственных существ, которые могут не понимать нужд человеческого ребенка. Они о своем заботились из рук вон плохо. Сейчас Ветерок, наверное, уже охрип от беспрерывного плача. И это сводило Чармейн с ума.

Она была настолько погружена в свои мысли, что не заметила, как спустилась в овраг, набрела на широкий ручей и стала идти вдоль русла. Очнулась только когда увидела перед собой Кувшинку.

Речная дева была одета в платье болотного цвета, оно ниспадало с оголенных плеч, льнуло к телу. На челе Кувшинки был веночек из белых лилий, и сама она была бледна и грустна, хоть и невероятно красива.

Чармейн сглотнула ком в горле. Она столько раз думала, что Кувшинка умерла, что увидеть ее отозвалось в сердце радостным звоном. Теперь не нужно Кувшинку оплакивать. И одновременно вспомнилось, что она зря горевала о речной феяри. Исчезновение было частью обмана, чтобы заполучить Ветерка.

— Привет, — прошептала Чармейн.

Кувшинка вместо того, чтобы кивнуть или улыбнуться, присела в глубоком реверансе, как перед королевской особой в книгах. Подняла просительные глаза и замерла на месте, ожидая приговора.

«Она хочет посмотреть на подменьша», — поняла Чармейн.

Она отогнула край ткани, чтобы Кувшинка увидела спящего сына. За три дня он успел нарастить щечки, выделения из глаз стали прозрачными и весь он уже не выглядел невероятным уродцем, а просто лобастым нескладным зеленоватым младенцем.

Кувшинка ахнула и тут же прикрыла рот ладонью, заплакала.

— Ты хочешь его обратно? — робко спросила Чармейн.

Кувшинка кивнула, сжав рот в тонкую полоску.

«Она не хотела подмены. Ее заставил Тейл.»

— Обещаю ухаживать за твоим ребенком, лечить его, кормить и заботиться. Но ты должна сделать тоже самое для моего, слышишь?

Та поспешно кивнула не сводя глаз с ребенка.

— Что с ним, Кувшинка? Как мой Ветерок?

Фейри будто очнувшись стала пятиться обратно в ручей.

— Нет, не уходи! Покажи мне дорогу под холм, я заберу своего ребенка, оставлю твоего. Прекратим мучить друг друга. Постой же!

Чармейн ступила вперед, вслед за ускользящей речной девой. В бессильной ярости схватилась за край болотного платья. То расползлось в руке зеленой тиной.

Кувшинка обернулась, ее губы дрожали.

— Его имя Истильвер, но называть его вслух нельзя. Никогда, — заговорила Кувшинка впервые с момента знакомства. — Пусть будет для вас Кукушонком. Ветерка скоро увидишь, будь уверена.

Чармейн отпустила платье, Кувшинка нырнула в стремительный поток ручья и растворилась между струй.

Они с Дэмиеном не придумали для Ветерка секретного имени. Чармейн до крови прикусила щеку изнутри, чтобы успокоиться. Будь у ее сына еще одно имя, может быть фейри не имели бы права его забрать...

Чармейн брела все дальше по ручью. Остановилась, когда Кукушонок проснулся и потребовал кушать. Он разглядел ее лицо, улыбнулся широко, всем сердцем, сладко зевнул. Чармейн рассеянно глядела на него, ничего не видя перед глазами.

Как бы ей вернуть сына?

Начал накрапывать теплый летний дождик. Чармейн засуежилась, собрала в котомку грязные пеленки, замотала Кукушонка обратно в переноску. Капли тарабанили по листве, ребенок довольно щурился, открывал рот и высовывал язык навстречу дождю. Чармейн даже заколебалась, не продолжить ли поиски, но стоит ходить с ребенком под струями воды дождем, даже теплой как парное молоко.

Возвращаться с пустыми руками было тоскливо. Плечи ломило от усталости, от непривычной тяжести подмышка у груди. Чармейн вспомнила, что ничего не ела с утра, забыла взять с собой еды из дома. Желудок подавал о себе знать настойчивым бурчанием.

Она зашла в хижину, скинула котомку, положила Кукушонка в

кровать и почувствовала себя совершенно разбитой. Хотелось лечь в кровать, заснуть на несколько лет. Проснуться, когда тоска станет терпимей. Проснуться в другой реальности, где сын рядом.

Кукушонок не хотел лежать в кровати и смотреть в потолок. Он выпался за день мерного качания в переноске, теперь желал играть. Чармейн со стоном уложила его на стеганном одеяле на животе и расставила вокруг яркие безделушки. Ее руки дрожали, голова кружилась. Сил встать, приготовить себе по есть не было. Она беззвучно заплакала.

Когда вернулся Дэмиен он застал жену бродящей по комнате с подкидышем на руках. Тот захлебывался плачем, Чармейн же мерно качала его с отсутствующим выражением лица.

Он сам еле стоял на ногах, но тут же забрал ребенка, усадил жену за стол.

— Что случилось? — спросил он.

— Кукушонок голодный, а я не могу его накормить. Молока нет.

Дэмиену хватило одного взгляда, чтобы понять в чем причина. Чармейн выглядела бледной, осунувшейся. Скорей всего, за весь день не съела ни крошки. Совсем погрузилась в горе и забыла, что кормящей матери нужно заботиться о себе.

Он сумел одной рукой держать подмышка на плече, а второй поставить перед Чармейн кувшин с водой и наказать пить. Потом вышел на улицу и вернулся с полной корзиной мелких сладких абрикос с маленькой косточкой.

— Ешь вдосталь, потом отдохни. О молоке не думай, лучше поспи. Я пока прогуляюсь с подмышком.

— Лучше скажи, есть новости? Смогли что-нибудь отыскать?

— Завтра новый день, Чармейн. Завтра будем пытаться вновь. Лес не посылает заданий ни мне ни Милисент, одно это должно подарить нам надежду.

— Хозяин леса мог бы и вмешаться.

— Мог бы. А если бы он решил в пользу фейри? Они ближе ему, ты ведь знаешь... Все, родная, ложись поскорей и постарайся временно забыть о всем плохом. Всего на пару часов.

— Кукушонок голоден...

— Ничего, мы с ним найдем, чем заняться. Уверен ему понравится купание в ночном озере при луне.

Чармейн встала, обняла мужа, поцеловала в губы, зарылась пятерней в густые волосы. Иногда ей казалось, что именно Дэмиен сошел со страниц древних сказок. Настоящий рыцарь без страха и упрека. Уставший, голодный, он всегда ставит ее интересы над своими. Рядом с ним и сама Чармейн старается стать лучше.

Когда за мужем и подменьшем захлопнулась дверь, Чармейн даже смогла закрыть глаза и мгновенно провалилась в благословенные объятия сна.

Она проснулась с полной грудью. Сердце колотилось, в горле застыл ком. Ей послышался плач Ветерка, но в доме было темно и тихо. Чармейн протерла глаза, вскочила с кровати и принялась наводить порядок в хижине, греть ужин для мужа.

Дэмиен зашел с Кукушонком домой, тот был так голоден, что принялся за еду слишком быстро, закашлялся от притока молока. Чармейн похлопала по костлявой спине малыша, протерла нос и рот чистой тряпицей. Он судорожно вздохнул и снова потянулся к ней.

— Не жадничай, — прошептала ему Чармейн. — Все твое.

Кукушонок кушал и свободной рукой гладил ее предплечье. Будто благодарил.

Дэмиен ужинал и наблюдал за ними с грустной улыбкой. Стук в дверь, вежливый и настойчивый оказался для них полной неожиданностью. Гостей не ждали.

Чармейн поспешно прикрылась от шеи до колен пеленкой, закрывая сосущего подмышца. Остановить ребенка во время еды невозможно, даже для важных визитеров. Дэмиен встал из-за стола, обернулся к Чармейн, следя, чтобы она закончила приготовления и открыл дверь.

На пороге стоял Тейл в памятном доспехе из панцирей зеленых жуков, на золотых волосах махали крыльями голубые бабочки, по полу стелился плащ из стрекозиных крыльев.

— Давно не виделись, — сказал Дэмиен. — Больше года. Заходи, нам нужно многое обсудить.

— Я ненадолго, — сказал Тейл. — Понимаю, что в вашем доме я гость нежеланный, постараюсь по возможности сократить визит.

— Я весь день искал тебя. Спасибо, что пришел сам. Не стоит спешить, будем говорить в открытую.

— Дэмиен, я не намерен говорить с тобой. Твое предательство давно перегорело и забыто. Сегодня я пришел за Чармейн.

Тейл встал у двери, скрестив руки на груди, посмотрел Чармейн прямо в глаза. Ей показалось, всего на мгновение, что эльф опустил защитные

щиты, и в его взгляде промелькнуло желание смешанное с надеждой. Так Чармейн смотрела в детстве на чудесную куклу в руках у Эмилии, дочери лучшей в Вирхольме мастерицы. Так она смотрела на Тейла, когда он казался средоточием ее мира.

Томный взгляд не имел над ней власти. Слов фейри следует опасаться. Что значит — Тейл пришел за ней? Под влиянием первого порыва Чармейн открыла рот, чтобы отказаться. Но не произнесла ни слова, потому что Ветерок был у Тейла, а значит не стоило его злить.

— Здравствуй Тейл, — поздоровалась Чармейн, дрогнувшим голосом. — Не стоит грубить Дэмиену, мужская дружба редко выдержит соперничества за женщину. Знал бы он с самого начала, что я связана с тобой, то поступил бы по честному. Можешь во всем винить меня.

— Я так и делаю, — Тейл усмехнулся. — Но в отличие от тебя не верю, в наивность моего бывшего друга. Не об этом я пришел вести разговор. Ты нужна не мне, Чармейн.

Она вздрогнула, покрывало сползло вниз, открывая голую грудь и зеленого ребенка, полу-сытого, с закрытыми глазками, довольно чмокающего. Тейл сглотнул, его скулы заострились, он с силой сжал кулаки и отвернулся в сторону.

— Что с Ветерком? — твердо спросил Дэмиен.

— Не буду приукрашивать — он плох.

Слезы сами собой потекли по щекам Чармейн, она издала не то стон, не то крик, не заметила как слишком крепко прижала к себе подмышка. Тот возмущенно заорал. Дэмиен подбежал и подхватил его на плечо. Чармейн закрыла лицо ладонями, она старалась изо всех сил взять себя в руки, держать лицо и от этого получалось еще хуже.

— Что ты ему сделал?

— Чармейн, поверь, своему сыну я стараюсь дать все, что могу. Но он не берет бутылку, ничего не ест уже третий день, упрямый глупец!

— Боже, какой ты лицемер! Своего сына ты подбросил к нам и не озаботился о его судьбе...

— Думай как знаешь, я не намерен объясняться. Если бы отдала мне Ветерка, все было бы по другому...

— Он не вещь, Тейл!

— Я не Тейл! Что за глупая кличка? Хватит, раз ты мать моего ребенка, то должна знать как меня зовут... Все потом, — прошептал он, опомнившись, глядя на Дэмиена. — Когда ты отправишься со мною под холм.

— Ты хочешь, чтобы я выкормила Ветерка? И оставила Кукушонка на

произвол судьбы?

— Очень мило с твоей стороны делать вид, будто ты заботишься о подкидыше.

— Хватит! — Дэмиен встал между Чармейн и эльфом. Оба мгновенно утихли. — Тейл, или как бы тебя не звали, мы выслушали тебя. Довольно. Подожди за дверью, пока мы не примем решения.

— Я не понимаю, о чем тут думать, — прошипела Чармейн. — Если ребенок ему дорог, пусть вернет его к матери.

— Я никогда не верну его. Он слишком дорог для фейри. Не хочешь помочь сыну, твое право. Очень по человечески, я подобного ожидал, хоть и решил попробовать. Подожду на улице. Не тяните с раздумьями, через пять минут меня уже не будет.

Тейл бросил последний взгляд на подкидыша, спящего, не смотря на крики, на плече у Дэмиена, и скрылся за дверью. Чармейн подошла к мужу, вцепилась в рубаху на спине, приникла заплаканной щекой к его груди.

— Как нам поступить?

— Забудь об ультиматуме Тейла. Что ты сама хочешь сделать?

— Я не могу жить, зная, что отказалась от Ветерка...

— Значит, у нас нет выбора.

— Подожди, дай отдышаться. Мысли путаются и я боюсь совершить ошибку.

Дэмиен погладил Чармейн по затылку, не удержался крепко прижал ее к себе, вдохнул пряный запах ее волос, пахнувших розмарином.

— Милая моя, как был прекрасен последний год с тобой. Я жил, зная, что отпущенное нам время вот-вот истечет. Спасибо тебе за то, что ты была частью моей жизни...

— Ты прощаешься со мной? — Чармейн подняла мокрое от слез лицо к мужу, тот захватил ее губы в глубоком страстном поцелуе, обнял за талию, зарылся носом в ямочку за ухом. — Дэмиен, я же не смогу уйти. Не смогу.

— Тогда хватит, — он сглотнул и отступил. — Не будем тянуть. Прощай, Чармейн. Ты нужна Ветерку больше, чем мне. Прощай. Я люблю тебя.

Чармейн оглянула комнату, ставшую ей домом. Она пыталась сообразить, что нужно взять с собой, но мысли разбегались. Ей казалось, что она совершает чудовищную ошибку. Тейл получит и ее и ребенка, как и хотел с самого начала. Они очень глупо не сумели себя защитить.

Стоп! У нее есть трубка Юстаса со стрелами... Нет, не выход. Убивать Тейла она не будет. Хватит стоять столбом, цепляясь за Дэмиена, если

остановиться подумать, то душа разорвется на двое. Муж стал для нее вторым сердцем и легкими, представить жизнь без него невозможно.

Чармейн развернула Дэмиена к себе, впиалась последним, самым сладким поцелуем, так, что губы заныли. Потрепала подкидыша по жиденьким волосенкам на голове.

Она вышла, теребя в руках лоскутное одеяло, оно как то само попало на глаза, попросилась следом. Тейл стоял, прислонившись спиной столбу дерева. Увидев Чармейн он удовлетворенно кивнул.

И тут она как очнулась, повернулась в Дэмиену, стоявшему в освещенном проеме двери. Крикнула:

— Что с Кукушонком?

— Не бойся, справлюсь. Все будет хорошо. Поцелуй за меня Ветерка.

Тейл ядовито хмыкнул, повернулся спиной и направился по натоптанной тропке между кустов. Чармейн ничего не оставалось, как затрусить следом.

Они долго петляли по освещенным луной прогалинам. Тейл как назло шел быстро, Чармейн же приходилось хорошенько смотреть под ноги. Она отставала, приходилось то и дело переходить на бег.

Бабочки из венка Тейла реяли над ее головой, то и дело садились на волосы, на плечи. Будто обнюхивали.

Наконец Тейл остановился, подошел к Чармейн, с великой осторожностью, чтобы лишний раз не коснуться завязал ей глаза.

И тогда Чармейн поняла, что забыла самое главное из детских сказок. Ей нужно показать Дэмиену, куда ее ведут. Следовало взять с собой пригоршню камней, нитку жемчуга и бросать по дороге в тайне от проводника.

У нее ничего не было, кроме лоскутного одеяла.

Тейл вручил ей в ладонь хрусткую и гладкую ткань.

«Край его плаща» — поняла Чармейн.

— Смотри не порви, — резко сказал он.

«Эльф в бешенстве. Иди знай, что вызвало его недовольство. Одно ясно — мне не поздоровится».

И тут ее осенило. Можно порвать нитку, распустить лоскутное одеяло. Нитка тонкая, длинная. Почти не заметная среди зелени, может повезет, и укроется от взора фейри. А вот Дэмиен найдет, если будет искать как следует.

Держа осторожно в одной руке хрупкий на ощупь плащ Чармейн надкусила нитку и стала осторожно тянуть зубами.

«Хорошо, что ленилась и стежки не такие тугие. Легко идет.»

Тейл похоже ничего не заметил: идет себе вперед, темп шагов не изменился. А вот не сдастся она. Пусть украл сына, взял ее в заложницы, но еще посмотрим, кто выйдет победителем.

С завязанными глазами Чармейн чувствовала себя неуверенно. Но видимо они перешли на ровную местность, под ногами похрустывали лежалые иголки. И пахло свежо — росой и хвоей.

Тейл долго водил ее, Чармейн начала переживать, что преждевременно кончится нить. Освободившиеся лоскутки она прятала за лиф платья.

Наконец Тейл остановился, с разбегу Чармейн влетела в его спину в руке затрещал плащ из стрекозиных крыльев. Она таки загубила его. Чармейн открыла рот, чтобы извиниться, но Тейл прижал палец к ее губам и приказал молчать.

Что происходило она не видела. Вдруг послышался звук, будто ворочался огромный пласт земли, затем перестуком дождевых капель затарабанили оземь мелкие камушки и комья земли.

«Он открывает холм. Вот бы посмотреть как!»

Тейл вытряхнул из ее ладони остатки плаща, жесткой хваткой перехватил запястье и потащил за собой вперед. За спиной ухала сова. Запах изменился, теперь пахло свежей землей. Звуки шагов глухо отдавались от стен коридора, ботинки скользили на ровном камне под ногами.

Впереди послышался тонкий детский всхлип. Еле слышный, но Чармейн узнала бы его из тысячи. Она рванулась вперед, но теперь ладонь, прежде тянувшая за собой, теперь приказывала погодить.

— Это же Ветерок!

— Сейчас возьмешь его, — прошептал Тейл. — Но сначала нужно представить тебя Королю-под-холмом.

Он встал позади нее, осторожно снял повязку, опаливая шею горячим дыханием. Чармейн заморгала и открыла глаза.

Она стояла в просторном зале. С высокого арочного свода свисали мириады искрящихся сосулук, под ногами простирался мраморный пол с золотым рисунком. Свод поддерживали белоснежные колонны, их обвивал искусно вырезанный из мрамора плющ. Свет шел из прозрачных ваз, наполненных сияющими желтым головешками. Края залы утопали в темноте. Прямо напротив стоял трон, на нем восседал настоящий король. Величественный, с ровной спиной и чертами лица человека молодого, с седыми волосами и бородой. На голове покоилась настоящая золотая корона с россыпью бриллиантов. Она переливалось еще ярче ледяного потолка.

Ветерка видно не было.

«Кто это? Неужели Хозяин леса?» — подумала Чармейн и склонилась в почтительном поклоне.

— Кого ты привел, сын? Неужели городское отродье?

Тейл выступил вперед, закрыл своим телом Чармейн от человека на троне. Произнес спокойным голосом, будто объясняет очевидные вещи:

— Она нужна нам, чтобы выкормить ребенка, отец.

Король на троне подался вперед, вцепившись в поручне, произнес страстно и сердито:

— Ты принес человеческого младенца, теперь его мать. Позор и разруха — раньше под холмом никогда не ступала человеческая нога. В ребенке течет кровь городских, он никогда не вырастет защитником леса. Лучше бы ему умереть спокойно..

Чармейн закусил губу. Король на троне смотрел с презрением, его слова звенели в ушах похоронным маршем. Ей нужно сделать все, что угодно лишь бы Ветерка не тронули!

Тейл почтительно поклонился, подошел ближе к трону. Дальнейший разговор не предназначался для Чармейн, но видимо обросшие шерстью уши дарили по звериному острый слух, потому что она разобрала каждое слово.

— Отец, выслушай меня. У нас нет другого выхода. Или мы сумеем возродить род фейри, или без нас завеса рухнет и волшебному лесу придет конец. Остались только мы с Нендаранель. Я сделал, то что приказал ты. Наш ребенок родился ущербным.

— Не упоминай его! — злым шепотом прервал журчащую речь Тейла король на троне.

— В Чармейн течет волшебная кровь, ее отец твой брат Гладхтирит. Ребенок наш на три четверти по крови. По духу будет фейри только если вырастет под холмом. Отец, вспомни, как я поступил вопреки своей воли, покорился твоей, и что из этого получилось. Нас слишком мало, чтобы произвести потомство. Нет другого выхода, нужны люди.

— Ты должен придерживаться традиции и надеяться на Хозяина леса.

Чармейн делала вид, что осматривает обстановку. Подземный зал был величествен и красив. В нем сочеталась дикая природа с тщательно подобранными рукотворными украшениями. Плиты пола, белые с серыми прожилками украшала серебряная резьба, сложная, с переплетающимся узором. Чармейн засмотрелась на нее, потом мысли переключились на Ветерка и она не заметила, как перестала вслушиваться в важный разговор. Очнулась только когда король на троне воскликнул:

— Она не гостя, а пленница! Уведи прочь с моих глаз!

Тейл молча кивнул, подошел к застывшей Чармейн, взял ее за запястье и потащил за собой. Только прошептал еле слышно, одними губами:

— Прости.

Они свернули в один из темных закутков, оказавшимся туннелем, ведущим вглубь холма. Почуввав хозяев, на стенах загорался мох и взлетала искорками светящаяся мошкара.

Коридор закончился глухой дверью, за ней обнаружилась крошечная затхлая комнатка без окон. В углу стояла кровать с металлическим изголовьем в виде листы и гроздей винограда. В углу глубокая яма, видимо отхожее место. Столик с гнутыми ножками, на котором стоял кувшин и таз.

Тюремная камера.

Чармейн нервно усмехнулась. Этого она от фейри не ожидала. Ей казалось... Впрочем, что она знала о сыновьях леса?

Она не сопротивляясь зашла в комнату, села на кровать, осмотрелась. У потолка заметно темное отверстие, закрытое решеткой. Для вентиляции, чтобы не задохнулась.

Тейл взял в руки кувшин, и не глядя на Чармейн произнес:

— Скоро вернусь с водой и приведу Ветерка. Не беспокойся, я позабочусь о том, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

— Стыдишься? — едко спросила Чармейн.

— Да. Стыжусь.

Тейл вышел за дверь, на прощание обернулся.

— Меня зовут Саэдримон.

Чармейн осталась одна. Комнату освещал ровным желтым светом мох на потолке. Яма в углу неприятно темнела, казалось вот-вот из нее заявится огромная сороконожка. Чармейн вздрогнула. Она вспомнила, что совершенно одна. Если сумасшедший король, ни во что не ставящий человеческую жизнь, прикажет ее запереть, оставить без еды и воды, то Тейлу придется послушаться.

Бедные, бедные фейри!

У них не рождаются дети, как впрочем и в полупустом Ахтхольме. Между ними существует связь. Всему есть причина. У Чармейн была всего одна догадка — оба вызвали на себя гнев Хозяина леса.

Дверь бесшумно отворилась. Вошла Кувшинка с Ветерком на руках. Его щечки осунулись и весь он выглядел изможденным и усталым. Чармейн вскочила на ноги, протянула руки к сыну...

Ее остановил резкий жест Кувшинки.

— Я принесла твоего. Хранила, как могла. Что ты сделала с моим?

— О-он, он у Дэмиена, — пролепетала Чармейн.

— У меня нет молока. Будешь кормить Ветерка, а Истильвер пусть пропадает?

— У меня хватит на двоих, — покладисто согласилась Чармейн. Лишь бы наконец ощутить тяжесть своего сына в руках, насладится запахом, защитить от всего мира.

Ветерок ел плохо, видимо был слишком изможден. У Чармейн болело сердце, да так, что казалось, невозможным дышать. Он готова была отрезать себе руку, чтобы забрать его страдания.

Кувшинка стояла рядом и смотрела. Чармейн мешал назойливый взгляд, но вслух она ничего не сказала.

Закончив кормить Ветерка, она уложила его на постель, тот тут же открыл глаза и занервничал, пришлось устроить на коленях. Кувшинка протянула Чармейн стеклянную бутылку. Так и смотрела пока Чармейн сцеживалась, извернувшись, чтобы не потревожить уставшего ребенка.

— Ты сама отказалась от Кукушонка. Мы приняли его как родного. И вообще, я ничего не понимаю. Почему ты заговорила со мной? Вернее, почему все это время молчала?

Кувшинка заметно расслабилась, наблюдая как белые струйки наполняют бутылку. Видимо очень беспокоилась за своего ребенка. Зря, конечно, Чармейн успела привязаться к подмышку и сама бы предложила ей передать бутылочку. Выкармливают же иногда близнецов. Тем более, что Ветерок так слаб, что грудь еще полная.

— Я молчала из-за запрета отца говорить с людьми. Фейри никогда не нарушают свое слово, оно связывает нас словно стальные канаты. Вы можете обещать, забыть обещанное, вам все прощается. Я думала, что нам нет. Готовилась назвать тебе имя своего сына перед смертью. Зачем жить, если его у меня забрали?.. Но я тут, а значит люди и фейри не так отличаются друг от друга. Можно жить и отказавшись от своего слова.

Кувшинка горестно усмехнулась. Села на кровати, погладила голую пятку Ветерка. Зеленые волосы фейри скользнули по предплечью Чармейн, оборки платья Кувшинки оказались прохладными и сколькими как водоросли.

— Вот оно как, — сказала Чармейн убирая чужие волосы со своего плеча. — Значит подмена произошла помимо твоей воли?

— И не только она. Чармейн, я знаю брат попросил у тебя прощения. Позволь сказать и мне. Я искренне сожалею, о боли, что причинила тебе своим действием или бездействием. Поверь, давно хотела с тобой

подружиться. Я не держу на тебя зла из-за Дэмиена. Все давно в прошлом. Я уважаю его выбор.

— Вы, — Чармейн кашлянула, чтобы голос не дрожал. — Когда-то были вместе?

— Ничего серьезного, — отмахнулась Кувшинка. — У меня не было особого выбора, поговорить и объясниться мы не могли из-за запрета. Отец решил, что люди причина нашей беды.

— Расскажи мне о ней. Я хочу знать.

— Мы вымираем, Чармейн. Раньше, лет двести назад фейри было не счесть. Заполняли весь этот холм, с верхней анфилады коридоров до нижних пещер. Второй холм, близнец нашего, стоял на стороне Ахтхольма. Тут жили светлые фейри, там темные, но по сути не было между ними разницы. Поддерживали завесу, следили за погодой и за исполнением договора между людьми и лесом. То был золотой век фейри. А потом случился крупный раздор меж светлыми и темными. Их королева любила фейри из нашего холма. Король Темных узнав об измене, в приступе ревности убил возлюбленного жены. Правящая черта светлых вступились за своего подданного. Они сумели проникнуть в обитель темных и при помощи оскорбленной королевы попытались пленить Темного Короля. Тот был готов к атаке, прятал за пазухой нож. Второе убийство унесло жизнь Светлой Королевы. Так и понеслось снежным комом. Ненависть, вражда, раздор. Сам Хозяин леса вмешался, приказал примириться добром. Его послушались. Тогда он и приказал фейри быть хозяевами своего слова. Кто нарушал обещанное, отсылался за черту. После этого Хозяин леса больше не являлся к нам, видимо до сих пор недоволен нами. Да еще перестали рождаться дети... Отец говорит, это из-за того, что фейри стали слишком плотно общаться с людьми, вот он и запретил мне с вами говорить. У Саэдримона больше свободы, он умнее меня, умеет найти подход к отцу...

Чармейн слушала с раскрытым ртом, поглаживая спящего Ветерка. Наконец-то многое встало на свои места. В архивах Вирхольма сохранились записи о беспорядках, происходивших лет двести назад. Тогда выдалась особо лютая зима, снег валил и валил, сугробы высились до второго этажа. Старики замерзали от холода, но хуже этого — запасы не были рассчитаны на мерзлую и продолжительную зиму, а в пещере обмена валялись коробки для внешнего мира, но завеса не двигалась. Отчего так получилось — неизвестно. Ахтхольмцы винили Вирхольм за недостаточное почитание леса. Тогда и случился окончательный разрыв между городами. Теперь понятно, что люди просто оказались крайними в междоусобицах фейри. И все-же был один вопрос, который интересовал

Чармейн больше всего:

— Кто он, Хозяин леса?

Кувшинка пожала плечами, обняла себя руками и, посмотрев рассеянно в сторону темного провала в полу, сказала:

— Я тебе расскажу с самого начала, как передали мне в детстве. На холме подле Эркельдуна стоял монастырь, в нем жила юная послушница, Ангелина. Больше всего на свете она любила лес и частенько бродила в нем днями напролет. Дикие звери не трогали ее, а скрытые полянки с земляникой открывались ее взору. Однажды встретила Ангелина на одной из своих прогулок молодого юношу. От его кожи шел золотистый свет, а из под ребра торчала стрела. Ангелина помогла вытащить стрелу, перевязала грудь подолом своего платья. Юноша попытался соблазнить послушницу, но Ангелина была крепка в добродетели. Убежала, хоть сердце осталось с сияющим красавцем. Целый месяц искала повторной встречи с ним в лесной чаще и найти не могла.

— Он был всемогущим божеством, да? — спросила Чармейн, вспомнив похожую легенду, услышанную в Ахтхольме. Теперь она была уверена, что это не просто сказка. Наверное, все было на самом деле.

— Не думала, что в Вирхольме помнят прошлое.

— Мне Дэмиен рассказал, а он услышал в Ахтхольме. Вирхольмцы боятся прогневить Хозяина леса лишними разговорами. Прости, что перебила. Он вернулся в Ангелине?

— Сигурд вернулся через месяц, и во второй раз попытался сорвать поцелуй. На сей раз Ангелина не смогла отказать, слишком тосковала по незнакомцу. Две недели провели они как муж и жена. Видела Ангелина, что Сигурду с нею хорошо, только день ото дня все скучнел он, пока не пришло время расставаться. На прощание Сигурд наделил Ангелину возможностью творить небывалое. Рассказал, что похожий дар получили принцесса Анна, и ее любимая фрейлина, Эвелин. Обе избрали уйти в созданный ими мир. Ангелина не обрадовалась обретенной мощи, а опечалилась тому, что Сигурд покидает ее. Посмотрела вокруг и поняла, что не может оставить свой любимый лес на произвол судьбы ради иного мира. Ангелина оградила лес волшебной завесой, которую могли преодолеть лишь чистые сердцем.

Чармейн слушала затаив дыхание. Насколько она помнила, по рассказу Дэмиена молодая послушница отдала свою силу отцу-настоятелю монастыря. Перебивать Чармейн не решилась, тихо слушала историю, стараясь запомнить как можно больше.

— Тогда в лес пришли наши прародители, первые фейри. Подобно

Ангелине они любили природу, и однажды заплутав, оказались за волшебной завесой и не захотели возвращаться назад. Со временем Ангелина научилась им доверять, поделилась своей силой и фейри стали ее посланниками, оберегали лесных животных, хранили завесу, управляли течением рек и погодой. Ангелина поначалу обучала их всему, а потом увидела, как они справляются сами и появилась у нее мечта построить заповедник, где природа и люди будут существовать бок о бок, где не будет войн и голода. Она вышла из-за завесы и принялась путешествовать по миру. Стоило ей забрести в особо красивый уголок, как покрытый завесой, он волшебным образом принимал в лесу. Тогда нашла она два города, заключила с ними договор, нарекла Ахтхольмом и Вирхольмом. Она была довольно делом своих рук, но тоска по Сигурду не оставляла ее ни на минутку. И решила Ангелина искать его среди других миров. Выбрала среди фейри своего преемника, отдала ему сил, сколько могла и исчезла. Так появился Хозяин леса.

Кувшинка замолкла, посмотрела искоса на Чармейн, следя за ее реакцией. Чармейн рассеянно улыбнулась, рассказ Кувшинки поразил ее до глубины души. В Ахтхольме верят, что Ангелина отдала силы отцу-настоятелю, Кувшинка рассказала другую историю. Обе, почему-то смущали Чармейн, но она никак не могла указать на деталь, которая не сходилась. Если выбирать из обеих версий, то Кувшинке она верила больше. И все же не до конца, не до конца...

Глава 16

Глава 16

Дверь за Чармейн и Тейлом захлопнулась, Дэмиен остался в комнате один, с ребенком на руках. Он смотрел через окно на прямую спину жены, на гордо поднятую голову. Остро кольнуло осознание — они расстанутся на долгий срок. Только бы она не узнала, чего стоило ему отпустить ее, такую красивую и родную, к сопернику, в которого она была когда-то влюблена.

«Может я ее больше никогда не увижу. Или придет проститься, опустив глаза, мучаясь от вины. Уйти к отцу собственного ребенка проще простого. Зачем ей нужен я?»

Не выдержал, вышел проводить во двор, увидеть ее в последний раз.

Главное не показать слабинку, пусть уходит со спокойным сердцем, раз уж другого выхода не осталось.

А он останется с подменьшем. На мгновение показалось правильным окликнуть Чармейн, отдать ей Кукушонка, но Дэмиен остановился. Ее уведут в неизвестность, ребенок фейри единственный залог благополучия Ветерка. Отдать фейри все карты в руки?

Нет, подкидыша возвращать нельзя. Придется Дэмиену самому позаботиться о нем, как и обещал.

Когда Дэмиен вернулся в опустевшую хижину, воздух показался застоявшимся и затхлым, стало трудно дышать. Дэмиена злило то, что ситуация разыгралась как по нотам, все усилия предотвратить кражу Ветерка канули в лету, а сейчас фейри заполучили и Чармейн.

Ночью подкидыш спал очень беспокойно, а Дэмиен и вовсе не сомкнул глаз. Сидел в темноте, сплетя пальцы, отсчитывал минуты по стуку сердца. Ближе к полуночи ребенок стал просыпаться чаще, плач стал настойчивым и безутешным. Дэмиен понял, что тот очень голоден.

Дэмиен ходил с Кукушонком на руках как зверь в клетке. Старался очистить мысли от истошного крика, чтобы обдумать как лучше всего поступить. Дал Кукушонку напиться воды из чайной ложки. Затем завернул в тряпицу хлеба и дал пососать. Это успокоило подкидыша, он заснул всхлипывая и вздрагивая всем тельцем. Достать для него молока самое важное дело. Затем нужно отправиться на поиски Чармейн. Лишь бы не поступило нового задания от Хозяина леса, тогда все планы нарушатся.

С самым рассветом Дэмиен вызвал Милисент и принялся ждать. Хлеб

и вода больше не удовлетворяли подкидыша, он истошно требовал более насыщенной пищи. Нужно где-то достать пропитание для грудного ребенка. Начнем с Вирхольма. Там больше шансов, что найдется кормилица, к которой можно будет приходить за бутылкой. Со временем попросит, чтобы приносили к самой опушке и все может наладиться. Правда Дэмиену придется соврать, сказать, что Чармейн нездоровится и у нее ушло молоко. У него никогда не получалось складно врать.

Милисент появилась быстрее, чем он ожидал. Она научилась бегать быстрее ветра, окрепла, уже не так бледна и испугана. Подкидыша приняла без колебания.

— Я продержусь с ним. Не беспокойся. Сварю кашу, постараюсь накормить, чем смогу.

Дэмиен проверил, что у Милисент есть все нужное и обернулся соколом. Так намного быстрее добраться до опушки. По дороге не удержался, сделал один круг над знакомой частью леса. Следов Чармейн не было. Не думать об этом сейчас, как только у Подменьша будет еда он вновь займется поисками жены.

До Вирхольма Дэмиен бежал. Направился напрямиком к дому мэра, чтобы тот первый узнал о новостях. Перед дверью глубоко вздохнул, перед кем как постучать.

— Дэмиен! — удивился тесть. — Мне еще не успели доложить о тебе. Заходи скорее, расскажи, что случилось.

— Чармейн приболела, у нее нет молока. Ребенок голоден.

Дэмиен говорил рубленными фразами, не поднимая глаз. Мэр кашлянул, завел Дэмиена в гостиную. Тут всегда царил полумрак и было идеально убрано. Дощатый пол украшал ковер тонкой работы. На столе лежала белая вязанная салфетка, на ней ваза с горкой леденцов для посетителей.

— Садись, успокойся. Расскажи, что с Чармейн?

Дэмиен сглотнул. Он считал правду важной частью общения между людьми. Гордился тем, что не выбирает легких путей лжи. Поэтому не хотел придумывать для Чармейн несуществующих симптомов. Тем более, что при каждом упоминании жены болезненно сжималось сердце.

— Уважаемый мэр, тесть мой. Не знаете ли вы в каком доме недавно появился ребенок, где я могу отыскать молоко для вашего внука. Увы, я спешу, он голоден и не хочу оставлять его одного.

— Говори прямо, Дэмиен. Не утаивай. Что с Чармейн?

— Простите, что потревожил вас. Уверен, матушка направит меня к нужному дому.

— О, нет, Дэмиен. Я не отпущу тебя, пока не узнаю о состоянии дочери. Ты сам отец и можешь понять меня.

В комнату вошла мать Чармейн. Расспросила у мужа о причине визита Дэмиена, затем присоединилась к мэру единым фронтом, напротив Дэмиена, сидящего на диване подле вазы с леденцами.

После бессонной ночи, потери Чармейн и Ветерка, Дэмиен растерял терпение и укоризненные взгляды вызвали раздражение. Да что-ж такое, помогать не хотят да еще нервы треплют!

— Всего хорошего, — заявил он, вставая с дивана.

— Дэмиен, — сказал мэр города на тон тише обычного, обманчиво мягким голосом. — Я позабочусь о молоке, обещаю. Не стоит кипятиться. Я только хочу узнать о здоровье дочери и внука, разве это так много?

— Они в безопасности, — процедил Дэмиен.

Высокий рост позволил ему возвышаться над мэром, но в сухопаром седом человеке было столько внутренней силы, что даже глядя снизу вверх, он источал угрозу.

— И все же настою на желании узнать больше.

Дэмиен оказался в безвыходной ситуации. Его тошнило от одной мысли, что придется врать. Внутренние часы отчаянно торопили вернуться в лес к голодному ребенку, а уход Чармейн подкосил и забрал последние силы.

— Я не знаю, что с ней, — наконец выдал Дэмиен. — Она ушла в лес с Ветерком.

Жена мэра ахнула, сам старик побледнел. Они злым шепотом перебросились репликами, в которых Дэмиен явственно услышал, к своему огорчению «он лжет».

Мэр наморщил лоб, прижал пальцами переносицу, будто попробовал кислейшую ягоду. У Дэмиена лопнуло терпение, он хлопнул ладонями по бедрам и направился мимо мэра на улицу.

— Стой! — хлесткий окрик настиг Дэмиена у самой двери.

— Я отдал мою дочь, чтобы ты любил и оберегал ее. Не знаю, Дэмиен, какую игру ты затеял, но я еще не совсем выжил из ума. Не вздумай пробовать меня надуть. Если это правда, и Чармейн действительно ушла от тебя, почему не пришла в родной дом? И для какого ребенка тебе нужно молоко, если она забрала Ветерка?

Дэмиен покачал головой. Действительно, сморозил глупость. Не объяснять же им сейчас весь клубок интриг с лесными фейри и их подкидывшем. Да и нельзя городских посвящать в дела леса.

— У меня нет на это времени. Вы все узнаете от своей дочери, когда

придет срок. А пока, прощайте. Мне нужно бежать по делам.

— О, нет, Дэмиен, я не могу тебя отпустить.

Мэр выбежал на улицу, где уже начала собираться толпа. Горожане обычно старались посмотреть на лесничего, поприветствовать, услышать обрывки сплетен или показать свое уважение лесному зрителю. Но на сей раз мэр воспользовался народом, чтобы закричать:

— Остановите его! Хозяин леса недоволен Дэмиеном. На нас надвигается большая беда. Не дайте ему уйти от справедливого возмездия.

Да что ж такое! Дэмиен поправил ляжки котомки и направился напрямик сквозь толпу в сторону дома матери. Она уж точно сразу поможет, а не будет донимать дикими допросами.

Но пройти ему не дали. Чья то рука дернула за рубашку. Кто-то другой толкнул в плечо. А мэр все кричал о том, что Дэмиен крупно ошибся в лесу и его следует призвать к правосудию. Люди впереди сперва толкались, не зная как поступить, но вот один заступил Дэмиену дорогу, за ним второй, и вот горожане встали сплошной стеной.

Дэмиен развернулся к мэру.

— Зачем все это? Разве после двадцати лет верной службы нет мне веры?

— Нет веры никому, — ответил мэр. — Любой может оступиться. Только помни, Дэмиен, за свои поступки нужно отвечать. Ты не сберег мою дочь, вызвал недовольство леса, а значит и беду на нашу голову.

— Вы прекрасно знаете, что это...

Дэмиену договорить не дали. Мэр сделал повелительное движение рукой и Дэмиена умело скрутили мускулистые молодчики. В Вирхольме частенько разнимали драки, чтобы ненароком драчуны не причинили друг другу вреда и не вызвали дикую охоту. Опыта усмирения горячей крови у молодежи было не занимать. В первую секунду Дэмиен ошалел от подобной наглости и позволил Сверу, давнему знакомому, заломить себе руки за спину. Видимо не верил до последнего, что тот осмелится.

А потом разозлился. Одно дело беспокойство отца за дочь, это еще можно понять, но как целый город, ради которого он двадцать лет ставил свои нужды на второй план, посмел по первому слову, без всяких доказательств, ополчиться на Дэмиена будто он их злейший враг? Воистину можно понять фейри и их неприязнь к человеческому роду.

Хватит играть в игры. Маг он на самом деле или кто?

Дэмиен уперся ногами в каменную кладку, приподнялся и откинул, вцепившихся в него мужчин. Начертил вокруг себя черту, налившуюся зеленым светом, обернулся в сокола, захлопал крыльями, обдав ветром

изумленных горожан и мэра, затем поднялся ввысь к перистым облакам.

Молока для подкидыша тут не найти. Придется возвращаться к Милисент, искать другой путь. Нельзя терять время, но как же хочется проучить напоследок отца Чармейн.

Дэмиен на лету обрел вновь человеческий облик, мягко приземлился на карниз островерхой крыши, прямоком над глазеющей толпой. Не отказал себе в тяжеловесной паузе для усиления эффекта. Выпрямился во весь рост, указал на мэра, а затем рассказал правду, о том, что тот его оклеветал.

— Сюда я в ближайшее время не вернусь, — заключил он. — И если гнев Хозяина леса заденет вас, в том моей вины не будет.

Милисент нравился, смахивающий на лягушонка, ребенок фейри. Ее не смущала зеленая кожа, широкая улыбка вызывала умиление, а любопытное выражение огромных синих глаз покорило. Милисент всегда питала слабость к изгоям, а маленький ребенок, от которого отказались родители нуждался в каждой капле любви.

Но одно дело помогать Чармейн пока она занята домашними делами, и совсем другое, присматривать за очень голодным и злым ребенком. У Милисент нервы не выдерживали слушать резкий плач, видеть сморщенную мордочку и то, как Кукушонок бьется всем телом в ее руках.

Каждая минута растягивалась в вечность. Из хижины Милисент ушла почти сразу, уж слишком громким крик подмьенша был в четырех стенах.

Теплое озеро манило искупаться и Милисент подумала, что малышу-лягушонку может быть привольней в родной стихии. Во время купания он действительно успокоился и даже некоторое время довольно жмурился. Потом опять расплакался.

И тут поступило задание. Сначала Милисент пыталась игнорировать жжение под ребрами.

«Сейчас не время, может оно подождет возвращение Дэмиена?» — Милисент мысленно обратилась к Хозяину леса, обтирая расстроенного Кукушонка.

Нет, оно не ждало, оно тянуло вперед и подталкивало в спину. Милисент расстроено оглянулась в поисках своей котомки. Взгляд наткнулся на длинный отрез ткани. Чармейн привязывала им ребенка к животу. Может попробовать, все равно подкидыша одного оставлять нельзя.

С горем пополам она смогла его устроить так, чтобы держался крепко и руки были свободными. На спину одела котомку, со вздохом поправила лямки, ощутив себя сильно нагруженным носильщиком. Жжение под ребрами усиливалось, задание не терпело отлагательств.

Обычно Милисент бежала легкой ланью весь путь до своего леса. Но когда в переноске ребенок, не побегаешь, а шагом дорога казалось бесконечной. Одно хорошо — укачанный мерными шагами Кукушонок заснул. Милисент вздохнула с облегчением, будто камень упал с плеч. Невероятно, как детский плач способен свести взрослого с ума. Ничего, сейчас она быстренько справится с заданием, потом уже Дэмиен подрастет и все наладится.

Через час она привыкла к добавочному весу и ускорила шаг. С легкостью прыгала с кочки на кочку, придерживая ношу у груди. Пронеслась мимо деревьев легким ветерком. Лес сменился красной пустыней с деревьями-канделябрами, после них шли изумрудные холмы. Ее родная пещера давно осталась позади, а зов все звал вперед.

Впереди показались крыши Ахтхольма. Милисент замедлила шаг, заозиралась. Ошибки нет, огонек в груди направляет ее прямо к воротам города. Что могла там случиться?

Милисент поправила ткань на груди так, чтобы ребенка видно не было. Вздохнула, заправила выбившуюся прядь за ухо и решительно направилась вперед. Из Ахтхольма уже спешили навстречу пара мужчин во главе с мэром — Ричардом смелым. Каштановая борода развевалась на ветру, полы пурпурного плаща трепетали за спиной.

После приветствия Милисент коротко объяснила:

— У меня срочное дело в городе. По заданию Хозяина леса.

— Тогда не смеем препятствовать, — поклонился Ричард. — Позвольте проводить вас и предоставить людей для помощи.

— Людей не требуется, хотя... Есть ли в Ахтхольме сейчас кормящая мать?

— Хм-м, Матильда недавно родила девочку.

— Отлично, тогда мне требуется бутылка молока для ребенка Дэмиена. Они поручили мне проследить за ним.

— Конечно же, сейчас будет сделано.

Ричард сделал знак одному из сопровождающих и тот сорвался на бег. Милисент тем временем отправилась навстречу ноющему зову. Что бы ни звало ее, оно уже было близко. Идти прямо, затем повернуть направо после третьего дома.

Милисент понюхала воздух. Пожара нет, уже хорошо. Вот бы быстрее

разделаться с заданием и обратно в лес.

Ноги сами принесли ее к дому Альфреда. Это было одно из самых красивых зданий Ахтхольма: Ступеньки вели к широкому крыльцу, колонны у входа поддерживали балкон второго этажа. По две стороны высились два крыла здания, украшенные зеленой росписью. Над тяжелой двойной главной дверью сиял причудливый витраж. Этот дом Милисент ни за что не хотела посещать и именно туда гнало задание.

Она выдохнула, гордо подняла голову и направилась к двери. Обычно Альфред был заранее предупрежден о ее приходе и заранее встречал у входа. Но на сей раз Милисент пришлось настойчиво стучать, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Она горела от близости цели и вся измучилась пока послышались шаркающие шаги.

«Он будто специально заставляет меня ждать как попрошайку.»

Альфред медленно открыл дверь, сонно протер глаза, будто она вытащила почтенного мужа из постели.

— В чем дело, Милисент?

— Мне нужно на минуточку с вами поговорить. По заданию Хозяина леса, естественно.

— В другой раз, если не затруднит. Мое самочувствие оставляет желать лучшего.

Милисент сжала зубы, потом улыбнулась самой милой и приветливой улыбкой, которая на ее бледном лице всегда смотрелась жутко.

— Боюсь, в таком случае Хозяин леса будет недоволен.

— В последнее время он говорит со мною напрямую, поэтому я способен ощутить фальшь в твоих словах.

— Посторонись!

Милисент надоело пререкаться. У нее кости скоро загорятся от внутреннего жара, цель за спиной старика, пусть только отойдет в сторону. Теперь она не сомневалась, что лес послал ее в этот дом не спроста.

Ей удалось проскочить мимо Альфреда и стрелой помчаться по коридору. Огонек гнал ее по винтовой лестнице на второй этаж. Там через просторную комнату с высоким куполом в дверь направо. Вперед по длинному коридору, через анфиладу комнат, пока не настиг топот торопливых шагов сзади. В самой последней комнате спуститься через незаметную лестницу в закрытый внутренний садик.

Олененок. Маленький, тонконогий, весь в белую крапинку, с огромными влажными глазами и ушами торчок. Что он тут делает?

Позади с пыхтением по лестнице спускался Альфред.

Олененок подбежал к Милисент, потерялся о подол платья и она поняла,

что именно его должна была спасти. Диким зверям нечего искать в городе. Его следовало вернуть к матери под сень деревьев.

— Где ты его взял? — Милисент приложила не мало усилий, чтобы в голосе не чувствовалось раздражение.

— Мне не нужно тебе ничего объяснять, — насупился Альфред и принялся обходить Милисент, чтобы протянуть руки и забрать олененка к себе.

Лесничая предупредительно протянула вперед ладонь, останавливая старика.

— Я беру его обратно, туда где ему место. Ты преступил договор, за это поплатится город, и я ничего сделать для вас не смогу.

— Конечно, тебе легче свалить собственные проступки на меня, — прошипел Альфред. — Хозяин леса собирается вернуть мне должность. Поэтому я пришел в лес и мне посчастливилось спасти этого олененка, которым должна была заняться ты!

Теперь ситуация прояснилась. Альфред заходил в лес, там наткнулся на беднягу и уволок в Ахтхольм. Лес пустил его по старой памяти, а Альфред, как всегда, преступил свои полномочия.

Олененок между тем слепо тыкался в колени Милисент, вдыхая знакомый запах, как бы умоляя ее взять его с собой. Она попробовала отступить к двери, звереныш последовал за ней.

— Хорошо, Альфред, — миролюбиво сказала она. — Как только Хозяин леса даст знать, что в моих услугах не нуждается, я сразу вернусь домой.

Милисент до последнего надеялась, что прошлый лесничий не пойдет на конфликт. Да, она мозолит ему глаза, да, он чувствует себя оскорбленным. Наверное, как бы он не старался выгородить себя, но сплетни остановить невозможно. В Ахтхольме стало жить привольней, на полях урожай, это уже сейчас можно увидеть. Люди шепчутся, это их природа.

— Уважаемая госпожа! — раздался за ее спиной голос мэра. — Мы принесли две бутылки с молоком. Вам нужно что либо еще? Мы собрали мешок с отборным душистым чаем из-за завесы да еще мучного на выбор.

— Огромное спасибо, — от души поблагодарила Милисент. — Я как раз ухожу. Пойдем, маленький.

Она приняла из рук мэра увесистую корзину, в которой две бутылки лежали бережно обернутые в теплую ткань. Пол корзины занимал холщовый увесистый мешок с кокетливо открытой горловиной, из которой виднелись разноцветные мешочки и свертки со сладким запахом ванили.

Видимо городские потихоньку выбирали сторону, не в пользу Альфреда. До сих пор подобные подношения Милисент не получала.

Альфред это, видимо, понял, насупился и сказал:

— Олененок еще должен окрепнуть. Я за ним поухаживаю.

Милисент сглотнула. Прямые отказы злили старика, а тут ссору наблюдают городские, значит он будет упрямитесь до конца. Ей придется смягчить, как только можно смягчить ситуацию.

— Как вам будет угодно, — поклонилась она, крепко сжав кулаки, стараясь подавить порыв придушить старика. — Если такова сама воля животного. Напомню, что по договору, мы не можем его заставлять.

Она надеялась на то, что звереныш сам последует за нею. Так и было первые несколько шагов. А потом Альфред достал из кармана вонючую тряпицу и поднес к губам свистульку. Послушно ковыляющий олененок замер, а потом поскакал к довольному Альфреду. Тот опустил на одно колено и любовно погладил зверюшку по шее.

Тряпица пропитана запахом его матери, а свисток издает ее клич. Бедняга не может противиться столь сильному зову. А Милисент не может позволить Альфреду одержать верх.

Она колебалась лишь мгновение, а потом решительно зашагала к старому лесничему и выхватила животное из его рук. Альфред вцепился в задние ноги олененка, потянул на себя. Звереныш жалобно запищал, боднулся и головой задел спящего подкидыша.

К меканью оленя присоединился возмущенный ор голодного и злого ребенка, возмущенного неожиданным тычком. От неожиданности Альфред отпустил животное. Милисент с победным возгласом направилась к двери, балансируя в одной руке ушастого звереныша, во второй тяжелую корзину. Ребенок на груди орал как резаный.

Мэр и сопровождающие застыли на пороге. Они колебались, не зная помочь ли Милисент или подождать, чтобы не навлечь гнев Альфреда. Что ж, ей бы поскорее добраться до леса, как-нибудь донесет своим ходом.

И тут ее нагнал зычный голос бывшего лесничего:

— Что это за урод у нее в переноске?

Милисент как раз проходила мимо мэра города. Тот сорвал ткань у нее на груди и все увидели зеленое лицо с широким ртом Кукушонка, сморщенное в диком крике.

И тут все завертелось как в калейдоскопе. Альфред кричал «ведьма, ведьма!», олень извернулся из рук Милисент, скакнул галопом и скрылся сквозь арочный проход куда-то вглубь сада. Мэр и мужчины кинулись на Милисент, но та подобрала юбки, сиганула вслед испуганному животному,

а уж ей в скорости они уступали.

Олененка она чувствовала, могла следовать за ним без труда, но не хотелось разбить банки с молоком в корзине, да ребенка трясти особо не следовало.

Милисент упрямо сжала зубы, поудобней перехватила корзину и направилась вперед быстрым шагом. Впереди была калитка, через которую объятый ужасом олень с легкостью перескочил. Милисент тоже поспешила на безлюдную улицу. За спиной все ближе слышался топот, ее догоняли с дикими криками и улюлюканьем. Будто она дичь на охоте.

Да они и инсценируют дикую охоту, поняла Милисент. Чтобы показать, что они ее изгоняют на законных основаниях. Дело плохо, она сглотнула ком в горле. Милисент стало по настоящему страшно. Она увидела как живую, что будет, когда настигнет толпа раздраженных мужчин и ее подкосила слабость.

Ноги перестали слушаться. Милисент споткнулась и чуть не грохнулась о мостовую.

— Держите ее! — крикнули за спиной совсем близко.

Милисент подобрала юбки и ринулась бегом, стараясь придержать бутылки и малыша на груди. Между тем олень лихорадочно метался стремясь убежать от шума. Сперва он по дурости направился в сторону рыночной площади, но потом, унюхав толпу, повернул назад, и Милисент поняла, что угодила прямиком в ловушку.

С обеих сторон ее настигали преследователи. Сердце билось в бешеном темпе, она в панике огляделась, не зная, что делать дальше. Всей душой Милисент хотела оказаться подальше отсюда.

Незнакомый бородач кинулся к ней с одной стороны, высокий и нескладный юноша с другой. Милисент зажмурилась и представила себя маленькой птичкой, легкой в полете, способной вознестись над домами.

Через мгновение она услышала настойчивое чириканье, открыла глаза, но все вокруг было как в тумане, только птенец рядом напряженно махал крыльями и звал ее за собой. Милисент сама не поняла, заснула ли она, или воображение перенесло далеко от опасности, но на душе стало спокойно. Она тоже стала махать крыльями, последовала за птенцом.

Внизу отчетливо виделись Ахтхольмцы, с задранными к небу лицами. Казалось, будто все они смотрят на нее, разинув рот. Милисент так же отчетливо чувствовала олененка, ему повезло найти выходи из города и на данный момент он улепетывал что было ног обратно к холмам.

«Я превратилась в птицу, как чудесно!»

Остаться в городе не хотелось ни на минуту. Милисент

наслаждалась свежим ветром и легкостью своего нового тела. Как она испугалась там внизу! И будто навек освободилась от застарелого страха. Теперь она сможет улететь ввысь от опасности и ничего ее не настигнет.

«Это чудесно,» — напомнил ей сухой внутренний голос. — «Но хорошо бы научиться не бежать от своего страха, а встретить его лицом к лицу».

Глава 17

Глава 17

Чармейн заснула как только голова коснулась кровати — сработала близость Ветерка, его столь родное сопение и фырканье по ночам, будто он ежик, а не ребенок. Он спал беспокойно: то и дело вскрикивал и начинал нервно плакать, но учуяв маму затихал и долго жаловался в грудь, пока не проваливался в сон.

У Чармейн разрывалось сердце, она представляла, какого было Ветерку в прошедшие дни звать ее, без возможности дозваться. Должно быть хороший знак, что он все еще продолжает пытаться, что он не лишился надежды. Но, боже, как больно видеть беззащитного ребенка, всхлипывающего всем телом. Она бы руку себе отрезала, лишь бы взять его грусть на себя.

Под утро ее разбудила Кувшинка — беззвучно протянула стеклянную бутылку и Чармейн безропотно отцедила для Кукушонка порцию, хотя глаза слипались от усталости.

— Хочешь, я возьму Ветерка, а ты поспишь? — участливо предложила Кувшинка.

— Нет, я ни за что его не отпущу.

Чармейн оценила предложение фейри, которое было сказано от чистого сердца. Но она сейчас никому не отдаст сына. Она будет с ним и днем и ночью, кожа к коже, пока воспоминание о том, что когда-то их разлучили не сотрется из его памяти.

Обычно Ветерок просыпался с первыми лучами солнца, но в клетушке окон не было. На сей раз Чармейн проснулась с чувством, что она хорошо отдохнула. Видимо, Ветерок позволил себе спать подольше под боком у мамы.

Мох светил ярким ровным светом. Чармейн наклонилась к сыну и была вознаграждена солнечной беззубой улыбкой. Она то и дело ловил ее взгляд и улыбался еще шире, показывал кончик язычка, щурил глазки, махал приветливо ручками. А Чармейн все позабыла от чистого незамутненного счастья.

В дверь постучали. Чармейн наспех заправила ворот, пригладила волосы и отозвалась. В комнату торжественно зашел Тейл с серебряным подносом в руках. На нем высились корзиночки с воздушным кремом и

лесными ягодами, свежий хлеб и вазочка с вареньем, дымящийся чайник с двумя чашечками.

Чармейн смутилась. О своей любви к воздушным пирожным она упоминала давным-давно, в другой жизни. Надо же, не забыл. Можно подумать, будто она для него что либо значила.

— Как спала? Вижу, что выглядишь лучше. Когда захочешь искупаться, дай знать, я отведу к подземному источнику. Вода в нем горячая, правда пахнет тухлыми яйцами, но после нее приятно сполоснуться в чистой воде с душистым мылом.

Чармейн не удержалась и взяла ближайшую корзиночку. Тает во рту... Крем нежнейший, с легкой кислинкой, ягоды сладкие и довершает все изумительное хрусткое тесто.

Неизвестно откуда эльф достал пирожные, но даже матери такие не удаются.

Молчание затянулось, будто на повседневные темы говорить не стоило, а поднять наболевшие вопросы оба не решались. И еще, Чармейн пугал взгляд эльфа. Он смотрел без маски превосходства или легкой брезгливости, сопутствующей всем встречам с тех пор, как Чармейн вышла за другого. Тейл изучал ее взглядом мужчины, которому нравится женщина, сидящая напротив. Не стеснялся скользнуть глазами по груди, заметно округлившейся после родов.

Чармейн отвернулась к Ветерку, напряженно сосущему свои пальчики, чтобы скрыть как сильно бьется сердце и предательский румянец на щеках.

— Что со мной будет?

— Будущего знать не дано...

Чармейн возмущенно повернулась к эльфу. Она не собирается терпеть отговорки.

— Чармейн, ты сама решишь, сколько быть тут и вернуться ли к мужу. Ветерка я отпустить не могу, сама понимаешь. Он единственная надежда, когда-нибудь восстановить наш род.

— Что случилось? Фейри ушли сквозь завесу или вас поразила неведомая болезнь?

— У нас перестали рождаться дети.

— Но где все те фейри, что проезжали сквозь Вирхольм во время последней дикой охоты на Юстаса?

— Ах это? Мы мастера в наведении морока, это очень легко, особенно когда городские жаждут увидеть кавалькаду. Мы стараемся выполнять все обязанности, несмотря на то, что нас осталось всего трое.

— Но в чем причина? Раз вы любите лес и делаете для него все

возможное, почему Хозяин леса не дает вам детей?

— Ты наконец задалась этим вопросом? Что-ж, не прошло и года. Подумай над ним в свободное время, может у тебя появится идея. По крайней мере ни одна из наших не подала надежд.

Тейл откланялся и Чармейн опять осталась в одиночестве. Жаль, что она отказалась от купания, в комнатухе особо чувствуется запах тела. Но Тейл смотрел на нее так, что мысль обнажится перед ним заставляла нервно вздрогнуть. Не от того, что его неприкрытое желание эльфа заставило откликнуться давно похороненную влюбленность. Чармейн давно и бесповоротно любила своего мужа и ни за что не хотела причинить ему боль. И уж точно не давать Тейлу возможность извратить купание, подать его в качестве свежей новости для Дэмиена, под пикантным соусом.

Ей стоит быть осторожной. Очень осторожной, а так же любой ценой выяснить, как убежать отсюда с Ветерком. Второй раз фейри его обменять не смогут, а отобрать у мамы будет против правил.

Значит стоит втереться в доверие к Тейлу. А как сделать это и не дать ему пищу для сплетен очень хороший вопрос.

Тейл или Саэдримон, как он себя назвал, всегда был для Чармейн загадкой. Он никогда не казался искренним, и любил и ненавидел с долей фальшивости. Раньше Чармейн считала, что влюбилась в иное существо, которое глупо мерить человеческими мерками, но теперь, узнав поближе его семью поняла, что его отец — тиран. А когда живешь под боком у чудовища, учишься скрывать свои истинные чувства. Иначе их распознают и растоптают.

Ей даже стало Тейла немного жаль. Но почему они беспрекословно слушаются сумасшедшего короля?

Когда к ней заглянула Кувшинка, Чармейн попросилась пойти искупаться. Фейри бережно держала Ветерка, а Чармейн нежилась в подземном горячем источнике. В воде от каждого движения разлетались искорки, на потолке грота блики затейливо танцевали. Со дна на поверхность поднимались пузырьки воздуха, приятно разминали мышцы.

Чармейн расслабилась и задала последний вопрос Кувшинке.

— Мы обязаны выполнять все приказы короля фейри. Истоки обычая из раздора, о котором я рассказала в прошлый раз. Тогда мы послушались хозяина леса и впали в немилость. Теперь мы обязаны во всем подчиняться. Это клятва, которую нельзя разорвать.

— Но ты разорвала, да? Ты заговорила со мной.

— Мне нужно повиниться и понести суровое наказание. Но этого я тоже не делаю. Ужасно, правда?

— Кувшинка, я давно во всем противоречу своим родителям и до сих пор жива. Хотя лучшее в моей жизни произошло по их совету.

— О чем ты?

— О Дэмиене, конечно.

Она на минутку отвернулась, Чармейн заметила смущение в глазах фейри.

— Саэдримон до последнего надеялся, что ты одумаешься и вернешься к нему. Знаю, ты до сих пор затаила обиду. Он не по своей воле к тебе был жесток, ему отец приказал бросить деревенскую девушку. Саэ когда мог бежал к тебе обратно как на привязи. Думал, поймешь его.

У Чармейн екнуло внутри, по спине пробежали мурашки. Ах если все ужасное между ней и Тейлом можно объяснить чужой злой волей... Но потом сомнительно покачала головой.

— У предательства могут быть уважительные причины, — хмыкнула Чармейн. — Но не стоит обманываться и возлагать всю ответственность на обстоятельства, а не на человека. Стоит ветру подуть в другую сторону, как однажды предавший с легкостью повторит трюк.

Кувшинка поджала губы.

— А ты сурова, Чармейн. И дух у тебя сильный, хотя поначалу ты мне казалась избалованной пустышкой. Видимо не умеем мы фейри правильно судить людей.

— Вы к нам не относитесь как к равным, вот в чем проблема.

— Тяжело уважать тех, кто ничего не делает, живет иждивенцем на краю леса, постоянно лжет и не выполняет обещаний. Прости, — смутилась она собственной тираде. — Я не хотела тебя обидеть. Ты не такая, правда.

— Мы все не такие. Кувшинка... Прости, Нендаранель, может ты задумывалась о том, что мы сами хотели бы больше ответственности? Что когда нет любимого дела, нам живется не сладко?

— Я никогда об этом не думала. Что же вы делаете целыми днями?

— Каждый выбирает по себе занятие. Ювелирное дело, живопись, одежда, утварь. Вирхольм город мастеров. Есть те, кто уходят за черту в поисках другой жизни, но таких меньшинство. Уж слишком пугает внешний мир. А те, кто приходят из-за завесы считают Вирхольм раем и никогда не говорят о прошлой жизни.

Чармейн вылезла из горячего источника, теплый воздух грота показался морозным, а тут еще Кувшинка велела окунуться в рукотворный бассейн с ледяной водой и дала флакон для мытья волос. Чармейн пришлось изрядно потрудится, чтобы избавиться от навязчивого запаха.

Между тем Ветерок замечательно себя чувствовал у Кувшинки и ни разу не жаловался.

Она обтерлась пушистым полотенцем, одела свободное платье из необычной ткани, отливающей серебром, и почувствовала себя намного лучше.

В комнатухе ее ждал Тейл с обедом. Он смиренно попросил поддержать Ветерка, с разрешения Чармейн, естественно. Она согласилась, да в ее положении просьба не больше, чем видимость, на самом деле отказать она не имеет права.

Подземелье давило на нее и нестерпимо хотелось увидеть Дэмиена, упасть в его объятия.

Чармейн была голодна, но после купания следовало причесать волосы, иначе они собьются в колтун. Она взяла гребень, принялась водить им по волосам, напевая незамысловатую мелодию под нос.

Тейл внимательно смотрел на нее, качая Ветерка на руках.

— Скажи, Чармейн, — наконец спросил он с надрывом, будто вопрос давно волновал его. — Тебе совсем не стыдно?

Чармейн тут же залилась румянцем и принялась вспоминать свои проступки.

— Я должна была взять Кукушонка...

— Не о том речь. Я думал это такая игра — ты делаешь вид оскорбленной невинности. Все ждал, когда скинешь маску, поймешь, что уловки мимо цели.

Наконец настал тот час, когда они смогут в открытую поговорить о том, что ранило обоих год назад. Чармейн вздохнула и решила ничего не скрывать.

— Не понимаю о чем ты. Это я до сих пор теряюсь в догадках, в чем причина ужасного отношения в ту пору, когда была по девичьи влюблена. Я перед тобой ни в чем не виновата, это естественное стремление живого существа — уйти прочь от боли. Ты относился ко мне как в вещи.

— Прекрати ныть и жаловаться на одно и то же. Вот, что раздражает меня в людях больше всего — вы не готовы взять на себя ответственность.

— Боже, за что?!

— За преступление Юстаса!

— Ты судишь его за проступок, который совершил сам! Вспомни, как ты ворвался в хижину, когда я кричала — нет.

— Опять говоришь лишь о себе! Не делай вид, что не знаешь. Во время охоты он вытащил трубку из кармана и убил дротиком мою невесту.

Тейл отвернулся, покачивая ребенка, хвост хлестал по бедрам из

стороны в сторону.

Чармейн опешила. Невеста? Оказывается у него была нареченная... И Юстас, о боже, Юстас... Убийство! Главный грех, первая страница договора между городом и лесом. Убить фейри, несчастных вымирающих фейри... Неудивительно, что Тейл ненавидел всех людей, и в частности, Чармейн...

— И даже, если не знала, — продолжил он хриплым голосом. — На тебе ответственность за его поступок.

— Тейл, — прошептала Чармейн. — Мне очень жаль. Поверь, Юстаса защищать не буду и убийство отвратительно. Но почему именно мне отвечать за него? Разве я сделала тебе плохое?

— Ты украла моего сына. Разве это благородный поступок?

— Ты украл моего, не хуже чем твой.

— Сколько желания оправдаться, и никакого отработать несправедливость.

— Так вот в чем дело! На мне лежал грех брата и ты желал возмездия за обиду. Ты выбрал сестру Юстаса, чтобы она сделала тебе наследника, вместо убитой невесты. Теперь я понимаю, в чем причина того, что выбор лесного эльфа пал именно на меня, и почему после того, как удалось заманить в свои сети ты превратился в чудовище. Наказывал меня за обиду, нанесенную Юстасом. Ох, Тейл, в тебе больше человеческого, чем ты предпочитаешь думать.

— Мы ничего не забываем. Такова черта фейри.

— Ты ошибаешься. Мой сын тоже из вашего народа, но он самое доброе существо на свете, и уж точно не помнит зла.

Чармейн подошла к Тейлу и протянула руки забрать Ветерка. Он положил ребенка в сгиб ее локтя. А затем заправил прядь медовых волос за рыжее ухо, притянул ее к себе и поцеловал в губы, неистово, с желанием подчинить и заставить забыть обо всем на свете.

Чармейн на миг забылась под водопадом воспоминаний, вызванных сладостью этих губ. Она замерла и тут же отпрянула назад, коря себя за колебание.

Да, было волнительно. Да, сердце билось в бешеном темпе. Да, в его взгляде читалась любовь, а вовсе не желание мстить.

— Прости, — кашлянула она. — Я беру ответственность. Прости за боль, которую я тебе причинила. Прости за то, что оказалась недостаточно сильна для твоей любви. Я отказалась от нее, потому что ты все делаешь через край. С лихвой любишь и с лихвой ненавидишь. Я всего лишь человек, мне нужен тот, кто никогда не оттолкнет. Примет любой, даст веру

в себя. Я не смогу предать его доверие.

Чармейн договаривала со слезами на глазах. Внезапно все, что было между ними предстало совсем в другом свете. Чармейн видела перед собой не самовлюбленного эльфа, а человека, раздираемого страстями, на котором ответственность за жизнь целого рода, на душе шрамы, а сердце мучает ненависть к убийце невесты, и любовь к его сестре.

Она простила его. Внезапно будто черное покрывало сорвалось с плеч и растворилось в сумраке комнаты. Как же тяжело нести на себе обиду. Насколько легче жить, отпустив прошлое.

Тейл поднял кулак к лицу, чтобы скрыть улыбку.

— Это очень трогательно, желание сохранить верность мужу после поцелуя с другим, но боюсь твой выбор не имеет значения. Придется притерпеться ко мне, уж к какому есть. Надеюсь со временем устанешь от маски равнодушия, не думай, что я не вижу, как ты на меня реагируешь. Чармейн, я тебя ни за что не отпущу. Ты предназначена мне. Смирись и наслаждайся своей судьбой.

Чармейн отвернулась от Тейла, пытаясь отдышаться и не выдать ярости. Эльф с шутливым тоном дал понять, что ее мнение ничего не стоит, а она сама лишь пленница его желаний. Закрывать рот и наслаждаться его присутствием? Смешно!

Она никогда не сдастся и не даст собой повелевать.

Удивительно, как минуту назад этот самовлюбленный тиран, казался ей милым юношей. Нужно бежать отсюда, и как можно скорее.

— Саэдримон, ты красив и талантлив. Неужели тебе нужна пленница, которая не ценит эти качества? Уверена в городах прячется твоя истинная избранница. Она будет рада остаться с тобой навсегда.

Тейл скрестил руки на груди, движением головы отбросил белоснежную прядь волос за плечо. Он действительно был неотразим. Глаза цвета неба, правильные черты лица с острыми скулами и прямым носом. Высокий, статный, широкий в плечах, узкий в талии, с длинными ногами — им невозможно не любоваться. Как произведением искусства, как образцом идеального человека.

— Да, Чармейн, с другой было бы легче. Но мне нужна именно ты. Даже не потому что подарила мне самого чудесного малыша на свете. Я люблю тебя и не могу с этим ничего поделать. Отвергая, ты режешь по живому, и даже, кажется, получаешь от этого удовольствие.

Чармейн сглотнула, закрыла глаза, села на кровать, поглаживая Ветерка по пушистой голове. Тейл воспользовался передышкой, подошел совсем близко, сел перед ней на корточки.

— Чего тебе стоит, немного перетерпеть и быть ко мне помягче. Позволить радость прикоснуться к твоей щеке, ощутить мягкость твоих губ. Будь ко мне милой и, поверь, буду ласковым в ответ.

Она судорожно вздохнула. В голове не осталось никаких мыслей. Она совсем запуталась, что правильно, а что нет.

— Саэдримон — раздался звучный, как звон колокола, голос. — Прощу выйди на минутку.

В проеме стоял король фейри. Золотая корона сверкала и переливалась в золотистом свете мха под потолком, расшитый золотом плащ ниспадал по пола. В руках он держал посох, сделанный из обросшей лишайником коряги. Спокойное лицо человека молодого, но крайне уставшего и недовольного, седые волосы до середины лопаток и седая длинная борода, как у волшебника из сказки.

Чармейн постаралась сжаться в незаметный комочек и задвинула Ветерка за спину.

Тейл тотчас же вышел, даже не обернувшись на Чармейн. Дверь захлопнулась и она тут же подбежала поближе, чтобы разобрать разговор.

Слышимость оказалась неплохая, она прижимала к себе заснувшего Ветерка и старалась как можно тише дышать.

— Сын мой, я просил тебя держаться от человеческой девушки подальше. Мы должны отделиться от людей. Я пошел тебе навстречу, разрешив ей оставаться под холмом, но твое поведение недопустимо.

— Отец, прости меня. Я зашел посмотреть на ребенка и проверить, что он получает достаточный уход.

— Я понимаю, но если увижу тебя или Нендаранель еще раз, то ноги ее тут не будет. Пойми, я знаю больше вашего и хочу как лучше для всех нас. Тебе стоит попробовать еще раз зачать ребенка чистых кровей.

— Пожалуйста, отец, понимаю твою мудрость, но прошу отсрочки. Нендаранель еще очень слаба, ей нужно окрепнуть...

Голоса удалились по коридору, а Чармейн стало страшно. Она теперь понимала, что Тейл пытается защитить ее, оттягивая внимание короля фейри от нее. Он действительно мастер сокрытия истины. Но что будет, когда последует прямой приказ держаться от нее подальше? Жить в закрытой клетушке, никуда не отлучаясь целыми днями, лишённая общения, наедине с младенцем... Не существование, а кошмар.

Как же выбраться отсюда? Дверь тяжелая, закрывается засовом с той стороны. Может ждать случая когда забудут запереть? Или искать другой выход? Пол земляной, можно и подкоп устроить под кроватью, там где не видно. Знать бы еще как глубоко под землей она находится.

Чармейн уложила спящего Ветерка, поправила на нем одеяльце, выданное Кувшинкой. Тщательно проверила все стенки. Толстые, стук получался равномерно глухой. Потом попробовала заколкой понять засов изнутри. Не получилось, щель слишком узкая, нужно попробовать заточить заколку.

Вдруг в коридоре послышались шаги. Чармейн сполоснула руки в кувшине. Поправила волосы и прилегла подле Ветерка.

Заскрипел, отодвигаемый засов. Дверь открылась, через нее зашел король фейри без сопровождения Тейла. Встал напротив Чармейн.

Она присела, стараясь телом закрыть сына. Смотрела кротко, пытаясь понять, зачем пришел посетитель. Король фейри пытливо всматривался в ее лицо, Чармейн сразу опустила глаза, решив не подставляться.

— Я не причиню тебе зла. Мой сын считает, что он умней меня. Но я все вижу и понимаю. Завтра же я заберу тебя за черту, вместе с твоим отродьем.

— Пожалуйста, отпустите меня домой к мужу. Я сама не хочу тут находиться...

— Собери то, что можно нести в руках, не подготовишься — не мое дело.

С этими словами король развернулся, исчез за дверью, и вновь послышался звук скрипящего засова.

Чармейн не выдержала и заплакала. До сих пор удавалось хоть как-то держать присутствие духа ради сына, а теперь захлестнула безнадежность. Она до дрожи в коленках боялась короля фейри, потому что в его движениях и словах сквозила безуминка, а люди одержимые доводят свои начинания до конца.

Чармейн хотела домой к Дэмиену. Она устала быть сильной, пытаться выведать информацию, думать о побеге. Ей хотелось в сильные объятия мужа, чтобы он решил все ее проблемы. Где сейчас Дэмиен? Как он справляется один? Нашел ли оставленный ею путь из зеленых нитей?

В дверь опять постучали. Чармейн вытерла слезы, встала так, чтобы входящий не видел Ветерка.

На пороге стоял Тейл.

— Не бойся, Чармейн, я все слышал. Буду караулить подле двери и днем и ночью, не дам ему увести тебя.

— Саэдримон, тебе нельзя ему противоречить. Что ты сможешь сделать, когда он прикажет уйти с дороги?

— Он не захочет прямого противостояния. Отец боится меня потерять, он уже лишился влияния на Нендаранель.

— Так почему же и тебе не начать поступать, как считаешь нужным?

— Чармейн, ты родом из Вирхольма, где не помнят прошлого и живут сегодняшним днем. Мы же чтим традиции, главная из них служение лесу, вторая — подчинение королю. Умение превозмочь собственные желания и порывы, вот жизнь фейри.

— Я вымотана, Тейл, прости, Саэдримон. И боюсь за свою судьбу. Отведи меня обратно к мужу, там я буду в безопасности. Выращу Ветерка, а потом он сам решит, кем ему стать.

— Он должен вырасти под холмом, чтобы стать фейри. Я никогда тебя не отпущу, перестань твердить одно и то же! Я зашел успокоить тебя, но, видимо, не стоило!

Чармейн потерла ноющие виски.

— Ты упомянул обязанности перед лесом. Разве они не потребуют твоего внимания?

— Сейчас лето, урожай обильный. Ничего не случится, если завеса однажды не передвинется. А отец пока привыкнет к тебе или забудет о вашем существовании.

Чармейн поджала губы и хмыкнула. Не верилось в забывчивость эльфийского короля. Он найдет способ до нее добраться, но пока Тейл тут за дверью и правда спокойней. А пока она придумает, что делать дальше.

Глава 18

Глава 18

Дэмиен летел домой, изо всех сил работая крыльями. Он досадовал на себя за детскую выходку на крыше, следовало сразу спешить обратно. Чем он будет кормить подкидыша? Бедный ребенок, он ни в чем не виноват, его не следовало превращать в разменную монету в разладе с фейри, не стоило разлучать с Чармейн.

Если бы Дэмиен мог повернуть время вспять, то он бы изменил свое решение. Мысль о том, что из-за него страдает голодный младенец была невыносима.

Впереди замерцало озеро, показался приметный дуб на поляне, а под ним и крыша хижины, обросшая вьюнком. Дэмиен превратился человека, смахнул прилипшее к рукаву перо.

В доме было пусто. Заскрипели половицы, Дэмиен потрогал остывший котел над очагом. На столе лежало забытое одеяльце. Ни Милисент ни ребенка видно не было. Дэмиен вышел к ближайшему дереву, обнял его и попытался связаться с лесничей. Получил глухой отклик, будто она сейчас недоступна, но весть передадут, как только смогут.

Дэмиен потер переносицу. Раз человечесье молоко достать невозможно, остается просить помощи у Хозяина леса. Хоть в чем-то он должен помочь!

Дэмиен закрыл глаза, выдохнул и нашел нужную точку под ребрами, где обычно ощущал жжение нового задания. Мысленно задел ее тонким молоточком, чтобы зазвенела высоким колокольчиком. Из тревоги соткал тонкую нить, обвел ею звенящую точку. И напоследок представил плач голодного Кукушонка и сделал так, чтобы звон колокольчика превратился в плач.

В ответ нить тревоги завибрировала, распалась и испарилась. Ответ Хозяина леса: беспокоится не о чем. Но что это значит? Спокойно ждать? Отправиться на поиски?

Уходить из хижины было глупо, туда в любой момент могла вернуться Милисент, но усидеть на месте Дэмиен не мог. Его толкала вперед жажда действия.

Он опять обнял дерево, попросил сообщить о появлении Милисент и отправился в глубину леса. Дэмиен почти бежал, просто потому, что движение помогало сосредоточиться. Еще чуть-чуть и он сможет решить

эту загадку.

И вдруг остановка. Что-то неправильное в зелени крон, в движении облаков, в примятости травы. Будто Дэмиен пропустил нечто важное.

Он привык доверять чутью. Присел на корточки, хорошенько осмотрелся. Краем глаза поймал тень на веточке куста.

Вот оно!

Зеленая нить, почти незаметная в листве, но когда Дэмиен прошел мимо, та легким прикосновением крыла бабочки огладила кожу и дала о себе знать. Дэмиен догадывался, откуда эта нить. Из одеяла, что мяла в руках Чармейн, когда ушла из дома.

Тут он как гончая взял след, обнаружив следующую нить на прошлогодних листьях в нескольких шагах впереди. Еще одна свисала с низкой ветви дуба.

Он старался время от времени спрашивать деревья, не появилась ли Милисент, но новостей не было. Дэмиен тут же возвращался к призрачной дороге из зеленых нитей.

— Не помешала? — услышал он женский голос позади.

На небольшой кочке стояла Кувшинка. Она была одета в серебряное платье, льнувшее к телу как вторая кожа, оттеняющее чешуйки на плечах.

Дэмиен оглянулся, в поисках второй женщины, той, что говорила.

— Скорее, — сказала Кувшинка. — Беги домой, накорми моего сына.

Она протянула ему сверток из блестящей ткани, обвязанный серебряной нитью. На ощупь он был почти ледяной, под мягкой тканью прощупывалось нечто твердое.

— Ты говоришь? — удивился Дэмиен. — Почему до сих пор молчала?

— Это долгий разговор, а тебе пора домой. Тут молоко для Истильвера. Ну же!

Дэмиен как очнулся. Огляделся вокруг и не увидел ни одной знакомой приметы. В этой части леса он никогда не был, и может, если уйдет сейчас, больше не сможет найти дороги назад.

Кувшинка прыгнула с кочки в чащу и исчезла, не сказав больше ни слова. Дэмиен повернул ладонь кверху, открывая клубок зеленых нитей, которые вовремя спрятал от лесной девы.

Азарт гнал вперед, туда, где сейчас находилась его жена.

Дэмиен сжал зубы, закрыл глаза, воспарил вверх, превратившись в сокола. Полетит к хижине, раз так посоветовала Кувшинка, пусть сердце зовет к Чармейн, испить как живой воды тепло ее улыбки. Подкидьш дома, молоко у Дэмиена, и это единственное имеет значение.

Дэмиен покружил над тем местом, где потерял след, стараясь

запомнить его и отметить близлежащие холмы. Запомнить ничего не удавалось, пейзаж внизу раз за разом уплывал из сознания как утренний сон. Не желая больше медлить, Дэмиен направился домой.

Милисент он нашел у озера, кормящую подкидыша из стеклянной бутылки. Дэмиен обрадовался, наблюдая за тем, с какой радостью ребенок вцепился в Милисент и работает щеками, но в то же время понял, что Кувшинка его обманула, согнав с верного следа.

Пропади оно пропадом, главное, в ближайшее время о пропитании для малыша думать не надо.

Лесничие обменялись новостями за прошедший день. Дэмиен нахмурился, услышав о происшедшем в Ахтхольме.

— Они с сошли с ума. Не будь ссоры между городами, я бы стал подозревать мэров в сговоре... Нет, не может быть. Зачем он им нужен? Кто захочет сердить Хозяина леса, особенно в Ахтхольме?

Милисент виновато улыбнулась, будто сама была главным заговорщиком. Дэмиен вспомнил, что ее пугают гневные тирады и пообещал себе быть сдержанней.

— Альфред ревнует меня к лесу. Сильные эмоции могут заставить людей поступать неприглядно. Он хочет вновь стать лесничим. И надеется, что поддержка города в этом поможет.

— Легко придумать оправдание для Бертериха. Он мог беспокоиться о судьбе Чармейн, тем более, что я вел себя довольно странно, — Дэмиен почесал затылок. — Но травля недопустима, это прямое нарушение договора. И чтобы почти одновременно в двух городах... Нет, это больше, чем совпадение, Милисент. Мы должны быть осторожны.

Оба замолчали. Дэмиен видел по Милисент, что та винит себя в разладе с Ахтхольмом. Не смогла договориться со стариком, спровоцировала его, вот и результат.

Она устало потерла глаза, потом вздрогнула и почесала бок.

— У меня задание. Прости, должна бежать.

— Спасибо, ты мне очень помогла. Молока хватит надолго, Кукушонок будет со мной, а ты постарайся отдохнуть.

Дэмиен направился в дом, сложил три бутылки молока в погреб. Кукушонок наевшись прислонил голову к плечу лесничего и заснул. Дэмиен устроил его в переноске, собрал котомку и направился обратно в лес, туда, где увидел обрывок нити. Он должен увидеть Чармейн, услышать ее голос, узнать, что с ней все в порядке. Ни о чем другом думать не получалось.

Тейл исправно вел вахту подле двери. Заходить не пытался, видимо, чтобы исполнять приказ отца и свести к минимуму общение с человеческой девушкой. Чармейн было муторно и одиноко. Она задышалась в четырех стенах, отчаянно скучала по Дэмиену и чувствовала себя узницей, а не гостьей, хотя еду Кувшинка приносила изысканную, на серебряных подносах.

Тейл просовывал для нее записочки под дверь. Просил писать о самочувствии, рассказывать всякие мелочи о Ветерке, требовать любой каприз. Подумав, Чармейн составила список, в котором заказала одеяло потеплее, свежих фруктов и расческу. Последнюю она особенно жаждала заполучить, чтобы было удобно копать. Тейл пообещал все выполнить, но Чармейн не знала, удалился ли он или так же сидит на страже.

В комнатухе тянуло прохладой из отверстия под потолком, ровным золотым светом светился мох. Из ямы сортира почти не пахло, она была очень глубокой на вид, Чармейн старалась к ней не подходить, помимо нужды. Ветерок задумчиво посасывало покрывало, лежа на животе, загребая под себя все новые складки с большим удовольствием.

Чармейн хотела попробовать расширить сквозное отверстие наверху. Плохо, что оно на виду, но может можно попробовать вырасти мох так, чтобы частично закрывал новую дыру.

Из сортирной ямы тем временем слышались звуки, будто кто-то роется там, в глубине. Еле слышные, то затихающие, то вновь ритмично скребущиеся.

Чармейн забралась с ногами на кровать и с ужасом уставилась на сортир.

Звать на помощь, попросить другую комнату? Или ждать, пока из ямы покажется усатая голова и членистоногое тело...

Чармейн выдохнула, попыталась отодвинуть страх в сторону и прислушаться к своей интуиции. Села со скрещенными ногами, положила ладони на ляжки и стала напевать простой мотив зимней стужи, когда весь мир замирает под покровом снега. Кто бы то ни был, он остановится послушать. А Чармейн прочувствует, с какими намерениями к ней активно пробиваются.

Внизу находился лесной зверь. Он не желает ей зла, вот, что поняла Чармейн. Лесничая тихонько встала с кровати, подошла к краю ямы и заглянула внутрь. Сплошная темень, ничего не разглядеть.

Послышались шаги с другой стороны двери. Шорох в глубине сортира мгновенно утих. Когда Тейл вошел, Чармейн уже сидела подле Ветерка и гладила сына по спине.

Тейл нес в руках все, что она заказала по списку. Даже расческа лежала сверху, с длинными зубьями и удобной рукояткой, украшенной гроздьями ягод из малахита.

Она перевела взгляд на эльфа и вздрогнула. Золотые волосы лежали в беспорядке на плечах. Тейл был бледен, на лбу залегла глубокая морщина между бровями. Из одежды — простая зеленая рубаша и потертые штаны. До сих пор он всегда тщательно следил за внешностью и за производимым впечатлением. Неряшливость означает, что с ним произошло нечто ужасное.

— Чармейн, мне нужно уйти.

— Что случилось?

Она искренне забеспокоилась. Может что-то случилось с Дэмиеном?

— Что-то плохое. Пока я был тут в пещере обмена прорвало завесу. К нам проникли непрошенные гости. Чармейн, я попробую отвлечь отца, но прошу тебя — тяни время. Я обязательно вернусь.

— Будь осторожен, — вырвалось у нее.

— Я рад, что все-таки тебе не безразличен.

Тейл, взмахнув плащом, направился к выходу, на прощание обернулся, задержал взгляд на губах Чармейн. Она прочитала в его взгляде тоску по поцелую на прощание и потупила взгляд, сделала вид, что ничего не заметила.

Она догадывалась, кто все это время пытался прорваться через завесу, дожидаясь удобного случая.

— Стой!

Тейл тут же вернулся, подбежал к ней, положил руки на плечи. Наклонился для поцелуя, но Чармейн удалось извернуться.

— Я чувствую, это Юстасу удалось вернуться. Саэ, он хочет тебе отомстить. Не иди в одиночку, попроси помощи у Дэмиена...

— Ты меня недооцениваешь. Чармейн, пообещай, что дашь мне шанс, когда я вернусь.

— Нет, Саэдримон, обещать тебе я ничего не собираюсь. Обожглась однажды. И шанса нет, ты пойми.

— Девочка моя, поговорим, когда вернусь. Помни — тяни время.

Как только за Тейлом закрылась дверь, звуки в отхожей яме возобновились. Шурх-шурх-шурх. Под них особенно крепко спал Ветерок, а Чармейн хорошо думалось.

Если Юстасу удалось проникнуть через завесу, то хорошего не жди. Вот против кого следовало запастись оружием! Он брат по крови, но Чармейн боялась за родных и даже за бедового Тейла переживала больше,

чем за Юстаса. Ах как бы она хотела сейчас иметь под рукой черную трубку и дротик. Дэмиен знает где они, если что...

Когда шуршание в яме прекратились, значило, что в комнатку скоро придут гости. Так и получилось. Зашла Кувшинка рассказать о том, что видела Дэмиена.

— Он почти нашел тебя. Но я отослала его обратно кормить моего сына.

Чармейн сглотнула. Дэмиена нестерпимо хотелось видеть, а Кувшинка играючи лишила этой возможности. Наверное, не со злого умысла. И все же...

— Отпусти меня, Нендаранель. Твой отец хочет изгнать меня во внешний мир. Пожалей, прошу тебя.

— Милая Чармейн, прости меня, но не могу тебя отпустить. Я сделаю все возможное, чтобы с тобой ничего не случилось. Но пойми — твое молоко, это жизнь моего сына.

— А потом, когда он вырастет и не будет в нем нуждаться, что будет тогда?

— Я постараюсь помочь, чем смогу. Чармейн, проблема не во мне — брат никогда не отпустит тебя.

Чармейн тяжело вздохнула. Кувшинка говорит ласково, но по сути ничем не помогает. Доверять ей невозможно, как и Тейлу. Чармейн совсем одна в глухом закутке под целой толщей породы над головой.

— Ваш король хочет выставить меня во внешний мир. Что-то подсказывает, что он всегда получает задуманное.

— Тогда обещаю, слышишь, клянусь! — Кувшинка пересела подле Чармейн, подняв ладонь вверх. — Сделаю все возможное, чтобы его остановить, даже ценой собственной жизни. Пойду за завесу с тобой, если нужно. Теперь ты веришь?

— Обещанию фейри? — Чармейн задумалась. — Верю.

Раз Кувшинка сказала, значит так и поступит. Но почему?

— Меня никто и никогда не ценил, Чармейн. В молодости я была влюблена в одного фейри, до потери сознания. Только о нем и думала. Отец благословил нашу помолвку, но тот фейри не замечал меня. Смотрел лишь на невесту Тейла. Когда она погибла, ушел во внешний мир, не выдержал потери. Я хочу наконец совершить в жизни что-то значимое. Ты мне нравишься, Чармейн, пусть это будет ради тебя. Отпускать же сейчас не имеет смысла — Тейл отыщет тебя и приведет обратно.

Чармейн не нашла, что ответить, просто обняла прохладную речную фейри за талию и положила ей голову на плечо. Чармейн знала, что значит

жить, сознавая свою никчемность. Она ценила порыв и даже решилась в своем сердце поверить Кувшинке.

— Нендаранель, — в дверном проходе появился король фейри. — Твоему брату нужна помощь. Собирайся.

— Нет, отец. Я останусь тут, пока он не вернется.

— Немедленно отойди от девушки. Я думал лишь Саэдримон испытывает к ней нездоровую привязанность.

Кувшинка вздохнула, к удивлению Чармейн, встала и отошла в сторону двери.

Чармейн опустила взгляд, ссутулилась, стараясь стать как можно незаметней. Ей не нравился нездоровый блеск в глазах короля фейри. Он казался умным, хитрым, но в то же время совершенно безумным и непредсказуемым. Им правила идея разделить людей и фейри, он собирался достигнуть любой ценой ее исполнения.

— Идем со мной, Нендаранель. Посмотришь сама, что случилось с Саэдримонем и решишь, как с ним поступить.

Кувшинка на мгновение заколебалась, потом кивнула и беззвучно последовала прочь за отцом. Чармейн поняла, что речная фейри решила увести его прочь от из комнаты. Хорошая идея, вот только кажется, что именно за этим король фейри и пришел. Может решил опоить дочь, чтобы не мешалась под ногами?

Чармейн похолодела. Прислушалась к удаляющимся шагам, затем подошла к резному столику и оценила его со всех сторон. Если отломать ножку, получится неплохая дубинка.

Ветерок не спал и она сделала вид, будто играет с мебелью. Кидала столик сначала лишь бы опрокинуть, а потом швырнула в стенку со всей силой. Древесина треснула, Ветерок весело захохотал. Чармейн удалось высвободить увесистую деревяшку. Он взвесила ее в потных от волнения ладонях и решила, что готова.

В яме снова завозились. С каждым мгновением звуки были все ближе и ближе. Рыли энергично, Чармейн слышала стук щебня, падающего вниз.

Ну же! Пока за ней не вернулись!

Из ямы появился измазанный в земле рыжий нос. Затем два уголька глаз и острые уши. Отряхнувшись как собака, из отхожего места вылезла облезлая лиса на трех ногах. Увидев Чармейн, та твякнула и ощерилась.

Чармейн ахнула и кинулась обнимать злющую тварь. Лиса снисходительно лизнула девушку в висок, мигом перестав притворяться, будто не рада видеть лесничую.

Лисы известны тем, что им ход где угодно, даже в святая святых

фейри.

— Что же мне сейчас, в вонючую яму за тобой прыгать?

Чармейн обернулась на агукающего Ветерка. Тот лежал на животике, полностью довольный жизнью.

— Была не была. Душа не на месте, а значит надо делать ноги как можно скорее.

Скорей всего рыжая злюка на самом деле обладала своей, особенной магией рыть секретные ходы. По крайней мере Чармейн смогла пролезть за ней с ребенком на руках, с относительным комфортом. Передвигалась на четвереньках, то и дело двигая перед собою Ветерка. Лаз был влажный, не затхлый, Чармейн свободно различала серые камушки в породе, хотя тут должна была царить абсолютная темнота.

Лиса хромала впереди, помахивая хвостом. То и дело оборачивалась, облизывала макушку Ветерка, поторапливала Чармейн. Лесничая ползла изо всех сил, стараясь не прислушиваться, есть ли за нею погоня. Самым сильным звуком казался свист собственного дыхания.

Коридор поворачивал то влево то вправо, но все время с небольшим уклоном вверх. На определенном этапе руки устали перекладывать Ветерка с места на место, он извернулся, ударился затылком о выступ и зашелся в плаче. Чармейн крепко привязала его к себе и с этого момента ползти стало намного легче.

Впереди замаячило желтое пятно на щебне. Чармейн заспешила, лиса тоже заволновалась, принялась носится по коридору взад-вперед, то понюхает воздух у входа, то возвращается к Чармейн, понукая быстрее двигаться. Лесничая старалась изо всех сил, хотя руки ломило со страшной силой и в глазах темнело от усилия.

Наконец она вдохнула благословенную свежесть леса, подставило лицо солнечным лучам. Как замечательно видеть бескрайнее небо над головой. Чармейн задыхалась в душной камерке.

Все закончилось. Она свободна. Теперь у Тейла не будет разменной монеты, чтобы во второй раз украсть Ветерка. Чармейн сможет вернуться к мужу, а королю не будет смысла ее преследовать.

При мысли о Кувшинке Чармейн стало немного совестно. Речная фейри была добра, и лесничая жалела о том, что им не стать подругами. Но она пообещала себе ухаживать за Кукушонком, как за родным, а когда тот подрастет, передать матери.

Пусть фейри думают над продолжением рода без ее участия. В городах не мало девушек, готовых в любой момент сбежать с красавцем в лес, в поисках острых ощущений. Тейл не привык слышать отказ, вот почему не

может оставить Чармейн в покое. Все надеется завоевать непокорную. Но когда не будет выбора — обратит внимание на другую, а там может и обретет счастье.

Чармейн вздохнула, прижала ребенка покрепче к себе и направилась домой.

Глава 19

Глава 19

Как только подкидыша искупали, накормили досыта и он уснул в переноске, Дэмиен направился обратно в лес, к тому месту, где увидел зеленые нити из одеяльца Ветерка. Лес был для лесничего родным домом, поэтому, несмотря на то, что не смог запомнить точные ориентиры из-за магии фейри, Дэмиен надеялся отыскать след.

Ноги сами несли его вперед, будто чувствуя жену и сына. Кукушонок сладко посапывал в переноске, Дэмиен гладил его по пухлой щечке зеленоватого цвета.

Он не заметил, как намертво привязался к подменьшу. Даже крепче, чем к Ветерку, наверное потому, что Кукушонок оказался совсем заброшенным и беспомощным. Он давно перестал казаться странным, теперь Дэмиен видел красоту огромных голубых глаз, изящество тонких ручек, теплоту широкой улыбки. И весь в целом Кукушонок стал своим, родным, кровиночкой, хотя прошло всего лишь пару недель с тех пор, как его подбросили.

Дэмиен остановился рассмотреть некрасиво обломанную ветвь шелковицы. Она свисала как ушибленная рука, с острым сломом на уровне плеча взрослого мужчины. Широкие листья еще не успели свернуться в трубочку. Дэмиен осмотрелся, увидел след из примятой травы, чуть дальше обнаружил в мягкой земле след от крупной ноги в башмаке с квадратным каблуком.

В лесу кто-то прошел, да еще совсем недавно. Нагло нарушая договор. Это, в принципе, лесничего не касается. Фейри устроят дикую охоту и все дела. Но, интересно, кто? Таких башмаков в городах не носят, мода на плоскую подошву. У девушек же каблук закругленный.

Дэмиен прошелся по следу, по дороге морщась, отмечая насколько небрежно прошедший относится к живой природе. Мятой растительности и отсеченных ножом ветвей кустарника попадалось не мало.

Стоп! Дэмиену попался еще один след от башмака, крупного как у мужчины, но на этот раз с заостренным носом. Их двое? Или больше?

Дэмиен обнял дерево, передал весточку Милисент. Она должна знать о чужаках. Фейри, наверное, уже и так знают.

В Вирхольме бывали случаи, когда из-за за завесы приходили новые

люди. Обычно это были скромные мечтатели, эдакие жертвы обстоятельств, наконец нашедшие приют в тихой гавани. Жили они скромно, о жизни во внешнем мире не распространялись, согласно договору, который боялись нарушить больше всего на свете.

Нынешние гости на пришедших из-за завесы не походили. Хозяин пускал лишь тех, кто способен оценить гостеприимство волшебного мирка.

Как они сюда попали? Явно не приглашенные, похожи на разбойников из сказок. Дэмиен с отвращением рассмотрел плевков с жеванными коричневыми листьями на корне дерева. Может волшебство Хозяина леса ослабело? Может этим объяснить его невмешательство?

Их трое. Один в добротной обуви, двое других в остроносых сапогах поплоше — видно по стертой стельке. Идут гуськом, впереди самый состоятельный. Спешат — расстояние между следами больше, чем при обычном шаге, и пятка глубже. Прошли утром, или вчера, земля еще не успела высохнуть.

Дэмиен прошел по следам до самой опушки леса. Неизвестные неплохо ориентировались, шли с небольшим крюком к Вирхольму.

Дэмиен прищурился, поднес ладонь к бровям. Вокруг безмятежно простирались цветущие поля. Чуть дальше начинались ухоженные огороды. Идти в Вирхольм не хотелось, но раз именно туда направились гости, значит придется присмотреть за городом. И узнать, кто наведался.

Возвращаться домой и оставить Кукушонка Милисент времени нет. Эх, брать подменьша не хорошо, но он справится. Наведет отвод глаз, как умеют фейри. Если что, оставит его под присмотром матери. Та не подведет. И лучше всего сперва наведаться именно к ней.

Дэмиен обнял дерево, то передало сообщение от Милисент. Она все поняла, ждет у хижины лесничих, будет крайне осторожна.

Натоптанная тропа стелилась под ноги, ребенок в переноске крепко спал. Дэмиен осторожно ступил в город, осмотрелся по сторонам. На улицах было непривычно пустынно. Что-ж, это ему на руку, сможет незаметным добраться до дома матушки.

Знакомый домик со стенами, расписанными голубыми цветами оказался отрадой для глаз. И мать была дома, взъерошенная, с заплаканными глазами.

— Жив, слава Богу, жив! — кинулась к Дэмиену и начала целовать в обе щеки. А потом заметила увесистый сверток у груди, заглянула внутрь, и отпрянула в ужасе. — Что это там? Неужто правду говорят про тебя?

— За слухами я и пришел, мама. Это ребенок фейри, подменьш. Они забрали нашего и Чармейн под холм. Это долгая история.

Мать хотела послушать все детали. Дэмиен ясно видел — не отступит и не сможет говорить ни о чем другом. Придется уступить и рассказать упрощенную версию. Мол феири захотели здорового ребенка вместо ущербного.

— Как там Чармейн? Получал от нее весточку?

— Вместе с молоком для малыша. Мама, не смотри ты на него так. Обычный ребенок, улыбочивый и крикучий. К внешности быстро привыкаешь. Ты лучше возьми его на руки, убедись сама.

Кукушонок как раз проснулся, увидев новое лицо заулыбался от уха до уха. Мама не выдержала и засмеялась в ответ:

— Потешный и ямочки такие сладкие. Глаза громадные, синие-синие, у людей таких не бывает. Дураки они, городские. Как они могли подумать, что ты замыслил плохое против Чармейн?

— Расскажи теперь все. Какие новости?

— Заявился сын мэра, Юстас, представляешь? — мама принялась курлыкать что-то под нос, покачивая ребенка. — Привел за собой двух крепких молодцев со злыми глазами. Заявил, что теперь нам будет рай — откроет торговлю со внешним миром, привезет тканей редких, лакомств разных, механизмов новейших. Говорит, поделки наши, Вирхольмские, высоко ценятся за завесой. И мэр ему бразды правления передал. Я тоже на площади была, слушала речь, даже прослезилась. Чармейн поминал, будто умерла она. Благодарил Хозяина леса, что вместо потерянного ребенка вернул ему пропавшего. Ой, Дэмиен, даже не знаю, что теперь будет! Из тебя преступника сделали, сынок. Глупости все это, пока сам лес не выгнал, они ничего не сделают, но все равно, муторно на душе.

— Не бойся, матушка, справимся как-нибудь. Говоришь Юстас вернулся?

Лес ни за что не пустил бы его обратно. Чармейн рассказывала о письмах брата, но Дэмиен надеялся, что это пустые разговоры. Преступники не возвращаются из-за завесы, им не место в мире волшебного леса. В обещания рая на земле он тоже не верил. Раз за Юстасом следуют два крепких мужика, им что-то задолжено...

— Где они? — резко выдохнул Дэмиен.

— Так провели церемонию передачи правления Юстасу и с тех пор его не видно. Ушел в поля, в сторону леса.

— Значит, мы разминулись... Мама, давай сюда Кукушонка, я обязан их найти, понять, чего добиваются.

— Он оставил одного из своих попутчиков. Тот собирает украшения для передачи во внешний мир. Я свою брошь тоже отнесла, обещают за нее

листовый чай и кофейные зерна.

— Мама, постарайся пойти к подруге на другую сторону города. Чтобы, тебя не могли найти в ближайшее время. Я не доверяю, ни Юстасу, ни его приспешникам. Будь осторожна.

— И ты, сынок. Юстас когда-то был бедовым, но говорит, что испытания изменили его...

— Мама, не стоит поспешно прощать. Прости, нужно спешить...

Дэмиен вспомнил, что Милисент ждет его у хижины, совершенно одна, еще не зная, кто пожаловал в лес. Ее необходимо предупредить в первую очередь. Нельзя допустить, чтобы они встретились, в то время, как за плечом Юстаса стоит крепкий молодец. Дэмиен прошиб холодный пот. Брат Чармейн может и отомстить девушке за все свои беды.

Скорей туда!

Дэмиен поцеловал мать, забрал подкидыша и на улице обернулся. Полет не развеял нехорошее предчувствие. Воздух был сухой, от земли поднималось жаркое марево. Подменьш старательно работал крыльями, его сносило потоком вверх, он смешно нырял вниз к устойчивому Дэмиену.

Подле хижины в одиночестве сидела Милисент, отрешенно смотрела на гладь озера.

— Плохие новости, — без предисловия бросил Дэмиен. — Юстас вернулся.

— Я знаю, — ответила Милисент. — Увидела его, шагающего сквозь чащу. У него в руках нож, Дэмиен, он отсекает ветви на своем пути. Просто потому, что они растут.

— Думаю ему недолго осталась. Фейри должны выставить вон.

— Я спряталась под кустом боярышника, как пугливый заяц — Милисент обняла себя за плечи. — И молилась, чтобы он меня не заметил. Ненавижу чувствовать себя слабой.

Дэмиен нахмурился и кивнул. Он знал, как утешать Чармейн — подойти, обнять, пропустить волосы сквозь пальцы. Милисент же была дикой кошкой, протянешь руку погладить живот — получишь когтями по запястью.

— Я тут. Будем держаться вместе, пока все не разрешится.

Оглушительно стрекотали сверчки. Палило солнце, пахло сухой землей и еще чем-то приторным, цветочным. Неизвестность окутала сердце тугими кольцами. Ждать, ничего не делая выматывало.

Дэмиен поменял грязную пеленку подменьша на чистую. Ребенок нежился под солнцем, ему все было нипочем. Он пытался забрать в кулачок жухлую траву, оторвать и съесть. Когда травинки щекотали лицо он

смешно поднимал брови и страшно удивлялся.

А Дэмиен не мог перестать думать о черной трубке, лежащей в синей шкатулке на второй полке сверху в доме. Руки чесались достать ее, зарядить и быть готовым к неизвестности.

Он не успел.

Между деревьев показалась острая морда лисы. Она понюхала воздух, и, прихрамывая на трех ногах, заковыляла к лесничим.

За ней вышла Чармейн, вся с головы до ног вымазанная в глине. Ее медовые волосы спутались, два острых беличьих уха торчали по обе стороны головы.

Дэмиен бросился к ней, на подгибающихся ногах. Обнял, нащупал на спине теплый и мягкий мешок из ткани. Из него торчала любопытная голова Ветерка. Увидев Дэмиена, тот расплылся в счастливой улыбке.

Они так и осели наземь, сначала Дэмиен, на нем уставшая вусмерть Чармейн и Ветерок, тянущий ручки к лесничему, изо всех сил пытающийся выбраться из переноски.

Он зарылся носом в тонкую шейку Ветерка, пахнущую кислым молоком. Ребенок так радовался, что крылья на его спине беспорядочно дергались, вокруг разлетался пух. Чармейн не выдержала и чихнула. Они счастливо засмеялись. Милисент глядя на них, тоже не смогла сдержать улыбки.

Сверчки замолкли. Запах тлена стал сильнее. В воздухе застыло предчувствие близкой беды, будто мохнатый паук пробежал по голому животу. Дэмиен обернулся к кромке леса за хижинкой. Из-за деревьев показался Юстас, за его спиной маячила внушительная фигура мужчины с каменным выражением лица.

Дэмиен помнил Юстаса мальчишкой, тот изменился. Вытянулся, раздался в плечах. Черты лица заострились, а взгляд остался тем же — пронзительный жар двух угольков. Правда цвет кожи выдавал нездоровье — лоснился желтизной страниц старых книг. Он был одет в черный элегантный фрак с длинными фалдами за спиной. Одежда подходящая для официальных приемов, не для хождения по зарослям. Поэтому наемный силач держал в руках увесистый клинок, утолщенный у края, чтобы расчищать Юстасу дорогу.

Милисент, сидящая подле озера, согнулась в три погибели, издала то ли писк то ли стон.

— Здравствуй, — Дэмиен поднялся с земли, приобнял Чармейн, отдал ей в руки Ветерка.

— Здравствуй сестра, мир и тебе, Дэмиен.

— Что ты тут делаешь?

— Исправляю прошлые ошибки, — Юстас криво улыбнулся. — Вернулся в Вирхольм, чтобы попросить прощения у тех, кому причинил зла.

Он поднял ладони с худыми длинными пальцами вверх, показывая, что пришел с миром. Его взгляд скользнул по Милисент и остановился на Ветерке, вальяжно развалившемся на руках у Чармейн, с белоснежными крыльями за спиной. Лицо Юстаса ничего не выражало. Смотрел он внимательно, вбирая мельчайшие детали.

— И как ты собираешься исправлять содеянное? — спросила Чармейн.

— Если бы ты знала сестричка, скольким во внешнем мире требуется помощь леса... Я говорю о детях, несчастных сиротках, обреченных на ужасную участь. В Ахтхольме мечтают о детях без всякой надежды. Не правда ли это несправедливо?

Дэмиен криво усмехнулся. Юстас попал в самую точку. В Ахтхольме нуждались в притоке новой крови, они на все будут согласны ради детей. Если они ждали появление Юстаса... Что-ж, многое становится на свои места.

Все знают о том, что Юстаса изгнали из-за Милисент. Многие подозревают, что он был жесток с нею, может даже вправду изнасиловал. Она не потерпит его возвращения. Уж точно не будет сотрудничать. Наверное, поэтому ее пытались убрать. А уж Альфред и вовсе обрадовался, он ведь давно жаждал получить обратно должность лесничего.

— Юстас...

— Сестричка, почему не подойдешь, не обнимешь? Не рада видеть?

Чармейн заколебалась. Обернулась на Дэмиена, прося взглядом совета. Сделала шаг вперед, но потом замерла на месте, выпалив:

— Не тебе решать, кто достоин пройти через завесу. Это дело Хозяина леса.

— Правда, Чармейн? И тебе совсем не жаль деток? Или, — Юстас кивнул на Ветерку, — ты заботишься только о своем?

Детей было жаль. О внешнем мире они никогда не задумывались, он существовал отдельно, в своем сказочном пространстве. Происходящее там их не касалось. А теперь Дэмиен представил малыша возраста Ветерка, никому не нужного... В груди екнуло сердце. Если Юстас спасет детей, он искупит прошлое.

— Если ты хотел творить добро, почему же привел за собой воинов, а не сирот? — продолжила расспросы Чармейн.

— Но что же делать, Чарм? Мои руки связаны, на меня идет Дикая

охота... Только, на сей раз я не буду ждать ее в городе, как курица ощипки.

У Дэмиена заболела голова. Он видел, что Юстас лжет, и не мог указать, в чем именно. Снова завели пронзительную трель цикады. Солнце нещадно палило с небосклона. От запаха мертвечины, разлившегося в воздухе, Дэмиена тошнило, по телу пробежала внезапная слабость, подкосившая ноги. Егохватило на то, чтобы задвинуть Чармейн себе за спину.

От Юстаса исходила угроза. Лес ее чувствовал всем естеством и отталкивал как мог.

Где-то в чаще протрубил охотничий рог. Юстас победно ухмыльнулся, на его лице с заострившимися скулами появился азарт. Он тронул какой—то предмет за пазухой пиджака и сказал.

— Началось.

Юстас повернулся подать сигнал приспешнику. Тот застыл со стеклянными глазами, потом из похожих на жирные гусеницы пальцев, с мягким стуком упал клинок, и здоровенный бугай повернулся, приспустил со всех ног в сторону, противоположную звуку рога, зажав ладонями уши.

Милисент встала с земли, подошла к лесничим. Дэмиен заметил краем глаза, как из озера появилась Кувшинка, забрала своего сына и скрылась под гладью воды, не замеченная незваным гостем.

Во второй раз протрубил рог, на сей раз ближе. Послышался стук копыт, лай собак. Дэмиену стало жутко, к его плечу прислонилась побледневшая Чармейн, и даже Ветерок спрятал лицо у груди матери.

Дэмиен подал знак своей семье отходить в сторону хижины, но тут Юстас выхватил из-за пазухи продолговатую железную трубку и наставил ее на лесничего.

— Вы знаете, что это.

Дэмиен знал. Из-за завесы передавались книги, в них были упоминания о пистолетах и ружьях. Этой трубкой можно убить на расстоянии.

— Не делайте глупостей, оставайтесь на месте, — Юстас обернулся, продолжая держать Дэмиена на прицеле. — Скоро все кончится. Я не причину вам зла.

Дэмиен не собирался бездействовать, глядя в черноту дула. Он закрыл глаза, попытался сосредоточиться на огоньке внутри. Подле ботинка Юстаса из земли начал расти куст плюща, гибким кончиком любовно обвил голень, почти не примяв штанину. Пополз вверх, огибая ногу круг за кругом. Тонкий стебель у земли стал толще, потемнел, а потом вьюнок сжался, будто отпущенная пружина.

Юстас с удивлением посмотрел вниз, на неизвестно откуда, появившуюся ловушку, и пропустил момент, когда из леса выступили Тейл и его отец в алых плащах и золотых коронах.

В тот же момент, пока те не успели даже раскрыть рта, Юстас наставил пистолет на старшего фейри и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел, подобный разрыву грома, на груди короля расцвело алое пятно под цвет плаща. Уже падая, в плен плюща, Юстас плавным движением перевел дуло на Тейла, но тут он весь дернулся, как паяц на ниточках от неуклюжего движения кукловода. В шее Юстаса задержалась стрела с черным оперением.

Дэмиен перевел взгляд на Милисент. Она держала у губ черную суставчатую трубку. Ту самую, которую прятали подальше от глаз в хижине на верхней полке.

Юстас с криком запрокинул голову. По тонкой цыплячьей шее скатилась багровая струйка темной крови. Он выдрал стрелу и попытался вновь поднять руку с пистолетом, но тут его всего начало корчить.

Он пронзительно заорал. Его тело выгнулось дугой, глаза закатились, изо рта пошла пена.

Палка выпала у Милисент из рук, она осела на землю, закрыв лицо ладонями.

Тейл склонился над отцом, тот хрипел, на губах выступили алые капли.

Чармейн закрыла глаза Ветерка, сама спряталась у Дэмиена на груди.
— Хватит.

Голос зазвучал одновременно со всех сторон как звон колокола. В то же мгновение, Юстас перестал биться в приступе, упал на землю сломанной куклой. Черты лица разгладились, убирая боль, оставляя умиротворение, глаза закрылись навсегда.

На поляну вышел единорог. Путаясь между тонкими ногами с серебряными копытцами, за ним семенили лисята с пушистыми хвостиками, кубарем катились медвежата, бежали грациозные оленята.

Единорог подошел к Тейлу, склонившемуся над отцом. На остром роге зазмеилось искрящееся сияние, впиталось в грудь короля фейри. Тот глубоко вздохнул, и задышал ровно, не открывая глаз.

Над Юстасом Единорог стоял дольше. Дэмиен затаил дыхание, в ожидании чуда.

Тело единорога окутала дымка. Миг, и на его месте стояла юная девушка, одетая в платье цвета первого снега, с белоснежными волосами до пят. Ее голову венчали два ветвистых рога. Она опустилась на колени подле

Юстаса и заплакала.

Чармейн тоже безудержно плакала. Она могла на словах ненавидеть Юстаса, но видеть его мучения и знать, что он мертв пробило брешь в стене, которую она сознательно вознесла между собой и братом. Вспомнилось, как в детстве, он бывало носил ее на руках, и позволял играть с собой в догонялки. Он казался взрослым, всезнающим и всемогущим. Потом стали возникать ссоры, Чармейн не могла простить того, что Юстасу всегда доставалось лучшее, за счет нее самой. Она мстила, он отвечал. Юстас был сильнее, мучил ее удачливей, так и понеслось... Оказывается, не смотря ни на что, Чармейн все еще любила его.

И она была благодарна рогатой феяри за то, что та тоже оплакивает Юстаса. Кем бы он ни стал.

Беловолосая девушка погладила волосы Юстаса.

— Глупый мальчишка. Я дала тебе второй шанс, а ты ворвался обратно ради убийства.

Она с легкостью подняла тело Юстаса на руки, как жених невесту. Обвела невидящим взглядом присутствующих на поляне. Милисент так и осталась распростертая на земле в глубоком поклоне, пряча лицо в ладонях.

Кто эта хрупкая на вид девушка?

Чармейн оцепенела, руки заledenели, сердце ухнуло вниз. Она хотела столько узнать, но ни один вопрос не казался достойным быть заданным.

— Чармейн, попрощайся с братом, — сказала рогатая феяри. Ее голос отдавался гулом в грудной клетке, жег под ребрами отголоском волшебного огня.

Ноги Чармейн сами понесли ее вперед.

— Прости, Юстас, — прошептала она. — Я завидовала тебе, вместо того, чтобы любить. Мы не были близки. Прощай, брат.

— Признать правду нелегко. Делает тебе честь. Кто либо еще?

На поляне воцарилась тишина. Тейл держал за руку отца, наблюдал как поднимается и опускается его грудь в глубоком сне. Дэмиен Поддерживал Чармейн за талию.

Милисент сидела на земле, не поднимая головы. Наконец она хрипло произнесла:

— Я не сожалею. Простите меня, Хозяйка леса. Вы мне дали второй шанс, и я подвела вас.

Хозяйка леса... Чармейно склонила голову в глубоком поклоне. Она

привыкла думать о нем как о хозяине, неведомом мудреце, все видящем, но стоящим в стороне. Она ли бывшая монахиня Ангелина, или легенды лгут?

— Не могу судить тебя строго, любимая девочка. Уже журила тебя однажды за затаенную обиду. Я знаю, какую боль он тебе причинил, тоже не сожалея. Прости, но тебе придется покинуть лес. Как и всем вам. Хватит. Я создала этот заповедник для любви. Раз люди не умеют его ценить — вам тут не место. Все, на что я надеялась разрушено. Вас не остановить ни договором, ни наказанием.

Вдруг до селе внешне безучастный Тейл с болью спросил:

— Раз я вижу вас, о создательница, то позвольте спросить — за что? За что вы обрекли нас, верных ваших слуг, на вымирание?

Хозяйка леса в последний раз с сожалением взглянула на Юстаса, движением руки создала окованный медью гроб и перенесла его тело туда. Лишь потом встала напротив Тейла и ответила ему с дрожью в голосе:

— Дети должны расти в любви, понимаешь? В любви, а не в абсолютном послушании. Раз фейри не умеют быть родителями, то не будут.

Тейл посмотрел на нее с изумлением. Его губы дрожали, он смог только произнести:

— Мы все это делали ради вас...

— Единственная ваша обязанность — быть счастливыми и жить в мире. Вы ее нарушили. Послушай, Саэдримон, твои предки пришли ко мне из Вирхольма и Ахтхольма, поклялись в преданности лесу, а я одарила их со всей щедростью. Они просили ухаживать за природой — я согласилась. Ради вас, не ради себя.

— Но почему? Почему нам дали пойти по неправильному пути? Почему не остановили?

— Потому, что я не хочу власть. Она мне не нужна. Вмешиваться в вашу жизнь, направлять, говорить, как и когда поступать? Вы мои гости, а не хозяева! И когда гости начинают докучать, их вежливо просят оставить дом. Завтра же завеса двинется, города останутся во внешнем мире. *Прошу и вас уйти.*

Последние слова прозвучали приказом, которому Чармейн поняла, что не в силах противиться. Ноги загудели, будто по ним поднимается полчище мурашек, сами собой решили сделать шаг прочь из леса.

Ее тут же обуяла паника, в горле встал ком. Она вспомнила огромные секвойи и сосны объятые огнем. Ласковый ветер на просторах песчаных дюн, красную пустыню с деревьями канделябрами. Вспомнила, как спасла трехногую лису и та ее отблагодарила. Ощутила щекой шершавость лесных

стволов и то, как они готовы передать сообщение в любую точку леса. Ей вспомнился рассекаемый крыльями воздух, когда исполнилась мечта детства летать, как во вне. Но больше всего, главнее всего встало перед глазами то чувство нужности, когда Чармейн справлялась с заданием. Как она будет без него?

— Простите, — голос показался тонким, как у мышки. — Только выслушайте меня, умоляю... Я не представляю свою жизнь за пределом леса. Я люблю его всей душой, обещаю, стараться стать его достойной. Пожалуйста, я не прошу за всех людей и уважаю ваше решение. Но только для моей семьи сделайте исключение. Вы знаете наши сердца, мое, Дэмиена, Ветерка. Не прогоняйте нас...

Хозяйка леса с глазами цвета неба и глубиной в океан, кивнула. Ноги отпустило, Чармейн снова ощутила легкость во всем теле.

— И я попрошу, если можно, — сказал Дэмиен. — За свою мать, она уже стара и привыкла к своему расписному домику. Оказаться совсем одной в незнакомом мире станет для нее смертным приговором. И еще за Ирвайна и его мать. Она мучается от болей спине, а Ирвайн за ней хорошо смотрит.

Хозяйка леса слушала, пока Дэмиен называл все новые и новые имена. Затем к нему присоединилась и Милисент. Она просила за тех жителей Ахтхольма, с которыми была лично знакома, их оказалось на удивление много. Потом с колен поднялся Тейл и попросил смиренно, если не за себя, то за сестру, перед которой очень виноват.

— Я поняла, — согласилась хозяйка леса, пряча улыбку. — Ваш способ переубедить сработал. Живите дальше, как вам нравится, пока мне не мешаете. Договор, остается в силе. В нем всего два пункта — не причинять вред лесу и друг-другу.

— Спасибо! — Милисент присела в глубоком поклоне.

— Ты не закончила с просьбами? — Хозяйка леса смотрела с иронией, наклонив голову к плечу.

— Только маленький вопрос, с вашего позволения. Юстас говорил правду о сиротах во внешнем мире?

— Да, — Хозяйка леса ответила с каменным выражением лица.

— Пожалуйста, дайте нам возможность забрать их сюда. Ах как бы я хотела... — загорелись глаза Милисент. — Как бы я хотела быть им матерью!

— Это будет достойное начинание, — задумчиво сказала Хозяйка леса. — Решено, лесничие смогут выходить во внешний мир и возвращаться обратно, когда им вздумается. Как и феири. Саэдримон, Нендаранель, вы

всегда будете моими любимыми детьми, но помните, между вами и жителями городов нет никакой разницы, кроме обязательств, которые вы приняли на себя добровольно. Я всегда рядом, все вижу, и раз вы попросили за благополучие городов, то и ответственность за них лежит на вас. Впрочем, так было всегда.

Хозяйка леса подошла к Чармейн, легонько поцеловала ее в лоб и прошептала:

— Я особенно горжусь тобой, храни Дэмиена и своего сына. И приходи ко мне поболтать иногда. Мне не хватает подруги.

Хозяйка леса развернулась, ее белые летящие одежды заструились по воздуху, там где она ступала вырастали незабудки. Свита из зверят устремилась за нею вслед в глубину леса.

Чармейн потеряла саднящую кожу на лбу, в том месте, где получила божественный поцелуй. Напряжение ушло, скорбь от потери брата смешалась с облегчением от беды, которую удалось избежать. Ей стало жарко, Дэмиен подхватил ее на руки и закружил по поляне, вместе со счастливо хлопающим крыльями Ветерком.

— Подожди, — сказала она Дэмиену. — Мне нужно закончить одно важное дело.

Чармейн подобрала юбки, пошла в сторону Тейла, склонившегося над отцом.

— Я хочу тебе кое-что отдать, — сказала она. — Давний долг.

Чармейн подняла руки и замерла, закрыв глаза. По подоле длинного платья побежали вверх крупные паучки. Они залезли на пальцы и принялись плести между ладонями тонкую паутину. Затем из просвета между деревьев подул ветер, вокруг Чармейн закружились блестящие слюдяные стрекозиные крылья, будто перламутровые стекляшки. Они цеплялись за паутину да так и оставались покачиваться. Когда ветер утих в руках Чармейн висела самая настоящая рубашка из стрекозиных крыльев и паутины, сшитая не сделав ни единого надреза, без нитки и иголки.

— Надеюсь теперь ты освободишь меня от данной по глупости клятвы.

— Ты выполнила условие, на которое, способны лишь феири. Ты стала равной и теперь можешь сама решать, как поступать со своими клятвами. Даже забрать их обратно. Глупое условие, мне следовало понять, что Хозяйке леса не по нраву гордыня феири. Ты была мне равной и раньше.

— Спасибо за эти слова. Я желаю тебе счастья, Саэдримон.

— Вас ждет светлое будущее, наше время истекло.

— Ты не слышал Хозяйку леса? За завесой тебя ждут дети, Саэдримон,

те самые, о которых ты мечтал. Ты можешь растить их в служении лесу. Главное, не забудь о любви.

Чармейн вернулась к мужу и спросила, глядя в глаза Дэмиена.

— Что мы будем делать дальше?

— Жить, просто жить. И быть свободными. Когда отправимся смотреть внешний мир? Как насчет прямо сейчас?

Эпилог

Эпилог

По улицам Лондона в вечерний час прогуливались добротнo одетая пара — мужчина в начищенном котелке, свободном плаще, с тростью и импозантной бородой, и его спутница, в расшитом серебром платье, с пышной усыпанной цветами шляпкой, прикрывающей ушки.

Они гуляли в неблагополучном районе, в самых трущобах, где царил джин, голод и болезни. Впрочем, состоятельные леди и джентльмены бывало наведывались сюда посмотреть, как живет бедный люд, в качестве развлечения. Отдельвались мелкими жертвованиями, которые одариваемые тут же спускали на выпивку. Впрочем, за туристами обычно на небольшом расстоянии следовала охрана, эта же пара путешествовали без сопровождения.

На замызганных ступеньках горько плакала девочка лет трех, за ее спиной из раскрытой двери слышался шум, то и дело оттуда выходили плохо одетые люди, с разнообразной утварью в руках.

— Еще одна сиротка, Дэмиен, — сказала шепотом леди, прикрывая рот белой перчаткой.

— Давай понаблюдаем.

На девочку не обращали внимания. Один раз ей на голову упала жестяная кружка, вороватого вида одутловатая старуха мигом подняла упавшее, оттерла о фартук и засунула в карман, прикрикнув на ребенка за неуклюжесть.

Леди и джентльмен затаились в тени возле дома, в их сторону тоже никто не смотрел.

Когда все ушли, оставив пустое помещение и одинокого ребенка. Леди присела рядом с нею и спросила.

— Милое дитя, хочешь ли ты пойти в месте со мной в место, где ты всегда будешь любима.

— Хочу! — сказала девочка, сразу поверив и широко раскрыв глаза от удивления. — А ты будешь моей мамой?

— Ты сама выберешь себе маму, какая понравится. Пойдем?

Подошел бородатый джентльмен и девочка запрыгнула в нему на руки без лишних уговоров.

Дэмиен и Чармейн направились дальше. На соседней улице их ждала

какета, которая повезет за черту города к Виндзорскому лесу. А оттуда домой в лес, под благодатную зелень.

Когда ночью в квартиру вломились разбойного вида мужчины, один из них сказал.

— А разве у Сью не было девчужки? Куда она подевалась?

— Ищешь свежую кровь для своего заведения, Арчер?

— Никогда не лишнее, хе-хе, — загоготал он в ответ. — Никто не видал?

— Я видел, — сказал мальчишка, оборванец лет десяти, зашедший за ними в надежде на монетку за новости. — Ее феири забрали.

— Какие еще феири, не неси чушь!

— Их только дети видят. Ну вас, — бросил он, изворачиваясь от тумака. — В следующий раз, я попрошусь с ними.

Быстрым движением, схватив что-то со стола, оборванец метнулся к выходу и исчез в ночи. Несколько улиц он пробежал на пределе сил, петляя и путая возможного преследователя. Потом замер в под крыльцом дома на заброшенной улице и принялся ждать. Убедившись, что удалось уйти незамеченным, мальчишка выпрямился в полный рост и принялся пробираться дальше, стараясь держаться в тени.

Подле доков мальчишка свернул через дырку в заборе в просторный двор. Подле входа стояла клетка с курами, на длинной цепи спал матерый сторожевой пес. Куры поквохтали сквозь сон, собака лишь понюхала воздух и не сочла нужным просыпаться. Мальчишка направился прочь от жилого дома в сторону сарая. Между пристройкой и задним забором была щель шириной в два фута, заваленная у входа грудой старого хлама. Мальчишка шустро перелез через него и оказался в своем уютно устроенном тайнике.

— Бандит, ты еще жив? — прошептал оборванец. Затем потянулся к дощатому ящику, устланному вонючим тряпьем и достал оттуда слабо мяукающего слепого котенка. — Смотри, что я тебе принес.

Мальчишка достал из-за пазухи жестяную бутылку, в которых забулдыги хранят джин, а сейчас плескалось молоко, открутил крышку и победным жестом вытащил из кармана украденную со стола чайную ложечку.

— Теперь наконец-то поешь как следует! А потом поменяю тебе постель, я со вчера постирал и высушил подстилку.

До сиз пор оборванец кормил котенка молоком по капле с пальца, но способ оказался не слишком хорош. С ложечкой поначалу зверек совладал плохо, все не мог сообразить, чего от него добивается человек. А потом

понял, что вкусная жидкость сама заливается в рот, ее нужно только глотать и дело пошло как по маслу. Вскоре котенок заснул на сухой подстилке с полным животом. Мальчишка же решился на вылазку к реке под покровом ночи для новой стирки.

Выбраться удалось бесшумно, Темза плескалась где-то впереди, все, что требовалось, это спрыгнуть с мостков в холодную воду, сполоснуть тряпку, хорошенько потереть и обратно. И тут за спиной мальчишки закрипели доски. Он судорожно обернулся и увидел темную тень высокого мужчины в плаще с опущенным капюшоном.

Не думая дважды оборванец нырнул в грязные воды реки и поплыл со всех сил. Плавать он умел хорошо, а еще лучше нырять и задерживать дыхание, чтобы преследователь потерял след в темноте.

Выдохнув, мальчишка опустился на самое дно и там затаился, покачиваясь в такт с течением. Он сразу закоченел, икру свело судорогой. Обрванец покрепче сжал челюсти и приказал себе не подыматься ни в коем случае.

И тут на запястье сомкнулась ладонь с длинными пальцами, рывком потащила вверх. Мальчишка выхватил из-за пояса лезвие, сверкнувшее в мутной воде, и быстрым движением попытался воткнуть во вцепившуюся в него руку. Но тут что-то случилось с течением, со дна поднялся поток, толкнул в спину отнес руку куда-то в сторону и вышвырнул из воды как винную пробку. У парня закружилась голова, его кидало щепкой по волнам, вместе с вцепившимся в него незнакомцем.

— Я думал ты ищешь с нами встречи, — сказал мужчина.

Полная луна вышла из-за туч, оборванцу удалось рассмотреть лицо говорившего. Светлые волосы, почти серебряные в свете луны, прозрачные глаза, широкий подвижный рот, слишком крупный для лица. «Не человек», понял мальчишка и похолодел внутри. Во рту появился привкус железа, ногу все еще дьявольски изводила судорога. Парень затих как пойманный воробей в ожидании приговора.

— Ты зачем котенка взял? Он и так не выживет, лучше я заберу его, чтоб не мучился.

Мальчишка до селе скованный страхом, забился в железных тисках незнакомца.

— Не правда! Отпустите меня! Изыди нечисть! Отче наш иже еси...

— Ну хватит, хватит. Если хочешь, сам решишь, брать его с нами или нет. Если смотришь за слабыми, значит ты тот, кто нам нужен. Чего уставился, или не хочешь в страну фей? Я, что ли, зря за тобой пришел?

Мальчишка перестал сопротивляться, посмотрел вновь на незнакомца

внимательным взглядом. Читать лица он умел мастерски, и сейчас не мог поверить своим глазам. На него смотрели искренне, с добром.

— Я хочу. Правда?

— Смотри сам, — незнакомец улыбнулся своей лягушачьей улыбкой и вода вокруг них взорвалась желтоватым светом, создав дорожку из рыжих искр до самого берега. Поток вокруг икры уплотнился, сжал в тисках, так, что мальчишка резко выдохнул, но судорогу как рукой сняло.

— Нас ждет карета, а потом долгий путь до Виндзорского леса. Возьмешь своего задохлика?

— А можно?

— Можно, вылечим, нам не впервой.

Незнакомец первый взлетел на мостки изящным движением, затем протянул руку оборванцу. Когда тот ступил на берег его одежда внезапно стала сухой и чуть теплой. Мальчик с надеждой посмотрел на своего спутника, затем опустил голову и спросил дрожащими губами:

— А з-зачем я вам нужен там? Я даже мамке своей нужен не был.

Фейри опустился на колени, его лицо с невероятно прозрачными глазами оказалось напротив лица мальчика.

— Я отвечу серьезно. Твоя нужность определяется тем, что ты делаешь для других. Где-то далеко существует волшебный лес и ему не хватает хранителей. Готов ли ты взять на себя ответственность за его обитателей?

— Кто вы?

Незнакомец усмехнулся.

— Мы, фейри, не выдаем своих имен, называй как считаешь нужным.

— Кем захочу? Даже Лягушонком? — парень смутился от собственной наглости, но глупая привычка огрызаться взяла верх помимо воли.

— Имя определяет не названного, а назвавшего. Будь ответственен за кличку, которой решил меня наградить.

Мальчишка похолодел внутри. В глаза фейри он больше смотреть не мог. — Я спешу, — поторопил незнакомец, — Мне нужно догнать родных. Ты со мной?

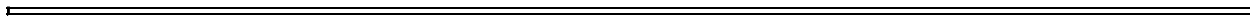
— Да, если возьмете меня. Я готов быть ответственен. Только... Вы ошибаетесь, я недостоин. Воровал и дрался...

— Тебя-то как зовут?

— Уилл.

— Послушай Уилл, одинокий ребенок делает все, чтобы выжить. Но ты больше не один. Пойдем, я познакомлю тебя с моей матерью. Ей подвластны все водоемы...

Конец



notes

Примечания